

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316+929

СЦЕНАРИЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ 1861 ГОДА

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается социально-политический сценарий развития общественной ситуации 1861 г. Особое внимание уделяется особенностям социально-политического мировоззрения мыслителя.

Ключевые слова: взгляды Н. Г. Чернышевского, крестьянская реформа 1861 г., социально-политическая мысль России.

N. G. Chernyshevsky Scenario of Social Movement in 1861

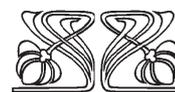
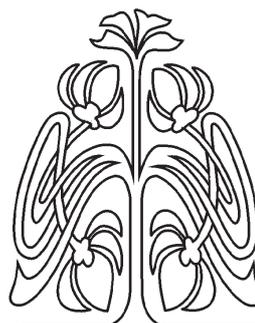
Y. A. Nikiforov

In article N. G. Chernyshevsky's contribution scenario of social movement in 1861 is considered. The special attention is given to features of sociopolitical outlook of the thinker.

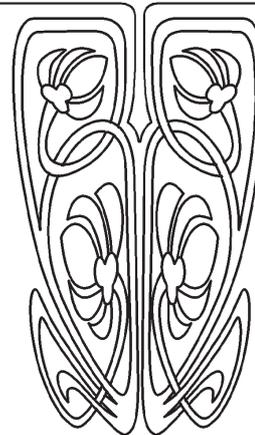
Key words: sociopolitical sights of N. G. Chernyshevsky, peasantry liberation in 1861, sociopolitical thought of Russia.

Через несколько месяцев после обнародования Положения об освобождении 1861 г. Чернышевский представляет политический сценарий с двумя исполнителями первого плана – «либералами», или «умеренными», из «образованных слоев», и разночинцами, или «прогрессистами», а также двумя другими, несколько отодвинутыми на задний план, – «реакционерами» и крестьянством. Этот сценарий важен, так как является почти единственным в своем роде. В самом деле, противники самодержавия не имели привычки отводить либералам хоть какую-нибудь роль в политическом освобождении России. Вместе с тем сценарий демонстрирует, что его автор ещё верит в способность общественных групп к инициативе.

Чернышевский предлагает что-то вроде цепной реакции. Этот план читается между строк в статьях, анализирующих итальянские события того времени¹. Однако читатели знали, что речь в них идет о России, поэтому интерес представляет не ценность этих комментариев с точки зрения тогдашней итальянской действительности, а та роль, которую он отвел различным действующим силам. Под прикрытием средиземноморских имен вырисовывался проект политического разрыва российского статус-кво. На крайних полюсах: «прогрессисты» (Мадзини и Гарибальди) – с одной стороны, и королевская власть (Неаполитанская корона и Святой престол) – с другой; общим для них было то, что они находились в меньшинстве и были далеки от народа. В центре – «либеральные консерваторы», представленные Кавуром, также очень далеким от масс в той мере, в какой его программа игнорировала народные чаяния. Поэтому ему суждено было быть раздавленным «реакционерами» подобно французским реформаторам 1848 г. Однако Кавур мог бы избежать их участи, если бы под давлением боевого меньшинства, находящегося на его левом фланге, он включил в свою умеренную программу некоторые народные требования. Тогда он был бы в состоянии удовлетворить требования большинства и одержать победу над реакцией. Применительно к России этот сценарий предлагал разночинцам политическую линию, состоящую в том,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

чтобы заставить тех, кто провозглашал себя «либералами», вести себя как истинные либералы и постараться в качестве политической силы найти своего русского Кавура.

Рассмотрим этот сценарий подробнее. «Ни та (реакционная), ни другая (революционная) партия не могла пользоваться властью»². Подразумевается, что радикальная оппозиция не должна претендовать на руководство антисамодержавным движением: «Иметь обдуманную ясную программу! Может быть, это и хорошо само по себе, может быть, это полезно для нации, но масса общества никогда не поставит, не будет иметь своими представителями таких людей»³. Призывая к политическому реализму, этот пассаж выразил проблему, которая затем станет общим местом: народ не узнает себя в революционной интеллигенции. Но только «тот силен в обществе, кто имеет за себя большинство». Кто может обладать силой? Консервативно-либеральная партия, «которая одна по ходу дел должна была иметь власть»? Так же, как и в Италии, умеренные в России могут рассчитывать на большинство, «господствующий принцип» которого – «рутина». Но, партия умеренных – это самая настоящая партия рутины. Реакционные речи «уже не удовлетворят рутинному образу мыслей большинства», в то время как революционные речи не вошли «в рутину». Так как «удовлетворительна только та смесь, которая составляет рутину», программа либералов может частично выражать народные чаяния⁴.

Чернышевский, однако, склоняется к мысли, что «либералы» не способны по собственной инициативе выразить народные требования. В этом случае, так же как и революционеры, они окажутся оторванными от народа: «...люди, желающие реформ и свободы, знают, что достигнуть ваших целей, победить реакцию и обскурантизм вы можете, только усвоив себе стремления массы ваших бедных темных соотечественников поселян и городских простолудинов. Или примите в ваши программы аграрные вопросы, или вперед знайте, что вы обречены на погибель от реакции»⁵. Как, по мнению Н. Г. Чернышевского, заставить «умеренных» обратиться к народным стремлениям? «Умеренная партия, представительница рутины, с каждым годом расширяла свою мерку возможных и полезных реформ. Это расширение делалось не по ее охоте, против ее желания налагалось на нее успехами прогрессистов»⁶. После каждого успеха революционеров Гарибальди «умеренные» Кавура стояли на том, что этим-то и надо ограничиться. Успехи Гарибальди влекли за собой расширение либеральной программы. Именно своей агрессивностью и экстремизмом разночинцы могли заставить либералов определиться – заострить свою позицию, четче очертить ее контуры – стать тем, чем сами они никогда бы не решились стать в России. Поэтому Чернышевский ничего сверх этого не требовал от революционеров: «Умеренная партия постоянно считала этих людей непрактичными мечтателями, вредными интри-

ганами... Но старый порядок, кусок за куском, падал под напором интриганов и мечтателей. С каждым таким фактом принуждена была умеренная партия изменять свою программу»⁷. «Кавур» был написан в 1861 г., когда живо ощущалось нетерпение части молодежи. Стиль и ритм статьи Чернышевского отвечают необходимости убедить эту молодежь в важности либерализма для России: «Умеренная партия не виновата ни в чем, даже в том, что дело не шло так быстро, как могло бы идти при другом ее характере... Ведь если бы Кавур и другие предводители умеренной партии поступали иначе, если бы они сами шли вперед, а не были против собственных мыслей ведены вперед другими, они не были бы предводителями умеренной партии, не были бы представителями большинства... не имели бы в своих руках и организованную силу государства, не были бы его правителями... Нечего порицать Кавура за то, что он был таким, каким был, занимая место, какое занимал: такие люди требуются этим местам, другие не годятся для него... Скажем более того: мы расположены думать, что господство именно этой системы служило необходимым условием успешного хода национальных дел»⁸. Чернышевский обращался к двум адресатам: к разночинной молодежи, ищущей действия, и к «либералам», к элите «образованных классов», разрывающейся между своим стремлением к свободе и своей покорностью властям⁹. Это был призыв ко всему, что было в России «образованного», чтобы вырвать общество из плена самодержавия. Параллельно Чернышевский сохранял надежду на то, что крестьяне, разочарованные Реформой, проявят тем или иным способом свое недовольство. Слияние этого протеста (Чернышевский не питал иллюзий относительно его широкого размаха) с деятельностью умеренных, подталкиваемых радикалами, могло бы закончиться падением царизма.

Это было бы что-то вроде реформы сверху, но проводниками ее вместо государства являлись бы «образованные классы». Вырвав инициативу у самодержавия, это движение могло бы в достаточной мере изменить ход русской истории.

Примечания

¹ См.: Чернышевский Н. Г. Граф Кавур // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. М., 1939–1950. Т. VII.

² Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. VII С. 670.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 370.

⁶ Там же. С. 671.

⁷ Там же. С. 672.

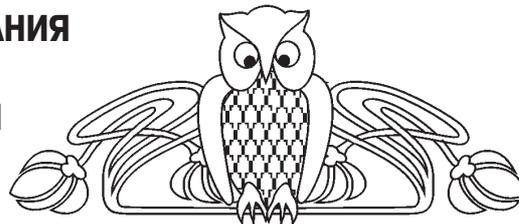
⁸ Там же. С. 672–673.

⁹ Там же. С. 736.

УДК 316.35

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ

Д. М. Давлетшина

Институт филологии и искусства Казанского федерального университета
E-mail: hunter8910@yandex.ru

В статье даются различные определения понятия «качество жизни» применительно к нынешнему состоянию населения России. Качество жизни россиян следует рассматривать как качество жизни коллективного субъекта, агрегатированное из качества жизни каждого гражданина. Это «всеобщее» качество жизни требует улучшения во всех аспектах и должно измеряться и оцениваться по объективным и субъективным показателям по отношению к целевому критерию (эталоно), ориентированному на реальную перспективу социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: качество жизни, морально-нравственные установки, культурная модернизация.

Theoretical-methodological Bases of Research Quality of Life and Cultural Potential of Youth

D. M. Davletshina

This article provides various definitions of «quality of life» in relation to the current state of Russia's population. Quality of life in Russia should be seen as quality of life of the collective entity, aggregated from the quality of life for every citizen. This is a «universal» quality of life needs improvement in all aspects and should be measured and evaluated by both objective and subjective indicators of the target criterion (standard), centered on the real prospect of socio - economic development.

Key words: quality of life, moral setting, cultural modernization.

В 2004 г. Президент России впервые определил качество жизни как целевой критерий социально-экономического развития страны. С этого времени проблема измерения и оценки качества жизни населения России перешла в плоскость решения практических задач. В последующие годы неоднократно подчеркивалась важность ориентации на проблему повышения качества жизни населения, решение которой изменило бы качество жизни в России и обеспечило нашей стране лидерские позиции. Наиболее обоснованным является определение качества жизни населения с позиций понимания сущности жизни людей как процесса, направленного в целом на сохранение и развитие жизни человечества во все более широких границах природных условий путем созидательной деятельности, преодоления природных, личностных и социальных противоречий и трудностей.

Таким образом, качество жизни населения, в том числе и молодежи, определяется жизненным потенциалом общества, входящими в него социальными группами отдельных граждан, средствами, условиями и результатами их жизнедеятельности, социально позитивными потребностями, ценностями и целями. Проявляется качество жизни в субъективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью как биологическим, психическим (духовным) и социальным явлением.

Теоретическую основу социологических концепций качества жизни составляют научные парадигмы, которые рассматривают человека с позиции его потребительской сущности. Данный подход позволил осмыслить место человека в системе общественных отношений, благополучия, благосостояния, раскрываемого с интеграционных позиций объективистского и субъективистского подходов. У М. Абрамса, А. Кэмпбелла, П. Конверса, У. Роджерса отмечается «субъективно оцениваемое» качество жизни – индивидуальные человеческие потребности и ощущения. «Качество жизни» связывается с воспринимаемым или осознаваемым индивидуальным благополучием, отражаемым в оценках людей как удовлетворение или неудовлетворение жизнью, счастье или несчастье в жизни. Концепция «ощущаемого качества жизни» А. Кэмпбелла – это удовлетворенность материальным положением, межличностными отношениями, уровнем самооценки. С. П. Капица рассматривает качество жизни как один из компонентов устойчивого развития населения Земли. «В XXI веке в новых демографических условиях при стабилизации численности населения критерием развития станет качество населения. Именно в этом контексте следует рассматривать концепцию устойчивого развития человека: витальности (здоровья), свободы и творчества»¹.

На наш взгляд, качество жизни выступает как комплексное понятие, включающее в себя как экономические, так и социально-психологические показатели, выражающиеся в степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности людей. Оно

включает в себя такие компоненты, как состояние рынка труда, жилищные условия, качество образования и медицинского обслуживания, основных социальных услуг в сфере культуры, физической культуры и спорта, обеспечение правовой и экологической безопасности.

Принципиально новым по отношению к другим трактовкам качества жизни является введение в это понятие новой составляющей – «жизненного потенциала» людей (индивида или социума). Жизненный потенциал представляет собой ядро жизнедеятельности. Субъективно он проявляется у человека в ощущении своей силы, в желании активно действовать, в чувстве радости от самого факта своей жизни. И это – базовый компонент качества жизни, основа всех потребностей и ценностей, как биологических, так и духовных, нравственных.

«Общим местом» гуманитарных исследований конца XX в. стал вопрос преодоления духовно-нравственного кризиса эпохи, темпорально обозначенной как «время смены тысячелетий», а семантически и контекстно – такими дефинициями, как «третье осевое время» (К. Ясперс), пост- и постпостмодернизм (Ч. Дженкс, Ж. Деррида, Ж-Ф. Лиотар), информационная эпоха (М. Кастельс), эпоха глобализации и «глобальной деревни» (М. Макклэун). В конечном итоге интеллектуальное пространство гуманитарной рефлексии наполнилось мыслями и умозаключениями по поводу возникшего диссонанса между новыми материальными и техническими возможностями человечества и их влиянием на поведение личности, на ее отношения с самой собой, социумом и вселенной. Стало понятно, что для дальнейшего существования и гармоничного развития социума, а также личности в нем необходимо преодолеть барьер, стихийно сложившийся из множественных девиаций и аномий, из деструктивных проявлений, социальных потерь, основанный на тотальных медийных манипуляциях и подмене традиционных ценностей псевдоценностями и неостереотипами идеологии потребления. Основным в этом проблемном поле является то, что нивелирование традиционных духовно-нравственных ориентиров общества не было компенсировано созданием иной стабилизирующей системы ценностей. Ценностный кризис современного (в том числе и российского) общества связан с тем, что социокультурные факторы, формирующие установки личности, подвержены постоянному изменению, а сами конкретные установки индивидов отнюдь не столь динамичны. Соответственно, для нормализации состояния общества необходимо наладить механизмы аккумуляции, передачи и трансформации социокультурного наследия, а главное, постоянно поддерживать его символическое ценностное ядро – морально-нравственные установки, которые всегда объединяли людей для достижения общезначимых целей. Данная работа посвящена

исследованию современных социальных систем и специфики взаимодействия личности молодого человека и социальных институтов в контексте реальной и потенциальной культурной модернизации.

Личность и культура становятся центральными понятиями работы. Социологический подход в исследовании этих феноменов задает определенный ракурс видения поставленной проблемы и путей ее решения. Для определения таких понятий, как «культурный потенциал», «качество культурного потенциала», для анализа их структуры, функций и свойств нам необходимо раскрыть общую специфику социологического подхода в отношении феноменов культуры.

Множественность социологических методов исследования культуры объединяется определением ее признаков, например нормативности, и выявлением главных функций – латентности (поддержание образца) и социализации.

Традиционно основное предназначение культуры видится в выполнении функций трансляции социального опыта (Н. Дубинин), консервации (социальной памяти общности – народа или этноса) (Ю. М. Лотман). Культура определяет специфику человеческого поведения, которое, в отличие от поведения животных, не обусловлено инстинктами и не запрограммировано генетически, а является результатом научения и обучения. К данной трактовке близка точка зрения Э. Гидденса, который рассматривает культуру «как систему ценностей, которых придерживается данная группа людей, норм, которым следуют ее члены, и материальных благ, которые они создают»².

С этим определением можно соотнести и позицию Т. Парсонса, для которого культура – это часть окружающей среды существующей социальной системы. Главным функциональным требованием во взаимоотношениях общества и культурной системы является легитимация общественного нормативного порядка. В ее основе находятся культурно-ценностные образцы как элемент культурной системы в целом. Эти, равно как и другие, символически организованные культурные образцы возникают через эволюцию. Главные образцы культурных систем изменяются на протяжении жизни многих поколений, их всегда придерживаются относительно большие группы людей. Соответственно, социальная система имеет определенное ядро, под которым подразумевается структурированный нормативный порядок. Он содержит ценности, дифференцированные и партикуляризированные нормы и правила, которые постоянно соотносятся с понятием «культура» для того, чтобы быть значимыми в данном обществе. Другим элементом культурной системы выступает языковая среда. Способность научиться языку и использовать его, очевидно, зависит от специфической генетической конституции человека. Понятие «культурность» определяет любое человеческое дей-

стве, поскольку смысл и намерения действий выражаются в терминах символических систем, связанных с языком как общей принадлежностью человеческих обществ³.

Культура, как пишет современный немецкий ученый Ф. Тенбрук, является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием⁴.

Обобщая различные интерпретации понятия, можно сказать, что традиционно культура как социальный институт выполняет функции аккумуляции, трансляции и распространения духовных ценностей, создания единого символического порядка, включающего в себя нормы и предписания, регулирующие взаимодействие членов того или иного общества.

Опираясь на вышеприведенные мнения, мы определяем, что для каждой эпохи актуален свой набор институционализированных социально-культурных практик, удовлетворяющих потребности стабильного общественного функционирования и развития. Очевидно при этом, что не может существовать некой «общепринятой культуры», которая действовала бы на протяжении истории человечества и вдруг перестала быть эффективной в рамках общества постмодерна. Речь идет о цепочке сменяющих друг друга ценностно-нормативных структур, включающих в себя механизмы внедрения, самовоспроизведения и трансформации. В современном мире существует проблема «динамики культурного контекста» и «стагнации культурных систем». Она выражается в противоречии между резким изменением видов и содержания социального взаимодействия и деактуализацией имеющейся ценностно-нормативной структуры. Меняется содержание поля культуры – язык, доминирующие сферы деятельности, модели поведения, мировоззренческие установки. Однако все это «насаживается» на действующий нормативно-ценностный каркас. Молодежь как наиболее мобильная группа интуитивно пытается тем или иным образом адаптировать его под себя или игнорировать вовсе. Эта тенденция рассматривается в большей части работ, посвященных современной молодежной культуре, как кризис духовности, всеобщий нравственный упадок и т.д. Таковы реалии времени. Однако этот тренд – такой же повод для общественного регресса, как и для развития. Необходим новый культурный концепт, включающий в себя все многообразие современных и перспективных социально-культурных форм, учитывающий психологические особенности поведения человека начала XXI в.,

опирающийся на ценностно-нормативный базис, адекватный для морально-нравственного регулирования общества.

Специфика российской модернизации проявляется в том, что разные социальные группы выступают одновременно как хранителями сложившихся ценностно-нормативных образцов (советских, криминальных, религиозных, корпоративных), так и авторами нового общественного порядка. Эклектика социальных образцов поведения дополняется их новыми формами и видами. Однако институционализация стихийных моделей поведения членов социума требует координирования со стороны социальных институтов и рефлексии гуманитарной науки. Часть из них выглядит абсолютно чуждой традиционным российским реалиям, но оказывается крайне жизнеспособной. Находясь в новых условиях, люди (в первую очередь молодежь) стихийно «протаптывают» новые социально-культурные «тропинки», не обращая внимания на «проторенные» социальным «мэйн-стримом» пути. Из этого следует, что управление функционированием социальных систем может быть эффективным, если оно лично ориентированное, тонко учитывает нюансы поведения членов тех или иных групп, если социальные нормы организуются в соответствии, а не вопреки потребности человека. Такого рода гуманистически-антропологический разворот – важное условие для разработки стратегий эффективной социальной деятельности. Он обязателен к внедрению в науку, менеджмент, образование. Нарушение этой парадигмы может привести к тотальному хаосу и окончательной государственной деструкции.

Если говорить о научном исследовании вопросов культуры в современном мире, мы также не сможем избежать использования дисциплинарной интегративности. Это становится условием выявления объективных закономерностей социально-культурного бытия личности в социуме. Уже сейчас в большей части исследовательских социологических работ, посвященных вопросам духа, духовности, морально-нравственных устоев, в дополнение к системному, деятельностному, историческому подходу стали использоваться феноменологический, семантический, герменевтический подходы, психоаналитические теории. Методом, адекватным исследованию процессов человеческих коммуникаций, стал символично-интеракционистский метод. При исследовании различных социальных систем как самоорганизующихся и обладающих многоуровневой структурой стал использоваться синергетический подход, в частности «теория нестабильности», которую разрабатывал И. Пригожин. Многосоставная методологическая структура стала платформой для всеобъемлющего изучения феномена личности и ее сущностных особенностей, а наука в целом совершила антропологический разворот и вышла на качественно иной уровень.

Безусловно, традиционные социологические методы в исследовании вопросов культурной социализации личности и функционирования социально-культурных общественных систем, которых мы касаемся в своей работе, являются оптимальными. Это связано с научным статусом социологии, которая изучает не человека вообще, а общество как пространство жизни человека, как среду его субъект-объектной деятельности, а также институциональные и деинституциональные связи между личностью и социумом.

Однако актуализация гуманистических тенденций в изучении такого сложного, многосоставного феномена как культура обосновывает необходимость выхода методологических оснований за пределы традиционных социологических методов и экстраполяции философско-антропологических законов социально-культурного бытия. Это позволит преодолеть ограниченность мононаучного социологического подхода. Нельзя не учитывать той тонкой грани, которая все же существует между понятием социального и культурного. Культура не сводима к понятию общества, хотя, безусловно, носит общественный характер и может быть рассматриваема как социальное явление. Ее основная – человекотворческая – функция редуцируется при рассмотрении ее как простой совокупности функций передачи социального опыта, а также регулятивной, знаковой и ценностной функций. Это связано с тем, что в структуре феномена культуры, наравне с социальным, выделяется духовный уровень. К. Манхейм рассматривает эти уровни как несовместимые, отдавая роль общего знаменателя, который наука «вклинивает» между этими полюсами, мировоззрению человека⁵.

Для всестороннего изучения таких многогранных объектов, как личность, культура, культурный потенциал, мы можем применить разработанный Ю. М. Резником интеграционалистский подход, который основывается на синтезе социологического, психологического, антропологического подходов. Такой комплексный подход позволяет рассматривать человека как многоуровневую систему – физическую, психическую и социальную, – изучать «интеграционные» («интегральные») связи и процессы, пронизывающие собой все другие явления человеческой жизни. Они являются одновременно биологическими (по своему происхождению) и социальными (по способу бытия), психическими (по своему «внутреннему» строению) и культурными (по содержанию). Мы сможем изучить человека в социальном плане как интеграцию личности (субъекта деятельности), культуры (универсального способа осуществления деятельности) и социальной организации (формы его совместной деятельности)⁶. Так мы сможем преодолеть подход к личности исключительно как к субъекту общественных отношений и учесть внутреннюю интуицию познания себя, основанную на глубинной внутренней работе и связанную с собственно человеческой природой.

Опираясь на основы интеграционалистского метода, мы можем использовать очень актуальные в современной гуманитарной мысли неогуманистические концепции в исследовании вопросов культуры.

Предполагается, что одним из важнейших аспектов преодоления глобального духовно-нравственного кризиса является новое понимание гуманизма, основанное на идее коэволюции и гуманистической антропологии Э. Фромма. Идея неогуманизма может стать отправной точкой в решении социальных проблем. В данной работе автор определяет понятия «культура» и «культурный потенциал», основываясь именно на постнеклассическом типе рациональности. Он выстраивает знание с учетом структур повседневного мира и не противопоставляет человека как познающего субъекта объективному миру, а напротив, признает его частью этого мира и фактором, влияющим на современные эволюционные процессы, а соответственно, несущим определенную ответственность за результат.

Сам неогуманизм связан с ключевым понятием всех гуманитарных исследований – феноменом культуры, так как именно он представляется основополагающим свойством человеческого мира. Именно культура, так называемая искусственная среда, отделяет человека от животного. Однако очень часто, можно сказать, традиционно, под культурой подразумевают некую «тварность» – способность человека производить предметы, не присущие живой природе, и собственно сами артефакты. Самое распространенное определение культуры из более чем 500 имеющихся – это совокупность материальных и духовных ценностей человека, созданных в процессе исторического развития. Напрашивается метафора – смысловая метла, сметающая, не разбирая, все, что человечество «натворило» за тысячелетия своего существования. Но все ли созданное человечеством можно назвать культурой? Современная эпоха требует иного отношения к этому миру.

«Особенностью всех догуманистических подходов является то, что они базируются на том или ином “дочеловеческом” типе детерминизма и дело сводится у них не к человеческому развитию, а, в конечном счете, лишь к адаптации биологической природы человека к жизни в обществе»⁷. Ученые-неогуманисты (В. Франкл, М. Каган, А. Конев, Г. Меньчиков и др.) предлагают подход к определению культуры человека, который, на наш взгляд, является более глубоким и отражающим свойства, имманентные собственно человеческой природе. Неогуманисты постулируют, что культура – это не просто совокупность материальных и духовных ценностей (вместе с процессом их создания, хранения, распространения и потребления), а такая их совокупность, которая ведет к очеловечиванию человека. То есть культура – не вся «внутренняя природа» и не просто все «во второй природе». Вне этого совокупность

ценностей превращается просто в склад, в процесс их создания – в технологию или, по словам В. А. Кутырева, в «тектуру».

Рассуждая о традиционном понимании культурного потенциала, необходимо соотнести между собой такие понятия, как социальный, интеллектуальный, культурный потенциал, культурный (человеческий) капитал.

В целом под *потенциалом* подразумевают совокупность возможностей, источников, средств, запасов и т.д., которые могут быть приведены в действие, использованы для решения определенных задач, достижения поставленных целей, а также возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области⁸. Таким образом, под потенциалом подразумеваются скрытые и нереализованные возможности объекта, которые при определенных условиях могут превратиться из возможности в действительность.

Переходя к определению такого термина как «культурный потенциал», мы обратимся к определению социального потенциала, который дает М. А. Нугаев: *«Социальный потенциал – это целостная характеристика возможностей реализации человеком своих внутренних сущностных сил, а также комплекс условий и факторов использования обществом способностей, талантов, навыков и умений его членов. В широком смысле слова социальный потенциал – это цельная характеристика всей суммы возможностей, как субъективных (внутренние, личностные силы), так и объективных (способность социума создавать условия для реализации разнообразных потенций людей)»*⁹.

Исследуя социальный потенциал региона, М. А. Нугаев и Р. М. Нугаев¹⁰ определяют такие его основные элементы:

- экономический потенциал;
- общественно-политический;
- правовой;
- культурный (идеологический, образовательный, потенциал искусства).

Также они обосновывают, что для того, чтобы произошла реализация потенциала, необходимо включить деятельностную составляющую в структуру социального потенциала региона.

Теоретически понятие «интеллектуальный потенциал» является одноположным с понятием «культурный потенциал», и с точки зрения логического анализа они оба являются видом понятия «духовный потенциал», а оно, в свою очередь, – видом понятия «социальный потенциал». Согласно формальной логике, содержание каждого индивидуального понятия имеет в своем объеме все признаки более общих для него, родовых понятий. Поэтому культурный потенциал, кроме специфических признаков, содержит в себе все отличительные свойства как духовного, так и – шире – социального потенциала. Основными подходами исследования культурного потенциала, как и социального, являются деятельностный и

системно-структурный подходы, которые, однако, в силу специфики исследуемого предмета при исследовании культурного потенциала региона будут дополнены средовым и комплексным подходами, разработанными В. Л. Глазычевым, и интегралистским подходом Ю. М. Резника.

Для осмысления сущностных характеристик, представляющих качество духовной сферы, полезно использовать и такое понятие современной западной социологии как «культурный капитал» (институционализированный в форме образования и в определенных условиях конвертируемый в экономический капитал).

В целом культурный капитал может выступать в трех состояниях: инкорпорированном [embodied state], т.е. в форме длительных диспозиций ума и тела; объективированном состоянии [objectified state] – в форме культурных товаров (картин, книг, словарей, инструментов, машин и т.д.), являющихся собой отпечаток или воплощение теорий или их критики, некоторого круга проблем и т.д.; наконец, институционализированном состоянии [institutionalized state], т.е. в форме объективации (ее следует рассматривать отдельно, поскольку она, как будет видно на примере образовательных квалификаций, наделяет культурный капитал совершенно оригинальными свойствами, которые, как предполагается, тот сохраняет). Культурный капитал, по мнению П. Бурдьё, во многом определяет доступ к экономическому и социальному капиталу. Именно благодаря полученному образованию перед личностью раскрываются соответствующие ему возможности трудоустройства и заработка. Имеет место процесс взаимовлияния различных форм капитала.

Джон Коулман во многом дополнил разработку теорий человеческого и социального капитала. Физический капитал, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, полностью осязаем. Человеческий капитал менее осязаем: он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку существует только во взаимоотношениях индивидов. Финансовый капитал измеряется семейным богатством и доходом и является источником потенциальных возможностей для индивида, например в получении образования. Человеческий капитал определяется во многом образованием родителей и в совокупности формирует потенциал для когнитивной среды ребенка, помогающий обучению. Социальный капитал находит свое воплощение в способности родителей вовлечь ребенка в образовательный процесс, представляя собой совокупность отношений между родителями и детьми. Основная идея исследователя состоит в тесной взаимосвязи трех видов капитала. Человеческий капитал не имеет большого влияния вне связи с социальным¹¹.

Концепция «человеческого капитала» Дж. Коулмана основана на функционалистском разделении внутренних и внешних ресурсов человека,

она удовлетворяет исследовательскую потребность в их четком структурном разделении и определении функциональной принадлежности. Однако, рассуждая о культурном потенциале, мы не можем упустить из виду присутствие у личности сущностного надфункционального ядра – идентификационного стержня, о котором говорилось ранее. Это и есть та самая «культурная основа» личности, когда под культурой в рамках интеграционалистского подхода подразумевается не только система ценностей, организующая деятельность индивидов в рамках социальной общности, и не только система развития человека как субъекта деятельности, но метасистема деятельности, объединяющая в себе эти элементы и не сводимая к их сумме. В этом смысле, определяя «человеческий потенциал» как совокупность навыков, знаний и умений, мы сужаем его значение. В связи с этим, отталкиваясь, как от отправного, от понятия дефиниции «человеческий капитал», мы выстраиваем концепт культурного потенциала.

Существует несколько разработанных функционально-деятельностных понятий культурного потенциала. Под ним подразумевают «условный показатель, отражающий способность культуры к функционированию, выживанию и развитию при оптимальных социально-экономических условиях той или иной страны»¹²; «совокупность объективных и субъективных возможностей или факторов, способствующих развитию культурного пространства города или региона»¹³. По Т. И. Заславской, социально-культурный аспект человеческого потенциала характеризует социально-значимые особенности *менталитета* граждан, особенности убеждений и верований, уважение к закону и праву, уровень морали и нравственную структуру мотивационных комплексов и типов поведения¹⁴. Полагаем, что приведенные определения культурного потенциала носят узкий характер и не опираются на логически обоснованное исходное представление о культуре как специфическом явлении человеческой жизни. Ближе к нашей трактовке этого термина версия социолога О. И. Иванова, который определяет его «как потребность, способность и готовность его носителя, социальных общностей использовать при необходимости базовые и некоторые специфические способы поведения и мышления и их результаты». Он акцентирует внимание на том, что социальные общности могут использовать в своей деятельности основные, социально одобряемые способы поведения и мышления и в то же время при необходимости их изменять, а также создавать новые способы поведения и мышления, если они перестают быть социально одобряемыми¹⁵.

Культурный потенциал личности, рассматриваемый в рамках интеграционалистского подхода, состоит из множественных приобретенных и врожденных характеристик индивидуума:

– собственно человеческих экзистенциальных качеств (стремление преодолеть конечность бытия, созидательная творческая деятельность через катарсические переживания, например через любовь, через способность к рефлексии и т. д.);

– социальных качеств личности как инстита связи человека и общества (ценностная ориентация, знание социальных норм, социальные статус и роль, практические навыки, умения, знания, интеллектуальный уровень развития, образовательный опыт и т. д.);

– уникальных психофизиологических особенностей каждого индивидуума (темперамент, поведенческая специфика).

Собственно, эти характеристики определяют сущностное понятие «человек» и соотносятся с общим понятием «культура», т. е. один из элементов культурного потенциала рассматривается как внутренний потенциал человека, личности.

Эти характеристики сочетаются с внешними условиями, которые должны соответствовать возможностям проявления внутренних ресурсов вовне. Объективные факторы реализации культурного потенциала идентичны факторам реализации интеллектуального потенциала – это факторы экономические, экологические, этнические, социально-политические, психофизиологические, этико-эстетические, юридические, идеологические и др.

Внешние условия могут быть проиндексированы в соответствии с тем, насколько они способствуют процессу внутреннего развития личности, актуализации культурного потенциала и трансформации ценностного содержания социального пространства региона, как, например, это сделал известный социолог Р. Флорида в своей работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». Он исследовал критерии создания «креативного климата современных городов» и выявлял различные характеристики городской культуры, способствующие реализации креативного потенциала личности. Эти характеристики он индексировал в соответствии с уровнем эффективности их действия, влияющим в конечном итоге на уровень экономического развития региона. Основными индексами были определены «3Т» – толерантности, технологичности, таланта, – а дополнительными – богемности, гей-индекс и др.¹⁶ Такого рода индексы могут быть актуальными и для исследования социо-культурного, политического и экономического ландшафтов региона, острой задачей которого является актуализация культурного потенциала.

Таким образом, сочетая все вышеперечисленные составляющие, мы можем остановиться на определении культурного потенциала как характеристики возможностей реализации человеком своих внутренних экзистенциальных сил, имеющих отношение к понятию «человеческое в

человеке», социально-личностных сил, развития природных способностей вкупе с характеристикой возможностей раскрытия и использования общечеловеческих способностей и талантов.

Примечания

- ¹ Капица и его демография URL: <http://intention.newmail.ru/metaphysics/kapitca.htm> (дата обращения: 25.03.2011).
- ² Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 66.
- ³ См.: Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494–526.
- ⁴ См.: Tenbruck F. H. Representative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / Hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990. S. 29.
- ⁵ Манхейм К. О специфике культурно-социологического познания. М., 2000. С. 290.
- ⁶ См.: Резник Ю. М. Личность и общество // Личность, культура и общество. Избранные статьи. 2000. Т. 2. Вып. 3. С. 13.
- ⁷ Меньчиков Г. П. Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). Казань, 1999. С. 113.
- ⁸ См.: Краткий словарь современных понятий и терминов. 2 изд. // Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. М., 1995. С. 331.
- ⁹ Нугаев М. А. Базовая модель качества социального потенциала региона. Казань, 2009. С. 4.
- ¹⁰ Нугаев Р. М. Общественная идеология как предмет теоретико-социологического исследования / Р. М. Нугаев, М. А. Нугаев, А. Б. Мадияров // Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе. Казань, 2002.
- ¹¹ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 126.
- ¹² Хоруженко К. М. Энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997. С. 391.
- ¹³ Трифонова З. А. Культурный потенциал национальных столиц России : типологические характеристики / Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества : материалы VIII межвуз. науч.-практ. конф. по общегуманитарным, правовым и экономическим вопросам. Чебоксары, 2007. С. 27.
- ¹⁴ См.: Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 15.
- ¹⁵ Иванов О. И. Теоретические основы формирования механизмов воспроизводства ювенольного потенциала // Актуальные проблемы демографического развития Санкт-Петербурга : материалы конф. СПб., 2004. С. 136.
- ¹⁶ См.: Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2007.

УДК 316.346.3

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ (ELDERLY ABUSE) КАК МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ (макросоциологический анализ)

П. В. Пучков, С. В. Афанасьева

Институт коммуникативных технологий, г. Москва
E-mail: pavelpuchkov@yandex.ru

Саратовский государственный университет
E-mail: afanasevasvetlana@yandex.ru

На основе макросоциологического анализа в статье освещаются вопросы, касающиеся проблемы геронтологического насилия (elderly abuse) в условиях конфликтогенности взаимодействия поколений и глубочайших трансформационных перемен в российском обществе, наблюдаемых за последние годы нового тысячелетия.

Ключевые слова: геронтологическое насилие, конфликт поколений, трансформационные переменные, межкультурный коммуникационный феномен.

Elderly Abuse as Cross-cultural Communication Phenomena in the Conditions of the Conflict Interactions of the Generations (Macrosociology Analyse)

P. V. Puchkov, S. V. Afanasyeva

The article deals with some issues concerning some problems of the elderly abuse in the conditions of the conflicts interactions of the generations and the deepest transformation changes in the Russian society, observed for the last years of a new millennium.

Key words: elderly abuse, conflicts of the generations, transformations changes, cross-cultural communication Phenomena.

человеке», социально-личностных сил, развития природных способностей вкупе с характеристикой возможностей раскрытия и использования общечеловеческих способностей и талантов.

Примечания

- ¹ Капица и его демография URL: <http://intention.newmail.ru/metaphysics/kapitca.htm> (дата обращения: 25.03.2011).
- ² Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 66.
- ³ См.: Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494–526.
- ⁴ См.: Tenbruck F. H. Representative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / Hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990. S. 29.
- ⁵ Манхейм К. О специфике культурно-социологического познания. М., 2000. С. 290.
- ⁶ См.: Резник Ю. М. Личность и общество // Личность, культура и общество. Избранные статьи. 2000. Т. 2. Вып. 3. С. 13.
- ⁷ Меньчиков Г. П. Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). Казань, 1999. С. 113.
- ⁸ См.: Краткий словарь современных понятий и терминов. 2 изд. // Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. М., 1995. С. 331.
- ⁹ Нугаев М. А. Базовая модель качества социального потенциала региона. Казань, 2009. С. 4.
- ¹⁰ Нугаев Р. М. Общественная идеология как предмет теоретико-социологического исследования / Р. М. Нугаев, М. А. Нугаев, А. Б. Мадияров // Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе. Казань, 2002.
- ¹¹ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 126.
- ¹² Хоруженко К. М. Энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997. С. 391.
- ¹³ Трифонова З. А. Культурный потенциал национальных столиц России : типологические характеристики / Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества : материалы VIII межвуз. науч.-практ. конф. по общегуманитарным, правовым и экономическим вопросам. Чебоксары, 2007. С. 27.
- ¹⁴ См.: Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 15.
- ¹⁵ Иванов О. И. Теоретические основы формирования механизмов воспроизводства ювенольного потенциала // Актуальные проблемы демографического развития Санкт-Петербурга : материалы конф. СПб., 2004. С. 136.
- ¹⁶ См.: Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2007.

УДК 316.346.3

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ (ELDERLY ABUSE) КАК МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ (макросоциологический анализ)

П. В. Пучков, С. В. Афанасьева

Институт коммуникативных технологий, г. Москва
E-mail: pavelpuchkov@yandex.ru

Саратовский государственный университет
E-mail: afanasevasvetlana@yandex.ru

На основе макросоциологического анализа в статье освещаются вопросы, касающиеся проблемы геронтологического насилия (elderly abuse) в условиях конфликтогенности взаимодействия поколений и глубочайших трансформационных перемен в российском обществе, наблюдаемых за последние годы нового тысячелетия.

Ключевые слова: геронтологическое насилие, конфликт поколений, трансформационные переменны, межкультурный коммуникационный феномен.

Elderly Abuse as Cross-cultural Communication Phenomena in the Conditions of the Conflict Interactions of the Generations (Macrosociology Analyse)

P. V. Puchkov, S. V. Afanasyeva

The article deals with some issues concerning some problems of the elderly abuse in the conditions of the conflicts interactions of the generations and the deepest transformation changes in the Russian society, observed for the last years of a new millennium.

Key words: elderly abuse, conflicts of the generations, transformations changes, cross-cultural communication Phenomena.

Исследование проблемы геронтологического насилия обусловлено тем обстоятельством, что в современном российском обществе происходит процесс старения населения, приведший к возникновению новых проблем в жизни старшего поколения и общества в целом. В Российской Федерации насчитывается более 30 млн человек старше трудоспособного возраста, составляющих пятую часть населения страны. В период до 2016 г. прогнозируется устойчивое увеличение численности пожилых людей в возрастной структуре населения страны. В настоящее время Россия переживает период радикальных преобразований во всех сферах жизнедеятельности общества, негативные последствия которых сказались на всех слоях населения, и в первую очередь на самых уязвимых – представителях старшего поколения. Реальность современной жизни, насыщенной конфликтно-кризисными условиями и экстремальными ситуациями, поставила вопрос об изучении приемлемых форм социального взаимодействия пожилого поколения и общества.

Кризис, начавшийся в середине 1980-х и захвативший 1990-гг., вместе с крушением советской государственно-политической системы затронул все общественные институты. В ситуации резкого падения уровня жизни населения, роста безработицы и бедности, отставания заработной платы от цен потребительского рынка впервые в постсоветское время произошел резкий рост количества разного рода насильственных действий, в том числе и в отношении пожилой части населения. В связи с этим актуализируются исследования социальных различий, легитимных практик взаимоотношений, новых конфликтов в геронтологическом секторе, источников и механизмов воспроизводства насилия в отношении представителей старшей возрастной группы.

В нашей стране до середины 90-х гг. прошлого столетия проблема насилия в отношении людей пожилого возраста практически не была представлена в научном дискурсе. Это обусловлено тем, что данная тема долгое время считалась «бытовой» и «незначительной». Кроме того, профессиональный интерес специалистов в области старения был сосредоточен главным образом на биологических и медицинских аспектах – механизмах старения, физиологических особенностях человеческого организма в пожилом возрасте, факторах долголетия и способах продления жизни. Пожилые люди рассматривались как маргинальная группа, им посвящались немногочисленные публикации. И в наши дни в научной литературе встречается описание старости как зоны своеобразного ослабления бытия. Важно отметить, что медицина играла в этом процессе ключевую роль, артикулируя отрицательные стороны старости как жизненного этапа. В рамках медицинского дискурса старость представляла как болезнь, состояние риска, требующее постоянного медицинского контроля. В настоящее время телесно ориентированное содержание

старости осмысливается в категориях владения и господства, актуализируются проблемы заботы о здоровье тела, сохранении его целостности и обеспечении его долголетия.

Отсутствие официального социологического и статистического учета жертв насилия среди лиц пожилого возраста затрудняет осмысление данной проблемы. Тем не менее исследования, проведенные в ряде западных стран, свидетельствуют, в частности, о том, что количество фактов насилия по отношению к рассматриваемой категории лиц имеет тенденцию к росту. Как правило, ученые связывают этот факт с увеличением доли пожилой части народонаселения планеты в условиях мирового демографического кризиса.

Проблематика геронтологического насилия является комплексной и междисциплинарной и привлекает внимание специалистов в разных областях знания – социологов, философов, социальных психологов, медиков. Однако данная проблема относится к малоизученным в современной социологической науке, она до сих пор по-настоящему не вошла в обиход отечественной науки, хотя отдельные публикации появлялись. Практически отсутствует объективная и достоверная информация о проявлениях геронтологического насилия.

Данный вид насилия проявляется как на мезо- и микроуровнях, включая и отношения в семье, так и на макроуровне в формате внутренней и внешней политики государства. Применение насилия имеет серьезные разрушительные последствия вплоть до физического уничтожения объекта. Содержание понятия «геронтологическое насилие» включает два аспекта: 1) насилие в отношении пожилых людей и 2) насилие со стороны пожилых людей. Фокусирование внимания на первом аспекте позволяет определить геронтологическое насилие как противоправное действие и действие, расходящееся с общепринятыми социокультурными нормами, социальными образцами поведения в отношении пожилых людей, результатом которых является нанесение им физического, экономического, психологического вреда, ограничивающего пожилых людей в выборе и возможности приемлемого уровня жизни.

Различные социогеронтологические конструкции, выполненные в контексте структурализма, социального конструктивизма, феноменологического, гендерного подхода, позволяют поместить геронтологическое насилие в различные смысловые пространства: а) пространство аномалии; б) пространство зависимости; в) пространство разъединения; г) пространство стигматизации; д) пространство гендерных различий; е) пространство модернизации.

Интегративное объяснение феномена геронтологического насилия возможно посредством объединительной парадигмы П. Бурдьё, Э. Гидденса, П. Штомпки, позволяющей выделить как прямое насилие, заключающееся в непосред-

ственным преднамеренном применении физической силы или власти в отношении пожилого человека, имеющее принудительный характер, так и структурное насилие, связанное с созданием определенных условий (структуры), ущемляющих потребности и интересы пожилых людей.

Вариативность моделей отношения к пожилым людям определяется сложившимися культурными и экономическими традициями, религиозными воззрениями: преданность и сыновняя почтительность (старики пользуются уважением как наиболее богатые личным опытом люди, посредники между живыми и умершими и мастера церемоний), геронтицид (уничтожение беспомощных стариков как бесполезных потребителей скудных средств для существования), паррицид (умерщвление родителей, убийство ближайших пожилых родственников), геронтократия, обесценивание старости, инфантилизация и чрезмерная защита, когда под видом любви лишают пожилых людей возможности принимать важные для семьи решения и автономизируют их жизнь. Субстанциональное сравнение разных моделей отношения к пожилым людям предполагает не только сопоставление различных форм, но и анализ их наполнения, что предоставляет возможность лучшего понимания динамики межпоколенного взаимодействия.

Социологическая рефлексия различных вариантов типологии насилия фиксирует наличие определенных оснований: по форме проявления – латентные и демонстративные; по мотивам – сила, принуждение, манипуляция; по субъектам – родственники, соседи, посторонние, представители сферы обслуживания; по разряду условий проживания – проживание отдельно или в семье. По характеру воздействия в структуре внутрисемейного взаимодействия предлагается следующая типология насилия: физическое, эмоционально-психологическое, финансово-экономическое, сексуальное насилие, злоупотребление медикаментозными средствами, отсутствие ухода или пренебрежительное отношение к лицам пожилого возраста, оттеснение их от ресурсов.

Возникновение геронтологического насилия в семье связано с синергетическим эффектом, характеризующим увеличение многофакторных причин, провоцирующих насилие: 1) закрытость проблемы геронтологического насилия перед обществом; 2) патриархально-авторитарные гендерные стереотипы (мужчины традиционно воспринимаются прежде всего как обязанные содержать семью, следовательно, их насильственные действия в отношении других членов семьи входят в число дозволенных); 3) лояльность к насильственным действиям по отношению к лицам пожилого возраста, когда насильственные действия в отношении пожилых людей не рассматриваются как преступление, наличие различных мифов, укоренившихся в общественном сознании, которые «оправдывают» применение насилия (о

старческом слабоумии, о недопустимости «выносить сор из избы», об обязательной пролонгированной помощи со стороны родителей, об отсутствии разнообразных потребностей в пожилом возрасте, сведение их к витальным потребностям); 4) материальная зависимость пожилых людей как от государства, так и от членов семьи или наоборот, вследствие чего обостряются жилищные и финансовые проблемы; 5) алкогольная и наркотическая зависимость, в результате чего происходит геронтологическое насилие; 6) статус пожилого человека, не имеющего достаточных финансовых и материальных средств, выброшенного из социетального образа жизни; 7) нарушение межпоколенной трансляции норм, ценностей и представлений о жизни; 8) низкий социальный статус профессий, ориентированных на оказание услуг пожилым людям, их дефицит и низкое качество; 9) наличие физических, психических, моральных осложнений во время обслуживания пожилых людей; 9) транзитные социально-психологические феномены (семейная тайна, идеологическая траектория, зависть, стыд).

Одним из основных источников геронтологического насилия выступает практика ухода за пожилым человеком, когда речь идет о длительном экспоненциальном процессе оказания помощи. Практика ухода предполагает определенный настрой участников взаимодействия, преодоление внешних предубеждений, внутренних установок, признание суверенитета личности в частной жизни, осознание границ дозволенного. Нередко практика взаимодействия лицом к лицу представляет собой контекст для проявлений негативного опыта. Проникновение в скрытые стороны жизни, интенсивный контакт могут вызывать дезорганизацию поведения участников взаимодействия, стрессовое состояние, взрывной эффект. В таких условиях актуализируются задачи концентрации внимания на взаимных интересах, на использовании определенных ресурсосберегающих практик. Это позволит противостоять силам, создающим порочный круг, в котором потери одного участника ситуации предоставления помощи не отражают «приобретений» другого, а являются причиной дальнейших потерь первого.

Как показали собранные нами эмпирические данные, в качестве жертв геронтологического насилия выступают люди старше 70 лет. Среди них доминируют пожилые женщины, проживающие как в семейных условиях, так и одинокие, имеющие ослабленное здоровье, нуждающиеся в медицинском уходе, помощи и поддержке в ежедневных бытовых делах. Им присущи многочисленные эмоционально-психологические проблемы в общении с другими людьми, они испытывают трудности с самозащитой, умением отстоять себя, с определением своих личностных границ, ролевых установок. Социальный портрет обидчика, составленный нами на основе анализа анкетных данных и ин-

тервьюирования социальных работников, включает следующие характеристики: доминируют лица со средним образованием; обидчиками выступают чаще всего ближайшие родственники, соседи, большей частью злоупотребляющие алкоголем и наркотическими средствами. Во многих случаях обидчик материально зависим от своей жертвы, нередко не имеет работы или вообще не хочет работать. Насильники оказались занятыми в различных сферах труда, имели длительные неприязненные отношения, переходящие в трудноразрешимые конфликтные ситуации в ходе совместной жизни с жертвой геронтологического насилия. В качестве мотива геронтологического насилия могут выступать: отсутствие денежных средств; решение жилищного вопроса; паразитический образ жизни; злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами; наличие разного рода психических отклонений.

В настоящее время во многих странах уже созданы либо создаются вариативные модели превенции геронтологического насилия на правительственном, исследовательском и общественном уровне. Зарубежный опыт превенции геронтологического насилия фиксирует векторизованную систему превентивных действий: развитие законодательной базы; становление новых типов организаций (Международная сеть по предупреждению геронтологического насилия, суд по вопросам семейного насилия, кризисные центры, научно-исследовательские центры, волонтерские организации, центры информации, круглосуточные телефоны доверия); развитие нового типа профессиональной деятельности, новых стратегий. Инвариантами деятельности в области превенции геронтологического насилия выступают следующие моменты: привлечение внимания широкой общественности к данной проблеме, разработка мер, программ и услуг, организация научных исследований, обеспечение образовательной деятельности и тренингов, направленных на предупреждение геронтологического насилия.

В качестве основных направлений превенции геронтологического насилия, адекватных текущему моменту, помимо обеспечения до-

стойного уровня жизни представителям геронтологической группы, включающего не только материальное обеспечение в соответствии со стандартами современного развития, но и возможность развития человека, реализацию в различных сферах жизнедеятельности, выступают следующие: социально-правовое направление, связанное с разработкой законодательно-правовой базы; информационно-просветительское направление, находящее отражение в распространении информации о геронтологическом насилии посредством создания веб-сайтов, справочников, проведения рекламных кампаний, разработки образовательных программ для подготовки и обучения специалистов, актуализации данной тематики в учебных заведениях в рамках существующих курсов и дисциплин; консультационно-реабилитационное направление, включающее вопросы, касающиеся предоставления квалифицированной медицинской, финансовой, социальной помощи; модернизация института супервизорства; поддержка перемещенного населения, особенно пожилых беженцев. Эффективная превенция геронтологического насилия базируется на объединении ресурсов всех секторов общества в сочетании их с возможностями средств массовой информации.

Таким образом, одним из очевидных последствий глубочайших трансформационных перемен в российском обществе, наблюдаемых за последние годы, стали изменение и переориентация высших идеалов, традиционных нравственных императивов, отсутствие тех моральных установок, которые служат своеобразным регулятором социального поведения в социуме. Веками выработавшиеся непреходящие человеческие ценности, такие как порядочность, щедрость, сострадание, цинично стали подменяться вседозволенностью, алчностью, агрессией, насилием по отношению друг к другу. Духовно-нравственный и культурный кризис породил изменения и в социальной сфере жизни в нашей стране, затронув взаимоотношения разных поколений, включая и поколение людей пожилого и преклонного возраста, что в ряде случаев явилось причиной для возникновения геронтологического насилия (elderly abuse).

УДК 32.019.52

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА УРОВНЕ РЕГИОНА: ЗАДАЧИ И СПЕЦИФИКА

С. В. Везиницына

Саратовский государственный университет
E-mail: vezinicasv@rambler.ru

В статье рассматриваются основные направления и специфика исследовательской деятельности в сфере электорального прогнозирования на уровне региона.

Ключевые слова: электоральное прогнозирование, электоральный рейтинг, регион.

Electoral Prediction at the Level of the Region: Challenges and Specificity

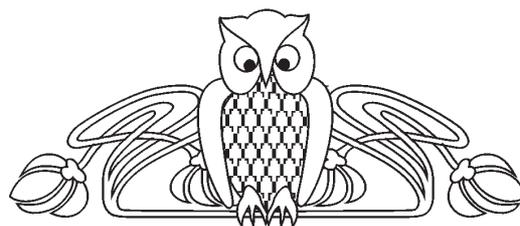
S. V. Vezinitsyna

This article examines the main trends and specific research activities in the field of electoral forecasting at the regional level.

Key words: electoral forecasting, electoral rating, region.

Любая динамично изменяющаяся социальная ситуация требует к себе особого внимания со стороны социологов, прежде всего с целью ее всестороннего анализа и определения перспектив дальнейшего развития. Современная электоральная ситуация в России доказала необходимость разработки и грамотного применения точных и долгосрочных прогнозных моделей результатов выборов. В фокусе внимания электорального прогнозирования, понимаемого как прогнозирование результатов голосования, находятся выборы. На федеральном уровне социологическое обеспечение избирательных кампаний уже давно воспринимается как необходимый их элемент. Достаточно разработана методология проведения эмпирических социологических исследований, налицо их востребованность различными политическими субъектами, проводится регулярный мониторинг с целью отслеживания социально-экономической и политической ситуации в период от выборов до выборов. На региональном уровне данный процесс протекает несколько медленнее и имеет специфические особенности. Проанализируем их подробнее.

Практика показала, что наилучшим методом отслеживания изменения общественного мнения в период от выборов до выборов является социологический мониторинг или, по крайней мере, панельное социологическое исследование. Однако требуются значительные финансовые затраты на обеспечение работы довольно больших групп сотрудников для подготовки и проведения

исследований, а также обработки и хранения информации. Значительные затруднения вызывает проведение исследований в сельских районах. Социологический мониторинг для отслеживания социально-политической ситуации накануне выборов регионального масштаба впервые в полном объеме в Саратовской области использовался лишь перед выборами губернатора в 2000 г. Не последнюю роль при этом сыграло то, что губернаторские выборы проводились одновременно с президентскими. До указанного периода их социологическое обеспечение заключалось в проведении разовых исследований, не объединенных единой методологической системой и не относимых к мониторинговым средствам. В последние годы ситуация несколько изменилась, однако продолжают наблюдаться методологические и технические различия между электоральными исследованиями федерального и регионального масштаба.

Региональная специфика электорального исследовательского процесса заключается еще и в том, что интерес как со стороны заказчиков подобных исследований, так и со стороны населения является гораздо более слабым. Этот факт стал еще очевиднее после изменения избирательного законодательства – отмены выборов губернатора и мажоритарного способа избрания депутатов Государственной думы РФ. Безусловно, электоральные исследования проводятся в Саратовской области рядом лабораторий, центров, причем на высоком профессиональном уровне, с соблюдением всех основных требований, предъявляемых социологической наукой. Однако инициаторами, заказчиками подобных исследований чаще всего являются либо управляющие структуры, либо сами участники избирательных кампаний и их команды. Налицо крайне малая заинтересованность ведущих средств массовой информации регионального уровня не только в организации, но даже в публикации результатов таких опросов.

Тесно связан с этой особенностью чрезвычайно низкий уровень информированности избирателей, отмечаемый многими отечественными специалистами в качестве региональной особенности электоральной ситуации¹.

Региональные выборы в гораздо большей степени «управляемы». Речь идет о так называемом административном ресурсе, использование которого наиболее очевидно на уровне муниципальных образований. В последние десятилетия разрабатываются приемы и методы исчисления объема влияния административного ресурса на результаты региональных выборов².

Основными направлениями исследования электоральной ситуации в регионе могут выступать:

- выявление и изучение факторов, обуславливающих победу одних политических сил и поражение других;
- анализ влияния политической, социальной и экономической ситуации в стране и регионе на результат голосований;
- определение адекватных и эффективных методов воздействия на электорат в условиях конкретного региона;
- прогнозирование электоральной активности населения. На исследуемом уровне данное направление приобретает приоритетное значение, поскольку уровень участия населения в выборах муниципального и регионального уровня традиционно низок.

Согласно методикам, предложенным и апробированным московскими исследовательскими центрами с учетом коэффициента искренности, составляется три вида прогнозов – оптимистичный, реалистичный и пессимистичный. Однако в реальной электоральной практике очень часто фиксируется значительное расхождение социологических прогнозов с реальными результатами, свидетельствующее, на наш взгляд, о том, что для анализа региональной электоральной ситуации необходимо разрабатывать и применять «региональные» коэффициенты, корректирующие показатели предполагаемого участия населения в выборах в сторону уменьшения. Однако поскольку подобные показатели не являются постоянными величинами, они носят ситуационный характер и призваны отражать степень изменчивости мнения избирателей. В любом случае данный вопрос на сегодняшний день остается открытым и дискуссионным для исследователей.

Оригинальная методика прогнозирования электоральной активности, зарекомендовавшая себя на практике с наилучшей стороны, была предложена специалистами фонда «Общественное мнение»³. Массовый опрос как единственный метод сбора информации, на основе которой строится прогноз электорального поведения, считается ими инструментом, недостаточным для решения такой задачи. Наряду с данным методом предлагаются использование метода фокус-групп, проведение интервью с представителями региональной элиты, мониторинг медийных ресурсов, дающих представление о политическом и социальном контексте выборов в регионе, а также учет электоральных традиций конкретного региона

(статистика явки и голосования на различных выборах).

В частности, для прогнозирования явки на выборы используются два прямых и ряд дополнительных, косвенных индикаторов, получаемых из массового опроса, фокус-групп, экспертных интервью. Прямые индикаторы:

вопрос о намерении участвовать в голосовании: «Как Вы думаете, Вы лично примете или не примете участие в выборах депутатов законодательного собрания Вашего региона?». Поскольку при ответе на этот вопрос действует эффект так называемой спирали молчания – респонденты склонны давать социально одобряемые (утвердительные) ответы, – то для ослабления этого эффекта, равно как и для более точной оценки вероятности участия, вопрос задается в максимально мягкой, не «давящей» формулировке. Респондентам предлагается достаточно дробная шкала ответов (6 позиций), которые даны на карточке, а не зачитываются интервьюером;

вопрос о возможности пересмотра решения об участии либо неучастии в выборах: «Скажите, пожалуйста, Ваше намерение участвовать (не участвовать) в выборах может или не может измениться?» (варианты ответа: может, не может, затрудняюсь ответить). Он используется для более точной оценки вероятности участия респондента в голосовании.

Для построения прогноза привлекается также полученная в ходе дискуссионных фокус-групп информация о мотивах участия и неучастия в выборах и о представлении рядовых граждан о том, насколько активно будут участвовать в голосовании окружающие (респондентов спрашивают, придут ли на выборы их знакомые, близкие, а также просят оценить, какова будет электоральная активность жителей региона в целом). Учитываются также предположения на этот счет, высказанные региональными экспертами, и их представления о факторах, влияющих на уровень электоральной активности потенциальных избирателей.

В качестве косвенных показателей используются, кроме того, данные, характеризующие степень (и динамику) включенности населения в избирательную кампанию:

представление потенциальных избирателей о значимости избрания региональной законодательной власти для жизни рядовых граждан, позволяющее судить о том, насколько население заинтересовано в участии в выборах;

уровень информированности о голосовании по партийным спискам;

уровень внимания к избирательной кампании и оценка ее интересности;

мнения экспертов о степени включенности населения в кампанию;

доля граждан, не определившихся со своими политическими предпочтениями;

степень информированности граждан о содержании агитационных кампаний различных

партий (обсуждается на фокусированных групповых дискуссиях).

На основе анализа прямых индикаторов исчисляется первичный прогноз явки на выборы.

После того как на основе данных массовых опросов строятся первичные прогнозы, а затем рассчитывается усредненный прогноз явки и голосования по партийным спискам, этим показателям присваиваются экспертные поправочные коэффициенты.

При определении поправочных коэффициентов учитываются результаты массовых опросов, материалы фокус-групп и экспертных интервью, проведенных на разных этапах исследования, а также данные информационного мониторинга ситуации в регионе и некоторая статистическая информация, позволяющая принимать во внимание и «внесоциологические» факторы, влияющие на исход голосования.

В процессе установления коэффициентов используется своего рода «матрица», содержащая перечень факторов, которые могут прямо или косвенно сказаться на итогах выборов, в частности:

- включенность населения в избирательную кампанию (информированность, интерес, внимание);
- активность предвыборной кампании партии;
- эффективность кампании партии;
- голосование за партию на выборах в Госдуму в данном регионе (электоральная история партии в регионе);
- уровень и динамика популярности партии за пределами данного региона;
- политический спектр кампании (разнообразие партий, богатство выбора);
- наличие или отсутствие конкуренции с идейно близкими партиями, претендующими на тот же сегмент электорального поля;
- популярность региональных лидеров партии;
- поддержка регионального отделения партии ее федеральными лидерами;
- доступ партии к СМИ и другим информационным ресурсам;
- финансовые ресурсы партии;
- наличие у партии федерального административного ресурса;
- наличие у партии регионального административного ресурса (губернатор);
- прочие административные ресурсы;
- поддержка партии со стороны популярных, авторитетных в регионе людей;
- событийный контекст кампании, атмосфера в регионе;
- эффект «спирали молчания»;
- динамика рейтинга партии в период избирательной кампании;
- другое (какие-либо особенности данного региона).

Расчеты с поправочными коэффициентами и представляют собой окончательный прогноз. При

этом влияние поправочных коэффициентов, как правило, невелико (в пределах 1–2%) и используется скорее для уточнения расчетных показателей, нежели для их радикального пересмотра (который делается лишь при наличии очень веских оснований).

В последние годы речь идет о том, что более корректно говорить не о прогнозировании электоральной ситуации в регионе, а о её реконструкции. Принято считать, что работа социологов в сфере прогнозирования результатов выборов состоит в выявлении электоральных намерений избирателей. При этом подразумевается, что сами эти электоральные намерения у подавляющего большинства избирателей за несколько дней до голосования уже более или менее сформированы и избиратели готовы сообщить о своем решении интервьюерам. На практике такое механистическое понимание сути процесса электорального прогнозирования себя не оправдывает. Респонденты практически всегда склонны преувеличивать свою готовность к участию в выборах, поскольку такое участие является социально одобряемым поведением. Поэтому, прогнозируя явку, всегда необходимо вводить определенные понижающие коэффициенты (проблема в том, какие именно). При этом сторонники одних политических сил отличаются повышенной, а других – пониженной электоральной активностью.

Снижает достоверность прогноза и высокий процент неопределившихся избирателей (в некоторых случаях до 40%), которые могут принять решение накануне или даже в день выборов прямо на избирательном участке. Некоторые предпочитают давать социально одобряемые – в их представлении – ответы.

Наибольшая нагрузка на избирателей приходится на последние дни перед выборами. Но для проведения исследования и обработки информации необходимо время – по меньшей мере 5–7 дней. Таким образом, неточность прогноза заложена в несоответствии самих технологий предвыборной кампании и ее социологического изучения.

Специфическое влияние на точность прогноза в исследовании политических предпочтений населения может оказывать состав анкетеров и интервьюеров. Интервьюеры (обычно это женщины) часто непроизвольно влияют на характер ответов респондентов и привносят свой смысл в их содержание.

К ошибкам в прогнозах также приводят приверженность исследователей стереотипам массового сознания, попадание в резонанс с ажиотажем вокруг того или иного политика, недооценка значения СМИ, особенно телевидения. Одним из наиболее серьезных факторов, влияющих на качество прогноза, является ангажированность, которая чаще всего наблюдается в прогнозах социологов, заранее «предвидящих» результат.

Часто, стремясь угодить заказчику, исследователь идет на искажение информации. Такое искажение вредит и самому заказчику, так как «смазывает» действительную картину предвыборной ситуации.

Прогнозные ошибки в социологии также могут объясняться ошибками при проектировании выборки. Выборочная совокупность строится на основе генеральной, при этом величина генеральной совокупности не является стабильной. Традиционно считалось, что величина колебаний генеральной совокупности составляет 3,8%, поэтому величина погрешности при проведении социологических исследований определялась в 4%. Исследования показали, что предельное значение погрешности самой генеральной совокупности может достигать 10–11%⁴. Таким образом, нестабильность генеральной совокупности также ограничивает точность проводимых измерений.

И, наконец, судить о состоянии общественного мнения мы можем по результатам опросов общественного мнения. Однако нельзя говорить о том, что это вещи идентичные. Помимо методических и методологических ошибок и неточностей существует еще один принципиально важный момент: в структуре общественного мнения выделяется, как минимум, два уровня⁵. Это уровень «активных» суждений, непосредственно связанных с определенными действиями (в нашем контексте это готовность участвовать в выборах, поддержать какого-то депутата и т. д.), и уровень обобщенных, символических суждений, которые связаны обобщенными оценками ситуации. При проведении социологических исследований методом опроса часто возникает такая ситуация, когда вербальная формулировка вопросов и ответов не всегда позволяет различить эти уровни. Так,

например, декларируемое респондентом намерение действовать может означать лишь оценку. Неучет этих фактов также приводит к серьезным ошибкам.

В свете всего сказанного выявление электоральных намерений избирателей на уровне региона представляет собой процесс не столько измерения, сколько реконструкции, моделирования, задачи которого усложняются вследствие влияния региональной специфики электорального процесса.

Примечания

- 1 См.: *Кертман Г.* Прогнозирование итогов выборов в «региональные парламенты»: условия задачи // Социальная реальность : журнал социологических наблюдений и обобщений. 2006. № 3.
- 2 См.: *Звоновский В. Б.* Административный ресурс : вариант исчисления объема // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2000. № 1 (45). С. 35–37.
- 3 См.: *Галицкий Е., Кертман Г., Преснякова Л., Чуриков А.* Прогнозирование электорального поведения на региональных выборах : методика ФОМа // Социальная реальность : журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. № 4.
- 4 См.: *Звоновский В. Б.* Голосуем списком... Списком избирателей // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 2. С. 51–52; *Он же.* Прогнозирование электоральной активности на основе отчетов респондентов // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 2. С. 5–15.
- 5 См.: *Левада Ю.* Активы и ресурсы общественного мнения // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4. С. 7–12.

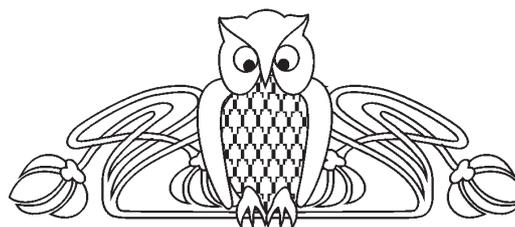
УДК 316.4.066

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

В статье освещается проблема формирования гражданской идентичности. Автор рассматривает основные метафоры, описывающие процесс формирования гражданской идентичности, используемые современными исследователями. Материал статьи основан на социологическом исследовании. Автор анализирует положительные и негативные гражданские идентичности студенческой молодежи.
Ключевые слова: идентичность, идентификация, формирование гражданской идентичности, студенческая молодежь.

Civic Identity Forming of Student Youth

N. U. Kravchenko

In the article the problem of civic identity forming is regarded. The author considers the main metaphors, describing the process of civic identification, using by modern scientists. The article material is based on the results of the sociological

Часто, стремясь угодить заказчику, исследователь идет на искажение информации. Такое искажение вредит и самому заказчику, так как «смазывает» действительную картину предвыборной ситуации.

Прогнозные ошибки в социологии также могут объясняться ошибками при проектировании выборки. Выборочная совокупность строится на основе генеральной, при этом величина генеральной совокупности не является стабильной. Традиционно считалось, что величина колебаний генеральной совокупности составляет 3,8%, поэтому величина погрешности при проведении социологических исследований определялась в 4%. Исследования показали, что предельное значение погрешности самой генеральной совокупности может достигать 10–11%⁴. Таким образом, нестабильность генеральной совокупности также ограничивает точность проводимых измерений.

И, наконец, судить о состоянии общественного мнения мы можем по результатам опросов общественного мнения. Однако нельзя говорить о том, что это вещи идентичные. Помимо методических и методологических ошибок и неточностей существует еще один принципиально важный момент: в структуре общественного мнения выделяется, как минимум, два уровня⁵. Это уровень «активных» суждений, непосредственно связанных с определенными действиями (в нашем контексте это готовность участвовать в выборах, поддержать какого-то депутата и т. д.), и уровень обобщенных, символических суждений, которые связаны обобщенными оценками ситуации. При проведении социологических исследований методом опроса часто возникает такая ситуация, когда вербальная формулировка вопросов и ответов не всегда позволяет различить эти уровни. Так,

например, декларируемое респондентом намерение действовать может означать лишь оценку. Неучет этих фактов также приводит к серьезным ошибкам.

В свете всего сказанного выявление электоральных намерений избирателей на уровне региона представляет собой процесс не столько измерения, сколько реконструкции, моделирования, задачи которого усложняются вследствие влияния региональной специфики электорального процесса.

Примечания

- 1 См.: *Кертман Г.* Прогнозирование итогов выборов в «региональные парламенты»: условия задачи // Социальная реальность : журнал социологических наблюдений и обобщений. 2006. № 3.
- 2 См.: *Звоновский В. Б.* Административный ресурс : вариант исчисления объема // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2000. № 1 (45). С. 35–37.
- 3 См.: *Галицкий Е., Кертман Г., Преснякова Л., Чуриков А.* Прогнозирование электорального поведения на региональных выборах : методика ФОМа // Социальная реальность : журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. № 4.
- 4 См.: *Звоновский В. Б.* Голосуем списком... Списком избирателей // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 2. С. 51–52; *Он же.* Прогнозирование электоральной активности на основе отчетов респондентов // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 2. С. 5–15.
- 5 См.: *Левада Ю.* Активы и ресурсы общественного мнения // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4. С. 7–12.

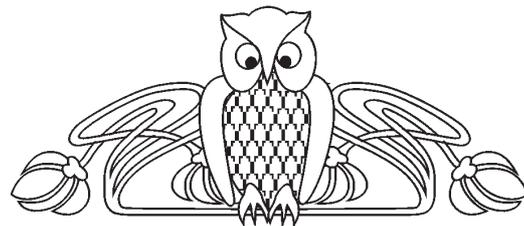
УДК 316.4.066

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

В статье освещается проблема формирования гражданской идентичности. Автор рассматривает основные метафоры, описывающие процесс формирования гражданской идентичности, используемые современными исследователями. Материал статьи основан на социологическом исследовании. Автор анализирует положительные и негативные гражданские идентичности студенческой молодежи. **Ключевые слова:** идентичность, идентификация, формирование гражданской идентичности, студенческая молодежь.

Civic Identity Forming of Student Youth

N. U. Kravchenko

In the article the problem of civic identity forming is regarded. The author considers the main metaphors, describing the process of civic identification, using by modern scientists. The article material is based on the results of the sociological

research. The author analyses positive and negative students' civic identities.

Key words: identity, identification, civic identity forming, student youth.

В настоящее время идентификационные процессы, вызванные трансформацией всех институтов, претерпевают осложнения на глобальном и локальном уровне. В этой связи особое внимание следует уделить молодежи как специфическому социальному субъекту, ведь именно от качественного состояния идентификационной матрицы молодых людей зависит перспектива развития общества и страны.

Прежде всего отметим сложность понятия «идентичность», на которой в свое время сконцентрировал внимание Поль Рикер. Понятие «идентичность» амбивалентно: латинские слова «idem» (идентичный, сходный, аналогичный) и «ipse» тоже связаны с понятиями идентичности, «самости», «себя самого»¹.

По определению идентичности индивид тождествен сам себе, но он не может быть тождественным самому себе, так как уровень бессознательного препятствует обретению стабильной личности. В отношении гражданской идентичности индивид будет тождествен другим гражданам, при этом сохраняя личную роль гражданина, «самость».

Понятие «идентичность» полисеманлично и очень активно используется в системах различных подязыков (в Интернете при запросе слова «идентичность» предлагается более 2 млн упоминаний). В корпусе русского языка оно появилось с 60-х гг. XIX в. и было синонимично слову «тождество», то есть означало совпадение, соответствие чему-либо².

Для того чтобы процесс идентификации проходил успешно, необходимо, с одной стороны, сохранение индивидуализма, а с другой – усвоение правил и норм гражданского поведения. Теоретик «радикальной демократии» Шанталь Муфф определила проблематику становления идентичности следующим образом: «...как концептуализировать наши идентичности в качестве индивидов и в качестве граждан так, чтоб ни одна не приносилась в жертву другой? Как сделать нашу принадлежность к различным сообществам ценностей, языка, культуры и т. д. совместимой с нашей общей принадлежностью к политическому сообществу, правила которого мы должны принимать?»³. Целерациональные действия индивидов обусловлены интересами, и личностные интересы будут отличаться от интересов, которые должны руководить гражданами. По мнению Ю. А. Семёновой, в современном нам обществе в роли каркаса идентичности может выступать «гражданская идентичность»⁴.

В корпусе научной литературы, посвященной социально-психологическому процессу формирования гражданской идентичности, можно выделить несколько ключевых метафор.

Идентичность как некий зародыш, который зародился и развивается сам. Рост этого эмбриона могут остановить только глобальные внешние потрясения, кардинальное изменение внешней среды, помогать ему нет необходимости⁵.

Идентичность как песочный куличик, ее можно сделать, то есть сформировать насильно. Такой точки зрения придерживаются чиновники от образования и школьные педагоги. Для данной работы создана концепция формирования гражданской идентичности, в рамках которой проводятся специальные занятия и семинары со школьниками⁶.

Французский философ Ж. Лакан, создатель концепции лишённого целостности индивида, доказывает, что идентичность индивида не монолитна. Структура идентичности как бы состоит из набора различных историй, субъект – это производное от общества, так как социализация его происходит посредством языка, то есть процесс идентификации задается общественными параметрами эпохи, влиянием существующих в это время дискурсов. На выходе Ж. Лакан представляет децентрированного субъекта, основные характеристики которого – фрагментарность, нестабильность, отсутствие целостности. Эта разбросанность на части приводит к тому, что мощное воздействие на процесс идентификации может оказывать существующая на момент социализации идеология. Исходя из этого ученый рассматривает субъект не как универсальный, независимый от внешних обстоятельств, а как то, что рождается в социальных связях, продуцируется обществом. Таким образом, школа как агент социализации действительно может существенно влиять на процесс формирования гражданской идентичности.

Процесс идентификации сравнивают также с ростом саженца. Для дерева необходимо подготовить почву или почва должна быть. За саженцем надо ухаживать – поливать, удобрять. Тогда есть уверенность, что он вырастет и принесет хорошие плоды. При этом выделяется ряд благоприятных или необходимых условий для подобного роста.

По мнению Н. Тихоновой, подобных условий в России пока нет: «...гражданская нация может сформироваться только в обществе, прошедшем этап модернизации. Россия же этап социокультурной модернизации не только не прошла, но лишь начинает двигаться к этому пути»⁷.

Следующим условием существования зрелой гражданской идентичности может выступить более высокая позиция гражданских ценностей в ценностной иерархии по сравнению с ценностями этноса или религии. Российская же идентичность, по мнению исследователя М. Ф. Черныш, «никогда не имела фазы, в которой общегражданские ценности превалявали над всеми остальными»⁸.

Можно также применить метафору математической формулы. Так, некоторые исследователи предлагают некие идеальные типы для идеальной

гражданской идентичности. Например, Р. Фарен создает формулу «хорошего гражданина», главные черты которого – открытость, чувство справедливости, независимость, миролюбие, способность критически мыслить, отсутствие предубеждений, последовательность. Выделяются факторы для создания зрелой идентичности:

- активное отношение человека к миру;
- политическая активность (способность защитить свои интересы);
- готовность принимать самостоятельные решения (мысль: у нас только все критикуют, делать что-то самим невыгодно и неохота);
- перспективная ответственность;
- способность к совместной деятельности⁹.

По результатам эмпирических исследований, у населения нашей страны, индивидов, имеющих официальное гражданство, возникают проблемы с формированием гражданской идентичности. Так, исследователь В. В. Титов приводит данные, что «не более 3–5% россиян в возрасте 18–29 лет имеют сформировавшуюся национально-государственную идентичность гражданского типа»¹⁰. В результате не создается установка на гражданское поведение: формальные граждане демонстрируют антигражданские практики – уклонение от службы в армии, оплаты налогов, абсентеистскую модель электорального поведения, – есть высокая готовность жить по законам теневой экономики. Исходя из этого возникает парадоксальный вопрос: ощущают ли себя гражданами индивиды, практикующие антигражданские практики?

Для ответа на этот вопрос было проведено пилотажное исследование методом полуструктурированного интервью. В качестве информантов были взяты студенты старших курсов социологического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского (21–22 года), так как, по мнению социолога Е. М. Арутюновой, «студенчество ВУЗов и факультетов социально-гуманитарного профиля является той группой, изучение которой позволяет с высокой корректностью строить прогнозы состояния общественного сознания»¹¹.

Как известно, дети, родившиеся в нашей стране в 1989–1990 гг., прошли особую социализацию. Гражданская идентичность родителей студентов-информантов, родившихся и социализировавшихся в период СССР, была идеологически сконструирована. Для поколения 1960–1970-х гг. рождения слова «гражданин», «гражданский долг» были понятны. Осмысливали граждане СССР это по-разному: кто-то, проявляя конформизм, ходил на выборы, собрания и прочее, кто-то, наоборот, гордился своим гражданством, думая: «Слава богу, что я родился в СССР, а не в какой-нибудь страшной Америке». Это поколение испытало ряд идеологических стрессов: сначала массированная атака идеологического аппарата КПСС – участие или функционирование в октябрятской и пионерской организациях, – затем резкая перемена строя, исчезновение партии и годы катарсиса.

Таким образом, в качестве респондентов исследования представлена студенческая молодежь, не получившая идеологического и политического воспитания. В момент их социализации СМИ вели активную антипропаганду советского образа жизни, родители были растеряны и не могли привить гражданских ценностей. Это также объясняется тем, что в начале 1990-х гг. символ гражданина советской эпохи – «простой советский человек» – был назван в новом антисоветском дискурсе «совком» и, соответственно, последовала критика образа жизни, характера, ценностных установок, поведения и т.д. Родители этого поколения не могли транслировать гражданство в системе ценностей, так как оно было нивелировано или рассматривалось только с отрицательными коннотациями.

В последние годы политические партии начали проводить работу по конструированию гражданской идентичности. В качестве таких начинаний отметим георгиевскую ленточку как символ единения, организацию «Молодая гвардия Единой России», попытки реанимировать октябрятские отряды, создав детскую политическую организацию; в Саратове и области действует молодежная организация «Синегория»¹².

Целью исследования было выявить, что является основанием для гражданской идентификации студенческой молодежи, какими ощущениями сопровождается их отношение.

В данной статье мы рассмотрим один из основных вопросов анкеты: «Считаете ли вы себя гражданином?». «Да» или «нет». Объясните любой вариант ответа.

По классификации Т. А. Фоминой «Я гражданин России» – это социальная самоидентификация, которая позволяет судить о самом себе как о носителе определенных социальных ролей¹³. По результатам ее исследования, 13,9% респондентов считают себя гражданами. В то же время опрошенные студенты достаточно ясно осознают свою принадлежность к семье (47,9%). В иерархии Я-концепции осознает себя «гражданином РФ» почти каждый пятый респондент. На макросоциальном уровне он осознает себя «гражданином» своей страны или просто «членом общества».

Согласно опросам ВЦИОМ, 58% опрошенных на вопрос «Кто я такой?» выбирают ответ «гражданин России»¹⁴. Рассмотрим положительные и негативные гражданские идентичности студенческой молодежи, выявленные в нашем исследовании. Можно выделить несколько основных дискурсов – места, правовых отношений, чувства, культуры, менталитета, формального отношения. Наиболее значимые – дискурс места и дискурс правовых отношений. Дискурс места разветвляется на место рождения, проживания и место будущего проживания («Проживаю на территории с рождения, горжусь этим», «я родилась в РФ, живу здесь и буду жить, и мне важно, что происходит в моей стране»). Дискурс места

важен для респондентов как с положительной, так и с негативной идентификацией (студентка не считает себя гражданкой РФ, но при этом: «Не хочу уезжать из страны и не люблю, когда ее ругают и сравнивают с другими»). Носители последней добавляют чувства переживания за происходящее в стране, беспокойства, при этом отмечая, что не собираются менять места проживания («Мне кажется, никто не может быть гражданином РФ. Я не могу сказать, что живя в РФ, имею хоть какие-нибудь права, лишь обязанности. Если бы у меня была возможность выбора Родины, страны, в которой я должна родиться, – я бы ни за что не променяла ее»). Дискурс правовых отношений предопределяет ощущение себя гражданином настолько, что проживание по законам, прописанным в Конституции РФ, может быть единственной причиной, по которой студент ощущает себя гражданином («Живу в соответствии с Конституцией РФ»). Чувства, влияющие на ощущение себя гражданином, различны. Это любовь к своей стране, чувство патриотизма, гордости, чувство поддержки государства, а также ряд негативных ощущений, связанных с обеспокоенностью происходящим. Например: «Я живу в России и люблю свою страну. Свою родину, где я родилась», «Конечно в первую очередь, потому что считаю себя патриотом, люблю свою Родину и ни в какую другую страну не хотела бы уезжать. Также всегда очень волнуюсь за то, что происходит в нашей стране».

Некоторые респонденты в качестве и положительной, и негативной идентификации указывают формальное гражданство: «Гражданка РФ. Естественно! Это написано в моем паспорте!»; «Я не ощущаю себя ни россиянкой, ни гражданкой РФ, для меня это понятие – гражданка РФ – существует только на бумаге».

Дискурс Родины звучит крайне редко, он не характерен для данного поколения. Гражданин ими воспринимается как часть их «Я», взаимодействующая с государством. В их ответах звучит обида, что государство в лице чиновников думает только о себе, не заботится о гражданах, соответственно, они ничего не должны государству, то есть гражданство для них не является ценностью (не ощущаю себя гражданином РФ, так как «никакой помощи от государства не вижу»).

Таким образом, по результатам нашего исследования, современное состояние гражданской идентификации можно сравнить с моделью роста саженца. Современная студенческая молодежь воспринимает себя в качестве граждан страны, но смысловое наполнение этого феномена искажено. Что же блокирует этот процесс? К 20 годам молодежь проходит социализацию в семье, школе и вузе. В семье по описанным выше причинам нарушена трансляция гражданственности как ценности. Идеологическая структура молодежных организаций, действующая в школах и вузах, пока не в достаточной степени восполняет пробел в

гражданском и патриотическом воспитании. В условиях, когда гражданская идентичность не определена и не актуализирована, невозможно субъективно и объективно выполнять миссию по ее конструированию и формированию.

Примечания

- 1 См.: Рикер П. Повествовательная идентичность / пер. К. Дрягунов. URL: <http://www.philosophv.ru/library/ricoer/iden.htm> (дата обращения: 11.03.2011).
- 2 См.: Брандт З. В. К истории слова «идентичность». М., 2000. С. 8. ; Семантический аспект понятия «идентичность» и его развитие в ракурсе социальной философии рассматриваются в диссертационной работе Львовой М. А. «Сущность и содержание феномена национальной идентичности в современных философских, социальных и политических теориях» (URL: http://planetadisser.com/see/dis_49210.html (дата обращения: 11.03.2010)).
- 3 Муфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1 (дата обращения: 28.03.2011).
- 4 См.: Семёнова Ю. А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестник ОГУ. 2010. № 7 (113).
- 5 См.: Дробижнева Л. М. Толерантность и рост этнического самосознания : пределы совместимости // Толерантность и согласие / отв. ред. В. А. Тишков. М., 1997.
- 6 См.: Карabanова О. А., Бурменская Г. В., Володарская И. А. Формирование гражданской идентичности личности в контексте разработки ФГОС второго поколения. URL: <http://www.macsi.ru/publikacii/form-gragd-ident-02.htm> (дата обращения: 28.03.2011).
- 7 Тихонова Н. Постимпериалистский синдром или поиск новой идентичности? // После империи / под ред. И. М. Клямкина. М., 2007.
- 8 Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М, 2006.
- 9 См.: Семёнова Ю. А. Указ. соч.
- 10 Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности молодежи в современной России : политико-психологический анализ : дис. ...канд. политол. наук. М., 2009. См.: URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/357428.html> (дата обращения: 11.03.2011).
- 11 Арутюнова Е. М. Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи (на примере московских студентов) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/33436985> (дата обращения: 26.03.2011).
- 12 См.: Георгиевская лента. Через связь поколений. URL: http://gl.9may.ru/action_why/ (дата обращения: 26.03.2011).
- 13 См.: Фомина Т. А. Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества : региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2007. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=13849> (дата обращения: 21.03.2011).
- 14 См.: Опрос ВЦИОМ: 85% российских граждан – патриоты! URL: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2010/06/23/18747> (дата обращения: 21.03.2011).

УДК 316.4

ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Н. В. Шахматова, С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: schahmatovanv@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу особенностей социально-трудовой и экономической социализации учащейся молодежи. В работе обосновывается научный поиск наиболее адекватных индикаторов данного процесса. При этом внимание акцентировано на таких показателях, как профессиональные ожидания, профессиональная ориентация, способы поиска работы, основные агенты социально-трудовой социализации.

Ключевые слова: трудовая социализация, экономическая социализация.

Main Indicators of Socio-Labor and Economic Socialization of Youth

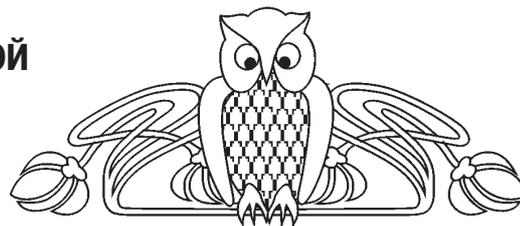
N. V. Schakhmatova, S. V. Sitnikova

The article is devoted to the analysis of the characteristics of social-occupational and economic socialization of studying young people. The work justifies the academic search for the most relevant indicators of this process. The attention is focused on such indicators as vocational expectations, vocational orientations, ways of finding job, and main agents of social-occupational socialization.

Key words: labour socialization, economic socialization.

В условиях демографических изменений как никогда раньше во всей своей значимости встал вопрос о трудовом потенциале молодых россиян. В самом общем виде можно считать, что этот потенциал определяется уровнем воспитания и образования, полученным в семье и школе, вложениями государства в формирование трудового потенциала, а также действенными механизмами стимулирования непосредственно трудовой деятельности.

Суммируя результаты эмпирических исследований, проведенных в последние годы в разных регионах страны, можно сделать вывод о том, что социально-трудовая ориентация современной молодежи включает в качестве ключевых и доминантных следующие ценностные ориентации: высокий материальный достаток; позитивное отношение ко вторичной занятости; положительное отношение к гибким стратегиям поиска работы; готовность к профессиональной мобильности. В современном молодежном сознании россиян постоянно возрастает прагматичное и утилитарное отношение к трудовой деятельности при заметном

падении представлений о социальной ценности труда и понимания труда как долга перед обществом и государством¹.

В настоящее время на рынке труда Саратовской области группу социальной напряженности составляет именно молодежь. Во многом это связано с тем, что молодежь – активная и творческая часть общества. А в условиях постоянно меняющейся ситуации на рынке труда, когда одни профессии теряют свою актуальность, а их место занимают другие, рынок пополняется в основном рабочей силой либо не пользующейся спросом, либо не способной выдержать конкуренцию. В то же время многие вакантные места на предприятиях не заполняются.

Важнейшими социально-экономическими факторами, способствующими росту безработицы, остаются спад и изменения в структуре производства, формах собственности, отсутствие системной продуманной молодежной политики, социальной защиты населения, снижение инвестиционной активности, которое влечет за собой уменьшение ввода новых рабочих мест. По-прежнему число устаревших, непривлекательных, вредных для здоровья производств превалирует над числом современных, технически оснащенных и прогрессивных. Это предполагает низкий уровень производительности труда и экономической активности. Зачастую одной из причин сложности трудоустройства среди молодежи является отсутствие опыта работы. Это окончившие вузы и техникумы молодые специалисты, спрос на профессии которых практически отсутствует, а также люди, впервые ищущие работу и не имеющие профессии (молодежь после окончания средней школы). Следует также помнить, что Саратов – это город вузов и молодежи с высшим образованием очень много. В связи с этим актуален вопрос занятости молодежи, впервые выходящей на рынок труда после окончания вуза. В 2009–2010 гг. Центром региональных социологических исследований СГУ проводилось исследование «Профессиональная ориентация и трудовая занятость студентов», объектом которого являлись студенты саратовских вузов².

При оценке самых престижных профессий 31% всех опрошенных выбрал профессию юриста и экономиста, 29% – профессию врача, 24% – указали на профессию менеджера как одну из самых престижных, 22% – адвоката; 18% уверенно считают, что престижно быть госслужащим; равное количество (по 10%) считает, что престижно стать бухгалтером и прокурором, 9% – программистом; 8% – банкиром и следователем; 7% считают престижной деятельность бизнесмена, 5% – секретаря, курьера и режиссера; 4% выбрали профессию финансиста; 3% опрошенных считают одной из престижных профессию учителя; по 2% респондентов указали на профессии дизайнера, парикмахера, историка и психолога; по 1% студентов указали на профессии строителя и электрика. При выборе самых престижных профессий респонденты в первую очередь указывали на самые высокооплачиваемые специальности, такие как экономист, юрист, госслужащий и адвокат. Из этого можно сделать вывод о том, что в настоящее время для представителей молодого поколения первостепенным при выборе престижной профессии становится прибыль, которую она принесет в дальнейшем.

Эмпирические исследования последних лет показывают, что социализация российской молодежи в сфере труда все более определяется стремлением к материальному благополучию, а работа рассматривается в первую очередь как средство удовлетворения материальных потребностей, как способ обеспечить себя и своих близких, независимо от того где трудиться – в открытых, «прозрачных» или «теневых» организациях, на творческой или рутинной работе³.

Результаты опроса студентов, проведенного ЦРСИ СГУ, позволили выявить иерархию критериев, предъявляемых молодежью к престижной работе (табл. 1).

Таблица 1

Критерии, предъявляемые молодежью к престижной работе

Критерии	Ответы, %	Респонденты, %
Высокая зарплата	30,7	78
Перспектива сделать карьеру	27,2	69
Хорошие условия труда	20,5	52
Соответствие моей специальности	13,8	35
Достаточно высокая должность	4,3	11
Престижность	3,1	8
Все вместе	0,4	1
Итого	100	254*

Примечание. * Процент ответов превышает в сумме 100%, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

На первом месте – высокая зарплата (выбрали 78% респондентов). Материальный критерий оказался достаточно значимым для молодых специалистов. Перспективу сделать карьеру выбрали 69% респондентов, что свидетельствует о готовности молодежи добиваться в жизни желаемых профессиональных перспектив. Немаловажную роль играют хорошие условия труда – 52% респондентов. 35% от общего числа опрошенных ответили, что желаемая работа должна быть по специальности. Вероятно, профильность будущего трудоустройства не является столь важным критерием профессиональной реализации для молодежи.

Даже выбор профессии в настоящее время у молодых носит противоречивый характер, так как в первую очередь определяется не личными склонностями, а критериями высокой оплачиваемости и престижности. Современная молодежь очень активна и предприимчива, достаточно легко вписывается в рыночные отношения – особенно «дикого», а не регулируемого нормами права и законодательством РФ цивилизованного рынка; не смущаясь, она покидает работу, находя места, где платят больше, а работают меньше.

Современные молодые люди рассчитывают в первую очередь на себя и своих родственников, а не на государство, которое явно недостаточно занималось трудоустройством молодежи в истекшие десятилетия реформ. Современная молодежь достаточно четко демонстрирует ментальность и национальный характер россиян, то есть умение выживать в любых социокультурных обстоятельствах, быстро адаптироваться к любой кризисной и агрессивной среде, сохранять стремление к «соборному», то есть коллективному началу своего бытия и всего стила жизни.

На вопрос о том, каким образом было получено то или иное рабочее место, большинство работающих студентов (33,9%) ответило: «С помощью друзей или родственников». Это и явилось модальным значением по данному вопросу. 19% опрошенных нашли работу по объявлению в СМИ, Интернете; 17,4% ответили: «Самостоятельно, предлагая свои услуги разным организациям». Недостаточно эффективно работают в настоящее время агентства по трудоустройству. Респондентов, ответивших, что нашли работу через такие агентства, всего 11,6% (табл. 2). Все это свидетельствует о высокой значимости социальных сетей в процессе поиска работы. Отсутствие системы обязательного распределения выпускников вузов в достаточной степени усложняет процесс их трудоустройства. СМИ и Интернет выступают в этом случае информационной базой.

Таблица 2

Способ получения респондентами рабочего места, % от ответов

С помощью друзей и родственников	33,9
По объявлению в СМИ, Интернете	19,0
Самостоятельно, предлагая свои услуги разным организациям	17,4
Нашел через агентство по трудоустройству	11,6
Создал рабочее место сам	5,8
Меня нашел сам работодатель	5,0
По направлению из учебного заведения	5,0
Был избран на эту должность коллективом	1,7
По направлению с предыдущей работы	0,8
Итого	100

Однако, как показал дальнейший анализ, именно помощь бирж труда наиболее эффективна в случае трудоустройства по специальности. Так, из числа обратившихся на биржу труда 80% получили работу по специальности. Помощь родственников, самостоятельный поиск и объявления в СМИ в большинстве случаев привели в результате к непрофильному трудоустройству (табл. 3).

Таблица 3

Влияние источников информации, используемых при поиске работы, на наличие работы по специальности, % по источнику информации

Источники информации, используемые при поиске работы	Наличие работы по специальности		Итого
	Да	Нет	
Объявление в СМИ	14,3	85,7	100
Биржа труда	80	20	100
Помогли родственники, друзья	35,8	61,5	100
Самостоятельно	28,6	71,4	100
По контракту	100	0	100

Вместе с тем поиски трудовой занятости молодежи и процесс ее вторичной социализации в сфере труда в современной России носят во многом хаотичный и стихийный характер. Самое существенное влияние на выбор трудовой деятельности оказывают сейчас все возрастающие материальные притязания в сфере труда, которые складываются под воздействием идеалов общества потребления, неустанно рекламируемых российскими СМИ.

Подавляющее большинство опрошенных указало на то, что средства массовой информации оказало существенное влияние на их профессиональное самоопределение. Это, безусловно, необходимо учитывать образовательным учреждениям, занимающимся разработкой и реализацией программ профориентации молодежи.

Специалисты отмечают, что сейчас на рынок труда приходят молодые люди с завышенными требованиями к своему трудоустройству, условиям и оплате труда. Трудовая социализация со-

временной российской молодежи существенно отличается от таковой в прошлом, и не только советского периода, но и первых лет перестройки и становления «дикого», или «звериного» первичного становления капиталистических отношений в сфере труда, когда в условиях системного кризиса не только рухнула административно-бюрократическая политическая система, но и в рамках приватизации произошла деиндустриализация страны, которая привела к массовой безработице. Старые представления о трудовой деятельности и ее мотивации уходят в прошлое по мере становления новых общественных отношений, основанных на нормах и принципах цивилизованного рынка, перехода страны на принципы современной информационной культуры⁴.

Молодежь, в отличие от других возрастных групп общества, существенно больше включена в инновационные процессы. В условиях трудовой и экономической социализации она не только адаптируется в процессе, но и реализует становление своей личности как субъекта экономических и трудовых отношений, общения и познания. Становление трудовых и социально-экономических навыков позволяет каждому молодому человеку не только выполнять свои трудовые функции, но и реализовать все свои социальные роли, адекватные статусному положению. В процессе социокультурной идентификации, посредством его молодежь приобретает и усваиваются нормы, ценности и идеалы и адекватные им социальные роли и моральные качества тех социальных групп, с которыми идентифицирует себя молодежь, и этот процесс идет постоянно, в любом обществе и при любых обстоятельствах. Проведенное исследование показало, что уровень профессионального самоопределения выпускников саратовских школ является средним⁵. В большинстве своем они знают, в какой вуз пойдут учиться, однако четкой аргументации при этом не имеют. Выбор специальности также в большинстве случаев свидетельствует об отсутствии интереса и неконкретном характере представлений о будущей профессии. У выпускников отсутствуют мотивационные требования к формированию готовности к выбору профессии. Тем не менее ими признается необходимость трудиться во взрослой жизни. Кроме того, доминирующим основанием для реального профессионального самоопределения выступает критерий «хочу»⁶. Потребности рынка и соотношение желаний с возможностями учитывает лишь десятая часть старшеклассников. В связи с этим большинство выпускников не имеет ясной жизненной перспективы и, как следствие этого, оказывается невостребованным, вынуждено в будущем работать не по специальности.

Выпускники вузов г. Саратова также демонстрируют невысокий уровень профессионального самоопределения. На примере многих вузов можно утверждать, что немалая часть студентов не знает, кем они станут работать в будущем.

Проведенное исследование позволило выявить несколько типов профессиональной ориентации выпускников вузов.

Первый тип – *пассивный запаздывающий*. К этому типу можно отнести около 12% выпускников вузов. Они на момент окончания вуза не имеют ориентации на конкретное место работы. Работа в будущем по специальности или не по специальности для них не имеет принципиальной важности. Опыта работы во время обучения они, как правило, не имеют.

Второй тип – *пассивный приспособленческий* (около 22%). Эти выпускники также не имеют конкретного места работы после окончания вуза. Опыта работы в большинстве случаев не получили. У тех, кто имеет стаж работы, он не по специальности. Эти выпускники ориентированы на хорошую высокооплачиваемую работу, однако в случае необходимости согласились бы и на работу менее квалифицированную и менее оплачиваемую. При трудоустройстве чаще рассчитывают на помощь родственников.

Третий тип – *активный карьерный* (около 35%). Эти выпускники в большинстве случаев имеют ориентацию на конкретное место работы после окончания вуза, имеют опыт работы, чаще по специальности сроком до 1 года. Одним из главных критериев хорошей работы для них является возможность карьерного роста, при этом они могли бы начать трудовую деятельность в должности, требующей более низкого уровня квалификации и с меньшей оплатой труда. При поиске работы они готовы использовать все имеющиеся способы. Возможность профессиональной реализации для них занимает высокую ценностную позицию.

Четвертый тип – *активный инструментальный* (22%). Эти выпускники высшее образование и наличие высокой квалификации оценивают как механизм получения желаемых благ. Они чаще в выборе места работы ориентированы на высокий уровень оплаты труда. Профильность работы не столь значима в их системе аргументации. Чаще всего они имеют опыт работы и ориентированы на конкретное рабочее место после окончания вуза.

Пятый тип – *активный миграционный* (около 9%). Эту группу составляют выпускники, имеющие реальные планы уехать в другую страну. Наличие высшего образования и знаний с высокой квалификацией для них имеет самое большое значение. Опыта работы у них чаще нет, как и конкретной ориентации на место работы.

Анализ результатов исследования показывает, что функционирование системы профессиональной ориентации молодежи в России имеет недостатки и требует серьезной корректировки как на уровне планирования и разработки, так и в отношении конкретных механизмов реализации. Сегодня существует необходимость создания новых структур с более глубокой профессиональной ориентацией, начинающейся со школы. Зачастую вузы не знают своего рынка труда и предлагают

специальности модные, но мало востребованные. Безусловно, работа способствует профессиональной интеграции, даже если она не совпадает со специализацией, поскольку расширяет сферу общения, позволяет накапливать социальный опыт. Если характер трудовой деятельности совпадает с изучаемой профессией, это является своего рода компенсацией во многих случаях малоэффективной на сегодняшний день вузовской практики по специальности.

Если в обыденном поведении молодежь уже ориентируется на рыночные отношения, то в профессиональном плане она еще не готова к новым экономическим отношениям и не обладает достаточной мотивацией к профессиональному труду в соответствии со своей специальностью. Необходимо не только вузам, но и школам возобновить работу кабинетов профессиональной ориентации, чтобы дети уже в школе знали, какие специальности существуют и на какие ориентирован региональный рынок труда. В этом заинтересован и Комитет образования администрации города Саратова и регионов.

Районные центры занятости проводят большую работу по профориентации граждан, но они акцентируют свое внимание на безработных. У них существует определенный день, который называется «день кадровика», когда приходят «кадровики», рассказывают о своем предприятии и какие рабочие им нужны. В городе также ежегодно проводятся ярмарки вакансий для выпускников вузов, которые представляют информацию о том, где молодежь с модными специальностями может работать, впервые выйдя на рынок труда. Однако существует необходимость отслеживания и анализа потребностей регионального рынка труда, особенно в отношении молодых специалистов. В структуре Комитета по физической культуре и спорту администрации г. Саратова существует сектор по молодежной политике, участие которого в актуализации закона о квотировании рабочих мест для выпускников вузов могло бы иметь высокую значимость, тем более что большинство выпускников считает принятие подобного закона значимым условием для облегчения поиска работы молодым специалистом.

Одним из индикаторов экономической социализации является показатель финансовой грамотности. В социологии само определение грамотности (не финансовой, а общей) вызывает много споров. Как указывает П. Робертс, с начала 40-х гг. XX в. ученые не могут прийти к единому мнению, что именно считать грамотностью⁷. В настоящее время существует три подхода к определению грамотности: количественный, качественный и плюралистический. Количественный подход, активно использовавшийся в 1940-1950-х гг., позволяет назвать грамотным человека, прочувшегося определенное количество лет в школе или имеющего навыки, соответствующие такому количеству лет в школе. Например, в 1950-х гг.

международной границей грамотности ЮНЕСКО определил достижение школьниками 5-го класса. Однако качественное различие школьных лет в разных странах, и даже в одной стране, но в разных школах, ставит под сомнение надежность такого измерения грамотности. Качественный подход к измерению грамотности напоминает движение от позитивизма к понимающей социологии – он неоднороден и включает в себя достаточно широкий круг определений. Грамотностью называется возможность самостоятельно оперировать записанной в символах информацией или – использование навыков общения, чтения и письма для расширения возможностей понимания мира. Отсутствие единого понимания грамотности в русле качественного подхода заметно усложняет изучение данного процесса.

Национальный фонд исследований в сфере образования (National Foundation for Educational Research, NFER, UK) определяет финансовую грамотность как умение выдвигать информированные суждения и принимать эффективные решения в отношении использования и управления деньгами⁸. ОЭСР определяет финансовую грамотность как понимание финансовых продуктов и, вследствие этого, осознание финансовых рисков и возможностей, принятие информированных решений, возможность обратиться за советом к профессиональному консультанту⁹. Однако необходимо учитывать социальный контекст для понимания финансовой грамотности, предполагающий некоторый уровень знаний, соответствующий «среднему» гражданину (очевидно, подразумевается минимальный набор знаний и навыков, необходимый для выживания в современном обществе)¹⁰.

В мировой, а теперь и в российской практике, понятие финансовой грамотности принято разделять на 3 составляющие: 1) финансовые знания, которые представляют собой общее понимание финансовых вопросов, финансовых инструментов и требуют получения соответствующих навыков для практического применения; 2) навыки и компетенции, позволяющие применять накопленные знания в различных ситуациях; 3) финансовая ответственность (установки), которая предполагает осознание влияния финансовых решений на более широкий спектр проблем и позволяет индивиду осознавать свои права и обязанности, формирует установки на планирование, анализ, оценки и мониторинг своих финансовых решений¹¹. Таким образом, финансовая грамотность может трактоваться как знание о финансовых институтах и предлагаемых ими продуктах, а также умение их использовать при возникновении потребности и понимание последствий своих действий. Финансовая грамотность как понятие разбивается на три взаимосвязанные части – установки, знания и навыки.

Первая часть – установки – это базис финансовой грамотности. Речь идет о формировании

культуры финансового поведения, которая начинается с планирования семейного бюджета, причем на длительную перспективу, и выработки стратегии реализации потребностей жизненного цикла. Однако пока знания и навыки долгосрочных стратегий финансового планирования не развиты, сохраняется привычка думать только о сегодняшнем дне. Именно эту установку можно и нужно изменить в ходе экономической социализации через формирование в сознании людей понимания того, что жизненный цикл любого человека включает определенные события, к которым необходимо подойти финансово подготовленным (создание семьи, рождение детей, покупка квартиры или дома, образование детей, пенсия). Решение всех этих задач невозможно без использования инструментов финансового рынка.

Исследование, проведенное Национальным центром финансовых исследований России в 2009 г., свидетельствует о достаточно высокой оценке грамотности студенческой молодежи России, причем как субъективной, так и объективной¹². Почти половина (45%) студентов оценивает свои знания и навыки по управлению личными финансами как хорошие и отличные. Среди россиян в целом таковых 12%, а среди россиян с высшим образованием – 21%. При этом студенты экономических специализаций оценивают свои знания выше – 53%. Уровень финансовой грамотности студентов по объективной оценке также высок и коррелирует с уровнем субъективной финансовой грамотности – почти треть студентов ответила правильно на 10 и более вопросов из 26, входящих в индекс финансовой грамотности, 41% ответили правильно на 7–9 вопросов. Наиболее высокий уровень финансовой грамотности среди студентов всех специализаций показали студенты-экономисты, причем по уровню как субъективных, так и объективных оценок.

Наиболее высокие результаты студенты показали в ответах на вопросы по финансовой математике и навыкам управления финансами (6–7 баллов из 10 возможных), тогда как средние баллы за установки и знания были значительно ниже (4–5 баллов из 10 возможных). Наименее понятны студентам вопросы, связанные с потребительским кредитованием, пониманием его стоимости и умением сравнивать стоимость различных кредитных продуктов. Именно на этой сфере требуется сделать акцент в программах повышения финансовой грамотности для студентов. Что касается различий по федеральным округам, то они оказались значительными, причем даже при использовании нормирования долей студентов различных специализаций в окружных выборках. На первом месте по уровню общего индекса финансовой грамотности и всех его компонентов оказался Северо-Западный федеральный округ, во втором – Приволжский и только на третьем – Центральный. Причем следует обратить внимание на то, что по уровню знаний (один из четырех компо-

нентов финансовой грамотности) ЦФО оказался на самом последнем месте, пропустив вперед даже Дальневосточный федеральный округ, который по всем остальным компонентам финансовой грамотности занял самое последнее место.

Исследование показывает высокий уровень пользования финансовыми услугами – 84% респондентов пользуются какой-либо из них. Активность студентов экономических факультетов практически по всем видам финансовых услуг выше остальных, за исключением пользования кредитной картой – здесь гуманитарии на первом месте. Студенты естественно-биологических и технических факультетов занимают в большинстве случаев промежуточное положение между экономистами и гуманитариями, единственный вид услуг, в котором они лидируют, – это платежи в сети Интернет.

В разрезе федеральных округов большей финансовой активностью выделяется ЦФО, где сосредоточены ведущие вузы страны, а также ПФО (в части пользования банковскими картами и срочными вкладами) и СЗФО – по банковским картам и обмену валюты. Необходимо обратить внимание на ДВФО, где уровень пользования финансовыми услугами существенно ниже, чем в других округах (почти 20% студентов указали, что не пользуются никакими из перечисленных финансовых услуг). Каждый десятый опрошенный указывает на то, что ему (ей) приходилось покупать в течение последнего года какую-либо финансовую услугу, о покупке которой потом пришлось сожалеть. В перечне таких услуг доминируют кредиты (прежде всего потребительские – 22%), банковские вклады (17%) и банковские кредитные карты (15%). Почти половина из тех, кто столкнулся с такой проблемой, пассивна, то есть они не сделали ничего для того, чтобы решить данную проблему (45%). В результате в случае возникновения конфликта с финансовой организацией (банком, страховой компанией и т.п.) по поводу оказанных финансовых услуг в той или иной степени уверены в быстром и справедливом разрешении спора лишь 17% студентов, больше трети – не уверены и 38% не могут дать какого-либо однозначного ответа, оценивая свои шансы как 50 на 50. Тем не менее уверенности больше у тех студентов, которые сами оценивают свои финансовые знания и навыки как хорошие или удовлетворительные.

Большинство студентов интересуется тенденциями на финансовых рынках и только 20% указали на то, что никаких тенденций не отслеживают. Среди россиян же в целом каждый третий респондент указал, что не следит ни за какими тенденциями. В разрезе специализации студенты-экономисты гораздо активнее в отслеживании тенденций на финансовых рынках. Кроме того, чем выше оценка собственных финансовых знаний, тем больше проявляется активный интерес к этим тенденциям. В разрезе федеральных округов

различия статистически значимы, и самым неактивным предстает Дальневосточный федеральный округ – свыше четверти студентов указали, что никаких тенденций не отслеживают, а доля тех, кто интересуется изменением уровня инфляции, процентных ставок по кредитам и вкладам и котировками на фондовом рынке, в 1,5–2 раза ниже, чем в целом по выборке.

При необходимости получения информации о финансовых услугах студенты чаще всего обращаются к знакомым, работающим в финансовом секторе (50%). В тройку лидеров вошли представители финансовых компаний и независимые финансовые консультанты. На четвертом месте – советы родителей (32%). Студенты-экономисты в гораздо большей степени отдают предпочтение профессиональным советам со стороны агентов финансовых рынков, тогда как студенты гуманитарных, естественных и технических факультетов чаще других обращаются к друзьям, приятелям, супругу(е).

Как показывают результаты опроса, чаще всего в качестве «учителей» финансовой грамотности студенты хотели бы видеть независимых финансовых консультантов. Следующие три места в предпочтениях студентов занимают сотрудники государственных организаций, регулирующих данные рынки, коммерческих банков и вузов экономического и финансового профиля. Следует заметить, что популярность государственных органов – регуляторов финансовых рынков более чем в 2 раза выше, чем общественных организаций, занимающихся защитой прав потребителей (при том, что именно тема защиты своих прав как потребителей является одной из самых главных, по которым студенты очень хотели бы узнать больше). Все остальные лица – сотрудники пенсионных фондов, страховых компаний, а также журналисты, – не пользуются спросом в качестве учителей финансовой грамотности.

При проверке взаимосвязи уровня образования родителей и установок была выявлена интересная особенность. Если в случае с субъективной оценкой уровня финансовой грамотности максимальные баллы себе ставили дети родителей с высшим и незаконченным высшим образованием, то в случае с установками при сохранении положительной связи между образованием матери и совокупным индексом, измеряющим установки, наибольшие баллы набрали студенты, у которых матери имели среднее специальное образование, а не высшее, при этом статистической связи с образованием отца обнаружено не было. Полученные выводы о влиянии образования матери и отсутствии влияния образования отца на уровень объективной финансовой грамотности их детей соответствуют тем, которые были получены на данных опроса школьников.

Анализ ответов студентов об ответственности за риски, связанные с использованием раз-

личными финансовыми услугами, показал, что, как минимум, треть опрошенных предпочла бы переложить ответственность за личные финансовые риски и инвестиционные вложения с себя на государство. В целом студенты проявили большую заинтересованность в дополнительных знаниях об управлении личными денежными средствами – 71% хотели бы знать больше об этой сфере. Тем не менее доля тех, кто считает, что он(она) знает то, что ему(ей) нужно, достаточно высока и составляет 25%. По данным аналогичного исследования, проводившегося в прошлом году среди школьников старших классов, доля таковых была 34%. Студенты экономических факультетов испытывают большую потребность в дополнительных финансовых знаниях (сказали об этом 77%), тогда как гуманитарии и «технари», чей уровень финансовой грамотности ниже, не испытывают потребности в ее повышении (почти 30% студентов этих факультетов не хотят знать больше об управлении личными финансами). В разрезе федеральных округов максимальная потребность студентов в повышении уровня своей финансовой грамотности наблюдается в Дальневосточном и Южном округах, а минимальная – в Приволжском и Сибирском округах.

Степень интереса к получению новых знаний, причем по всем компонентам финансовой грамотности, зависит от уже достигнутого уровня: чем больше студенты знают, тем чаще говорят, что хотели бы знать больше. Таким образом, нужно учитывать, что для программ, разрабатываемых для нулевого изначального уровня финансовой грамотности, необходимо в большей степени использовать методики, направленные на формирование и поддержание интереса к данной теме, нежели на передачу большого объема знаний и информации. Знания и информация будут чаще востребованы на более продвинутых уровнях финансового ликбеза. За введение финансовой грамотности как отдельного предмета высказалась треть студентов, 57% предпочли бы обучаться ей в рамках существующих предметов или на факультативных занятиях и только 7% студентов полагают, что финансовое просвещение в вузах вообще не нужно.

Интерес к финансовой тематике со стороны студентов весьма велик – по всем предложенным темам более половины студентов в той или иной степени заинтересовано в получении дополнительной информации. При этом в наибольшей степени востребована информация, касающаяся защиты прав потребителей финансовых услуг и защиты от рисков при пользовании ими. На втором месте оказалась группа тем, связанных со знанием того, как и где искать информацию о финансовых услугах и как ее отличить от рекламы, какими налогами облагаются доходы граждан. В этой же группе оказались темы, отражающие довольно высокий интерес студентов к страхованию, налогообложению, пенсионной системе и фондовому

рынку. В конце же списка оказались формулировки, связанные с описанием таких услуг, как банковские счета и вклады, потребительский кредит, кредитные карты, а также кредитные бюро. Таким образом, предмет «финансовая грамотность» (в виде отдельного курса или факультатива) в вузах должен носить проблемно ориентированный, а не описательный характер.

Важной установкой, препятствующей развитию финансовой активности молодежи, является недоверие населения к финансовым институтам. Преодоление такого отношения необходимо через убеждение в том, что существование данных институтов является нормой для любого современного общества, неотъемлемым и функциональным элементом рынка. Поэтому в ходе экономической социализации важно сосредоточиться в первую очередь на формировании установок и базисных знаний и навыков на финансовом рынке, финансового минимума, причем делать это следует через информирование о моделях поведения, рассчитанных на удовлетворение определенной потребности.

Примечания

- 1 См.: Демографический ежегодник России. М., 2005. С. 6. URL: <http://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/dobryn.htm> (дата обращения: 08.03.2010).
- 2 Выборочная совокупность составила 561 человек. В опросе принимали участие студенты Саратовского государственного социально-экономического университета (20,9% от всей совокупности опрошенных), Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова (20,1%), Саратовского государственного медицинского университета (20%), Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (13,2%), Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского (11,1%), Саратовского государственного технического университета (8%), Поволжской академии государственной службы (6,8%).
- 3 См.: Демографический ежегодник России. М., 2009. С. 6. URL: <http://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/dobryn.htm> (дата обращения: 08.03.2010).
- 4 Там же.
- 5 Следуя типологии Р. Р. Фаткуллина. См: *Фаткуллин Р. Р.* Формирование готовности к выбору профессии у старшеклассников в условиях интернатного типа: теория и практика. // Вестн. Башкир. ун-та. 2008. Том 13. № 2. С. 89.
- 6 См.: *Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения. М., 2007. С. 49.
- 7 См.: *Roberts P.* Defining Literacy: Paradise, Nightmare or Red Herring? // *British Journal of Educational Studies*. Vol. 43. N. 4. 1995. P. 412-432. URL: <http://www.jstor.org/stable/3121809> (дата обращения: 21.04.2010).
- 8 См.: *Measuring Financial Capability: an Exploratory Study*. Financial Services Authority. 2005. URL: <http://www.fsa.gov.uk/pubs/consumer-research/crpr37.pdf> (дата обращения: 21.04.2010).

- ⁹ См.: Improving Financial Literacy. Analysis of Issues and Policies. OECD. 2005. URL: http://www.oecd.org/document/28/0,3343,en_2649_15251491_35802524_1_1_1_1,00.html (дата обращения: 17.02.2010).
- ¹⁰ См.: Correia A. Information literacy for an active and effective citizenship: White paper prepared for Unesco, the US National Commission on Libraries and Information Science and the National Forum on Information Literacy, for use at the Information Literacy Meeting of experts. Prague, 2002. URL: <http://www.nclis.gov/libinter/infolitconf&meet/papers/correiainfullpaper>. (дата обращения: 17.02.2010).
- ¹¹ См.: Measuring Financial Capability: an Exploratory Study. Financial Services Authority. 2005. URL: <http://www.fsa.gov.uk/pubs/consumer-research/crpr37.pdf> // <http://nacfin.ru/finansovaja-gramotnost-naselenija-rossii/zasedanie-koordinacionnogo-komiteta-ro-finansovoi-gramotnosti.html> (дата обращения: 08.03.2010).
- ¹² Социологическое исследование «Уровень финансовой грамотности студентов российских вузов» было проведено методом группового анкетирования в 2009 г. группой компаний Центра финансовых технологий (Центр исследования платежных систем и расчетов, Национальное агентство финансовых исследований НАФИ). N = 4794 студента в 7 федеральных округах (ЦФО – 30,9%, СЗФО – 12,5%, ЮФО – 6,3%, ПФО – 26,4%, УФО – 9,4%, СФО – 8,3%, ДВФО – 6,3%), 17 городах России (Казань, Москва, Тюмень, Самара, Ярославль, Вологда, Краснодар, Саратов, Уфа, Владивосток, Иркутск, Омск, Санкт-Петербург, Челябинск, Рязань, Тула, Оренбург).

УДК 316.3:616.1

ПРЕДИКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНВАЛИДОВ ПРИ БОЛЕЗНЯХ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ

И. Л. Кром¹, И. Ю. Новичкова²,
Т. Н. Ильина³, Д. А. Осипов³, Т. В. Рождественская³

¹Центр медико-социологических исследований, г. Саратов

²Институт социального образования (филиал) Российского государственного университета в г. Саратове

³Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: KromIL@km.ru

В статье обсуждаются результаты междисциплинарных исследований социализации лиц в ситуации болезни, предикторов инвалидности при болезнях системы кровообращения. Инвалидность рассматривается как способ социализации, возникающий при невозможности субъекта эффективно реагировать на изменение социальной среды как отклонение от стандартов возрастной социализации из-за нарушений освоения возрастных статусов.

Ключевые слова: инвалидность, социализация, болезни системы кровообращения.

The Socialization Predictors of People with Cardiovascular Diseases

I. L. Krom, I. Yu. Novichkova, T. N. Ilyina, D. A. Osipov,
T. V. Rozhdestvenskaya

The results of interdisciplinary researches of people socialization in illness situation, disability predictors at people with cardiovascular diseases are discussed in this article. Disability is considered as the way of socialization that occurs at impossibility of the subject to respond effectively to social environment changes, as a deviation from age socialization standards because of development violations of age statuses.

Key words: disability, socialization, cardiovascular diseases.

Вторая половина XX в. и начало XXI в., наряду с очевидными успехами в профилактике и лечении многих заболеваний, отмечены ростом инвалидизации населения. Хронические неинфекционные заболевания (и среди них болезни системы кровообращения) относятся к основным причинам смертности и инвалидизации населения России. Изучение структуры и предикторов инвалидизации больных вследствие хронических неинфекционных заболеваний в наши дни перестает быть предметом только медицинских исследований и становится одной из важных социальных проблем.

Обзор социологических исследований в области социальных проблем общественного здоровья позволяет предположить, что программы охраны здоровья, профилактики заболеваний и совершенствования медицинской помощи оказываются неэффективными вследствие «отсутствия комплексного определения здоровья с включением в него немедицинских признаков»¹, то есть отсутствия интегральной модели, учитывающей многомерную, иерархическую систему показателей качественного состояния населения. Характеристика здоровья может быть представлена в концепции социального здоровья и социальной безопасности (В. Н. Ярская), в которой возможность обобщения понятия социального здоровья связана «с сопутствующими понятиями социального благополучия, социального комфорта, социальной безопасности, устойчивости социального статуса»². При этом «система статусных характе-

- ⁹ См.: Improving Financial Literacy. Analysis of Issues and Policies. OECD. 2005. URL: http://www.oecd.org/document/28/0,3343,en_2649_15251491_35802524_1_1_1_1,00.html (дата обращения: 17.02.2010).
- ¹⁰ См.: Correia A. Information literacy for an active and effective citizenship: White paper prepared for Unesco, the US National Commission on Libraries and Information Science and the National Forum on Information Literacy, for use at the Information Literacy Meeting of experts. Prague, 2002. URL: <http://www.nclis.gov/libinter/infolitconf&meet/papers/correiafullpaper>. (дата обращения: 17.02.2010).
- ¹¹ См.: Measuring Financial Capability: an Exploratory Study. Financial Services Authority. 2005. URL: <http://www.fsa.gov.uk/pubs/consumer-research/crpr37.pdf> // <http://nacfin.ru/finansovaja-gramotnost-naselenija-rossii/zasedanie-koordinacionnogo-komiteta-ro-finansovoi-gramotnosti.html> (дата обращения: 08.03.2010).
- ¹² Социологическое исследование «Уровень финансовой грамотности студентов российских вузов» было проведено методом группового анкетирования в 2009 г. группой компаний Центра финансовых технологий (Центр исследования платежных систем и расчетов, Национальное агентство финансовых исследований НАФИ). N = 4794 студента в 7 федеральных округах (ЦФО – 30,9%, СЗФО – 12,5%, ЮФО – 6,3%, ПФО – 26,4%, УФО – 9,4%, СФО – 8,3%, ДВФО – 6,3%), 17 городах России (Казань, Москва, Тюмень, Самара, Ярославль, Вологда, Краснодар, Саратов, Уфа, Владивосток, Иркутск, Омск, Санкт-Петербург, Челябинск, Рязань, Тула, Оренбург).

УДК 316.3:616.1

ПРЕДИКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНВАЛИДОВ ПРИ БОЛЕЗНЯХ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ

И. Л. Кром¹, И. Ю. Новичкова²,
Т. Н. Ильина³, Д. А. Осипов³, Т. В. Рождественская³

¹Центр медико-социологических исследований, г. Саратов

²Институт социального образования (филиал) Российского государственного университета в г. Саратове

³Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: KromIL@km.ru

В статье обсуждаются результаты междисциплинарных исследований социализации лиц в ситуации болезни, предикторов инвалидности при болезнях системы кровообращения. Инвалидность рассматривается как способ социализации, возникающий при невозможности субъекта эффективно реагировать на изменение социальной среды как отклонение от стандартов возрастной социализации из-за нарушений освоения возрастных статусов.

Ключевые слова: инвалидность, социализация, болезни системы кровообращения.

The Socialization Predictors of People with Cardiovascular Diseases

I. L. Krom, I. Yu. Novichkova, T. N. Ilyina, D. A. Osipov,
T. V. Rozhdestvenskaya

The results of interdisciplinary researches of people socialization in illness situation, disability predictors at people with cardiovascular diseases are discussed in this article. Disability is considered as the way of socialization that occurs at impossibility of the subject to respond effectively to social environment changes, as a deviation from age socialization standards because of development violations of age statuses.

Key words: disability, socialization, cardiovascular diseases.

Вторая половина XX в. и начало XXI в., наряду с очевидными успехами в профилактике и лечении многих заболеваний, отмечены ростом инвалидизации населения. Хронические неинфекционные заболевания (и среди них болезни системы кровообращения) относятся к основным причинам смертности и инвалидизации населения России. Изучение структуры и предикторов инвалидизации больных вследствие хронических неинфекционных заболеваний в наши дни перестает быть предметом только медицинских исследований и становится одной из важных социальных проблем.

Обзор социологических исследований в области социальных проблем общественного здоровья позволяет предположить, что программы охраны здоровья, профилактики заболеваний и совершенствования медицинской помощи оказываются неэффективными вследствие «отсутствия комплексного определения здоровья с включением в него немедицинских признаков»¹, то есть отсутствия интегральной модели, учитывающей многомерную, иерархическую систему показателей качественного состояния населения. Характеристика здоровья может быть представлена в концепции социального здоровья и социальной безопасности (В. Н. Ярская), в которой возможность обобщения понятия социального здоровья связана «с сопутствующими понятиями социального благополучия, социального комфорта, социальной безопасности, устойчивости социального статуса»². При этом «система статусных характе-

ристик социальной группы или отдельно взятого индивида охватывает параметры экономического, этнического, профессионального, образовательного, семейного, интеллектуального, психологического укоренения человека в социум»³. Разработка критериев социального здоровья предполагает интегративные исследования в области наук о человеке, создающих «универсальные категории культуры и форм мышления: человек, культура, социум, свобода, гуманизм, конфликт, время, социальные действия, жизнь, смерть, экология, экзистенция, ситуация, субъект, образ жизни, картина мира, душа»⁴.

Можно предположить взаимодействие факторов риска, необходимость их комплексного изучения для профилактики социального здоровья. К социальным можно отнести факторы риска, обуславливающие «общий кризис общества, ведущие к изменению образа жизни и стиля жизни, к ломке системы ценностей, утрате прежних идеалов и нечёткости или отсутствию новых»⁵. Кризисные периоды развития обществ Э. Дюркгейм связывал с состоянием аномии – ценностно-нормативным вакуумом и фрустрацией вследствие ограниченной возможности удовлетворения потребностей.

«Все исключительно значимые проблемы не могут быть изучены вне оценки влияния на них нового витка глобализации, которая стала важнейшей доминантой развития современной цивилизации. Под ее влиянием происходит трансформация... бытия человека»⁶. Анализ и прогноз возможных вариантов социальных последствий глобализации содержит, в частности, определение наиболее значимых социальных угроз и рисков. О. Н. Яницкий, определяя своеобразие проявления рисков в России, считает, что «Россия, преодолев некоторый качественный барьер, превратилась в общество всеобщего риска»⁷.

По мнению В. И. Жукова⁸, значимыми сегодня и в среднесрочной перспективе зонами риска являются:

- чрезвычайно высокий, значительно превышающий международные стандарты уровень социального расслоения общества, дифференциация по величине дохода между социальными группами, внутри социальных групп, по профессиям, между регионами, по тендерному признаку;

- бедность значительной части населения;

- понимание бедности как образа жизни, пришедшее на смену пониманию бедности как нехватки денег. Причем во многом – это экономическая бедность, когда бедными являются работающие и трудоспособные люди;

- демографическая проблема. Прогноз показывает, что при сохранении существующей в настоящее время тенденции население страны составит в 2015 г. 138,4 млн человек, а затем, при крайне неблагоприятных условиях, в середине века достигнет рубежа 100 млн человек при его значительном старении (существуют и более драматичные прогнозы);

- проблема разных видов насилия, которое сегодня приобретает все более ярко выраженный глобальный размах и тотальный характер. Усиливается криминализация общества;

- потеря Россией почти половины экономического потенциала за годы либеральных экономических реформ в их крайне радикальной форме;

- серьезная проблема экологической угрозы, связанная с плохо контролируемой охраной от загрязнения окружающей среды, некачественные продукты питания.

Преобразования в современном российском обществе привели к изменению статусных характеристик различных групп населения, стратификационной системы в целом. «В социологии термин “стратификация” обычно применяется для изучения структурированного социального неравенства»⁹. По определению Т. Парсонса, социальная стратификация – это дифференцирующее ранжирование индивидов¹⁰. Положение субъекта в обществе, его социальные связи, стереотипы поведения связаны с тем, какое место он занимает в структуре социального пространства – «пространства статусных различий, ролевых ожиданий, форм социальной идентификации, институализации социального взаимодействия»¹¹.

Социальные риски, возникающие под воздействием политических, социально-экономических, социокультурных процессов, идущих в современном российском обществе, распределены определенным образом. Социальная циркуляция, которая понимается как изменение социальной структуры¹², характеризуется в России нарастанием социального неравенства. Основа и сущность социальной структуры, по мнению П. А. Сорокина, – в «неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей власти и влияния среди членов того или иного общества».

С изменением социальной структуры общества связано возникновение статусного риска. Имущественное расслоение по доходам и по уровню жизни приводит к усилению нисходящей социальной мобильности. Среди большей части населения усиливается опасение за снижение своего социального и личного статуса. Социальный риск проявляется в массовом опасении потерять работу, источники личных доходов, здоровье. Для социально активных и обеспеченных слоёв населения статусный риск проявляется в опасении за жизнь и личные права. Показателями статусного риска выступают: экологическая ситуация, уровень доверия к правительству и местным органам власти, степень гражданской защищенности, личной безопасности и т. д. Маргинальный риск выражен для категорий населения, живущих за пределами установленного уровня бедности – это, в основном, представители «базового» и «нижнего» слоёв, по классификации Т. И. Заславской¹³.

В многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях отмечается, что представители нижних социальных слоев имеют наименьший доступ к ресурсам медицинского обеспечения. Различия в доступности медицинского обслуживания и его качества, по мнению авторов, являются фактором усиления неравенства в здоровье/продолжительности жизни. Три главные составляющие социально-экономического статуса – образование, род занятий и уровень доходов – оказывают влияние на здоровье, определяя образ и условия жизни разных слоёв населения. Не вызывает сомнения, что состояние здравоохранения ответственно за более высокий уровень заболеваемости представителей нижних социальных слоев, однако значительные различия в состоянии здоровья социальных слоев отмечены и в тех странах, где отсутствуют социально-экономические барьеры в доступности медицинского обслуживания (например, Швеции, Финляндии). Значительное улучшение доступа малообеспеченных групп населения к системе медицинского обслуживания в Англии, США не привели к изменениям стратификационного градиента относительно продолжительности жизни¹⁴.

Бедность, являясь глобальной социальной проблемой, активно исследуется и имеет много сходных черт во всем мире¹⁵. В многочисленных исследованиях бедность определяется как низкий уровень доходов и расходов, отсутствие необходимых ресурсов, невозможность поддержания желаемых жизненных стандартов, определенное самоощущение в социуме.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что уровень доходов определяет различия в жизненных стандартах. Эти различия обуславливают неодинаковые возможности для адаптации людей к природной и социальной среде, способность справляться с физическими и эмоциональными нагрузками. Кроме того, неравенство в жизненных стандартах определяет и разные возможности лечения и профилактики заболеваний. Длительное состояние страха, неуверенности, низкая самооценка, социальная изоляция, невозможность принимать решения и контролировать ситуацию, связанные с бедностью, являются факторами риска психосоциальных заболеваний.

В условиях России, в отличие от большинства развитых стран, различия в здоровье определяются факторами социокультурного характера, которые, наряду с экономическими, экологическими, природно-климатическими условиями жизни, создают общую ситуацию в сфере здоровья различных групп населения¹⁶.

При одинаковых экологических, социально-экономических, бытовых и прочих факторах, при одинаковой наследственности субъекты имеют разное здоровье, что определяется различиями самосохранительного поведения (наличие или

отсутствие вредных привычек, ценности здоровья и степени активности для его поддержания и т.д.)¹⁷. Здоровье для лиц с низкими стартовыми возможностями часто рассматривается как дополнительный жизненный ресурс, средство для достижения определенных целей.

По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения¹⁸, специфическими факторами, которые влияют и будут влиять на будущее соотношение инвалидов в мире, являются следующие:

- изменения в возрастной структуре населения;
- экономические особенности административной территории;
- изменения в структуре заболеваемости и смертности;
- рост урбанизации;
- экологическая обстановка.

Классификация, разработанная в России в конце 1980-х гг., определяет 6 групп факторов, способствующих возникновению инвалидности¹⁹:

1-я группа – демографические и социальные особенности административных территорий;

2-я группа – экономические особенности и развитие той или иной отрасли народного хозяйства и промышленности на различных административных территориях.

Было выявлено, что инвалидов больше в тех административных районах, для которых характерны следующие демографические и социально-экономические особенности: убывающее население, низкий процент городского населения, низкий темп роста городского населения, высокая смертность, низкая рождаемость, низкий естественный прирост, большой удельный вес лиц пожилого возраста, низкий процент трудоспособного населения, большой удельный вес лиц с начальным образованием;

3-я группа – заболеваемость населения, состояние лечебно-профилактической помощи: позднее обращение за медицинской помощью, первичное установление ошибочного диагноза, неполное обследование в период установления диагноза; отсутствие диспансерного наблюдения, несвоевременная постановка на диспансерный учет, короткие сроки стационарного лечения, недостаточный объем и неправильная тактика лечения;

4-я группа – характер и условия труда на отдельных предприятиях, в целом по отрасли, региону. Изучение влияния характера и условий труда на промышленных предприятиях показало четкую зависимость уровня инвалидности рабочих и служащих от условий и характера труда. При благоприятных условиях труда (нормальный микроклимат, уровень шума в пределах нормы, умеренная физическая нагрузка) отмечается низкий уровень первичной инвалидности. При умеренно выраженных неблагоприятных усло-

виях труда (незначительное превышение нормативного уровня шума, физическая нагрузка 2–3-й категории тяжести) отмечается средний уровень первичной инвалидности рабочих и служащих. При выраженных неблагоприятных условиях труда (неблагоприятный микроклимат, значительное превышение уровня шума, физическая нагрузка 3-й категории) отмечается высокий уровень инвалидности среди рабочих и служащих. В выполняемой работе у этих больных имеют место такие неблагоприятные производственные факторы, как тяжёлый физический труд, значительное нервно-психическое напряжение, неблагоприятные санитарно-гигиенические условия;

5-я группа – социально-бытовые условия;

6-я группа – состояние медико-экспертного обслуживания населения. Влияние на уровень инвалидности, по мнению авторов, оказывают необоснованные экспертные решения о группе инвалидности в связи с неиспользованием возможности продления лечения по больничному листу, неверной оценкой данных инструментальных исследований, ошибочной оценкой возможности трудоустройства без потери или снижения квалификации и т. д.

Сравнительный анализ факторов, предопределяющих инвалидность при болезнях системы кровообращения, проводит Л. Е. Кузьмишин²⁰. Автор указывает, что инвалидность при болезнях системы кровообращения – сложная многофакторная проблема, обусловленная многочисленными медицинскими, демографическими, социальными, экономическими, организационными и другими факторами, находящимися в сложной взаимозависимости.

По мнению И. А. Трифионовой и соавторов²¹, среди основных факторов риска, способствующих инвалидизации больных, страдающих болезнями системы кровообращения, приоритетная роль (более 70%) принадлежит хроническим заболеваниям в анамнезе, недостаточной физической активности, злоупотреблению жирной, сладкой, мучной пищей, хроническим заболеваниям системы кровообращения у близких родственников. На долю других факторов, по утверждению авторов, приходится менее 30%. В исследовании отмечено гендерное влияние на значимость некоторых факторов риска. Это касается курения, употребления алкоголя и отчасти вредных производственных условий, роль которых в формировании болезней системы кровообращения как причины инвалидности для мужчин более значительна, чем для женщин.

Представленные классификации факторов риска инвалидизации, как и классификация В. И. Поварова²², определяют факторы риска инвалидности в связи с существовавшей в России практикой идентификации инвалидности с болезнью. Исторически понятия «инвалид» и «инвалидность» в России связывались с понятиями «нетрудоспособность» и «больной».

Принятие в 1995 г. Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», разработка новых методологических подходов²³ позволили России использовать международные критерии при определении инвалидности. Инвалидность определяется как социальная недостаточность вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, приводящая к ограничению жизнедеятельности и необходимости социальной защиты. Современная концепция инвалидности, в соответствии с международной классификацией (International Classification of Impairment, Disability and Handicaps – ICIDH), принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 1980 г.²⁴, определяет критерии нарушения здоровья, степени ограничения жизнедеятельности и социальные последствия болезни. Согласно данной классификации, под повреждением (impairment) понимается утрата или аномалия анатомических, физиологических, психологических структур или функций. Нарушение жизнедеятельности (disability), по классификации ВОЗ, – возникающее в результате повреждения ограничение или утрата возможности осуществлять повседневную деятельность, считающуюся нормальной для человеческого общества. Социальные ограничения (handicaps) предполагают возникающие в результате повреждения и нарушения жизнедеятельности ограничения и препятствия для выполнения социальной роли, считающейся нормальной для данного индивида в соответствии с его биосоциальными характеристиками. Инвалидность – сложное социальное явление, зависящее от факторов, определяющих социализацию личности. Ограничение жизнедеятельности возникает в том случае, если больной лишен возможностей, обычно имеющихся в обществе и необходимых в повседневной жизни, включая образование, занятость, личную и финансовую безопасность, свободный доступ ко всем видам общественного обслуживания, свободу передвижения и т. д.

В отличие от существующей в России концепции инвалидность рассматривается нами как способ социализации, возникающий при нарушении способности субъекта к освоению возрастных статусов, невозможности эффективно реагировать на изменение социальной среды из-за нарушения способности к конкуренции и приспособлению.

Социализация – «это процесс и система взаимодействия личности и среды через усвоение субъектом определённых знаний, ценностей, установок, ролей, статусных характеристик и функций, присущих определённым группам»²⁵. Следует отметить решающую роль личности в процессе социализации, однако не меньшую роль играют и другие уровни системы – группа, институты, социум в целом. Они – участники социализации как взаимодействия, которое предполагает наличие обеих сторон.

Особый интерес в исследовании социализации заслуживает попытка создания модели, связывающей различные уровни социального пространства с индивидуальными социальными фактами²⁶.

По мнению Г. Штайнкампа, элементы в причинной цепи от положения в системе социального неравенства до индивидуальной болезни и продолжительности жизни представлены на различных уровнях социального пространства, расставленного в многоуровневой модели. В указанной цепи более высокий уровень определяет релевантные условия для других уровней²⁷.

На высшем уровне (макроуровень) – социальная стратификация, определяющая неравные условия жизни и жизненные шансы. Средний (мезо-) уровень охватывает конкретные жизненные обстоятельства, в которых проявляется действие неодинаковых нагрузок и ресурсов. На нижнем (микро-) уровне процесс взаимоотношения индивида с нагрузками и ресурсами (рисунок).

Одной из форм процесса социализации является приспособление – принятие субъектом культурных норм, образцов поведения и действий в новой среде. Как и конкуренция, эта форма социализации возникает на каждом ее этапе, предполагает принятие новых ценностей, новых идентификаций. Приспособление предполагает формирование такого поведения, которое пригодно для жизни в постоянно меняющихся условиях среды. По мнению Ю. Р. Хайруллиной, перманентные изменения

личностного статуса, отсутствие его временной стабильности и неизменной идентификации являются закономерностью процесса социализации в условиях трансформации. Современное общество, в отличие от традиционного, характеризуется большей социальной мобильностью, учащенной сменой интегрального статуса личности. Идентификация личности размыта, статус неравномерно достигается в различных сферах жизни, существуют несоответствие и конфликты рангов²⁸.

Определенные социальные группы (в том числе и инвалиды) стремятся получить предписанный статус социально незащищенных, что определяет более упорядоченную и предсказуемую социализацию, получают установленные в обществе социальные гарантии.

Инвалидизация больных при болезнях системы кровообращения рассматривается нами как невозможность эффективно реагировать на изменение социальной среды, как отклонение от стандартов возрастной социализации из-за нарушений освоения возрастных статусов. Сравнительный анализ работ отечественных и зарубежных авторов свидетельствует, что для анализа инвалидизации в контексте социального функционирования лиц, страдающих хроническими неинфекционными заболеваниями, до настоящего времени не существует обоснованной интегративной концепции предикторов инвалидности. Существующие исследования лишь инициируют мультипарадигмальные разработки по данной проблематике.

Междисциплинарные исследования социализации лиц в ситуации болезни, предикторов инвалидности при хронических неинфекционных заболеваниях (болезнях системы кровообращения, пограничных психических расстройствах, сахарном диабете) проводятся в Центре медико-социологических исследований с 2008 г. Респонденты, включенные в исследование, страдали ишемической болезнью сердца, занимающей первое ранговое место в структуре инвалидности трудоспособного населения при болезнях системы кровообращения в Саратовской области.

Критерии инвалидности, разработанные Всемирной организацией здравоохранения, определяющие практику установления групп инвалидности в России, предполагают четкую корреляцию тяжести соматического состояния (дефекта), степени ограничения жизнедеятельности и социальных ограничений инвалида. Локализация и глубина поражения миокарда при перенесённом инфаркте миокарда, хроническая сердечная недостаточность и постинфарктная стенокардия являются одними из основных клинических предикторов инвалидизации больных ишемической болезнью сердца.

Не вызывает сомнений, что у больных ишемической болезнью сердца в терминальном состоянии существует четкая зависимость тяжести соматического состояния и степени ограничений жизнедеятельности, в том числе и ограничение способности к трудовой деятельности. В результате возникает неэффективность возрастной социализации, потребность в предписанном статусе инвалида. В ходе проведенного исследования на большом фактическом материале (в исследовании участвовало более 1,5 тыс. респондентов) установлено отсутствие корреляции ($p \leq 0,2$) тяжести клинических предикторов инвалидизации больных в нетерминальном состоянии и трудовой занятости – фактора эффективной возрастной социализации.

Результаты позволили подтвердить гипотезу исследования об отсутствии облигатной роли соматических предикторов в инвалидизации больных при болезнях системы кровообращения. Облигатными являются социальные и личностные характеристики больного, обусловленные преморбидным, коморбидным состоянием в ситуации болезни, а также ресурсы, предоставляемые обществом для социализации больных.

Было выяснено, что к группам социального риска инвалидизации трудоспособного возраста при болезнях системы кровообращения относятся больные среднего возраста, обладающие наименьшим профессиональным и квалификационным трудовым потенциалом, большинство из которых живет на уровне бедности. Возникает невозможность в связи с социальными, личностными и соматическими характеристиками эффективно реагировать на меняющуюся социальную ситуацию, усугубляется затруднение

социализации. В результате больные стремятся к установлению и поддержанию предписанного статуса инвалида.

Инвалидность (неэффективность социализации) формируется при недостаточности у больных соматических, психологических и социальных ресурсов. Способствуя инвалидизации больных, соматические предикторы не являются облигатными. Роль последних играют личностные и социальные характеристики больного, обусловленные преморбидным, коморбидным состоянием, «ситуацией болезни»²⁹, и ресурсы, предоставляемые социумом для эффективной социализации лиц, страдающих соматической или психической патологией.

Проведенное исследование свидетельствует, что, в отличие от существующих в настоящее время представлений о корреляции тяжести соматической патологии и возникающего ограничения жизнедеятельности, в большей степени ограничение жизнедеятельности связано с ситуацией болезни и качеством жизни субъекта. Функциональные нарушения, выявляемые у инвалидов, не всегда соответствуют тяжести принятых в экспертной практике ограничений жизнедеятельности. Достоверная корреляция тяжести заболевания и степени ограничения жизнедеятельности возникает у больного лишь в терминальной стадии заболевания.

По нашим данным, для большинства респондентов, занятых физическим трудом, часто возникает ограничение жизнедеятельности, связанного с болезнями системы кровообращения, предполагает потерю профессии, безработицу, нарушение социализации.

За последние десятилетия накоплен большой фактический материал о параллельном развитии изменений в сосудах сердца и мозга. Наиболее частое и тяжелое поражение мозговых сосудов наблюдается у больных ишемической болезнью сердца. В проводимых совместно с кафедрой неврологии Саратовского государственного медицинского университета исследованиях³⁰, цель которых – изучение встречаемости и степени тяжести цереброваскулярной патологии у больных ишемической болезнью сердца с установленной группой инвалидности, выявлено, что инвалиды данной категории, как правило, одновременно страдают цереброваскулярной патологией, которая не только утяжеляет клинический прогноз, но может являться причиной развития у них социальной недостаточности. Имеющиеся у них социальные недостатки. Имеющиеся у инвалидов, страдающих цереброваскулярной патологией, когнитивные нарушения (памяти, внимания, восприятия, мышления) различной степени выраженности обуславливают ограничение способности к обучению, общению, трудовой деятельности, определяют социальное поведение индивида, изменяют социальную ситуацию развития субъекта. Изучение объективных и субъективных условий формирования

изменений личности, складывающихся в ходе соматического заболевания, предполагает анализ всей совокупности условий развития личности, в которую ставит человека хроническое соматическое заболевание.

Болезнь и ее социальные последствия объединяются понятием «ситуация болезни», которое отражает изменившиеся условия психологической деятельности больного, психологическую «цену» болезни, степень утраты прежних возможностей личности. Суть – в уменьшении объективных возможностей для сохранения мотивационной сферы больного и способов ее реализации в условиях телесной болезни. Субъективный компонент характеризуется степенью активности самой личности больного, ее направленностью, механизмами саморегуляции, прежде всего ее мотивационно-потребностным уровнем.

По мнению академика Р. Г. Оганова³¹, если и в дальнейшем основные усилия в здравоохранении России будут направлены в основном на улучшение диагностики и лечения болезней системы кровообращения и других неинфекционных заболеваний, это приведет лишь к увеличению числа выявленных больных и расходов на здравоохранение.

Несмотря на то что в экономически развитых странах отмечен высокий процент лиц со значительным риском сердечно-сосудистых событий, показатели смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в этих странах в 3 раза ниже, чем в России³². Этот факт служит одним из многочисленных доказательств важнейшей роли социальных факторов здоровья – социальных стратификационных различий, включающих образовательный уровень, профессиональные позиции субъекта, обладание социальными и персональными ресурсами, релевантные здоровью стратификационные различия в поведении, чувство контроля над жизнью и т. д.

«В связи с зависимостью возникновения болезней от политических, экономических, экологических, культурных и социальных условий, изменение (улучшение) в состоянии здоровья населения следует ожидать от изменения данных условий, а не от вмешательства в уже запущенную болезнь»³³.

Обсуждая инвалидность в терминах социализации, следует признать необходимость интегративного подхода к профилактике инвалидности, которая в современной России строится лишь на медицинской составляющей. До настоящего времени модифицируемые факторы риска основных хронических неинфекционных заболеваний, коррекцию которых предполагают проводимые в различных странах, в том числе и в России, национальные программы, относятся в основном к соматическим. Существующая в России практика профилактики инвалидизации больных при хронических неинфекционных заболеваниях заключается в коррекции модифи-

цируемых соматических предикторов в связи с идентификацией инвалидности с болезнью.

В связи с существующей в России концепцией инвалидности профилактика инвалидизации больных, страдающих хроническими неинфекционными заболеваниями (в их числе болезни системы кровообращения), – «предупреждение инвалидности»³⁴ – включает профилактику первого уровня – комплекс мер, направленных на предупреждение возникновения физических, когнитивных, психических и сенсорных дефектов, и профилактику второго уровня – профилактику инвалидизации при наличии соматического заболевания или стойкого дефекта³⁵.

Презентация инвалидности при хронических неинфекционных заболеваниях как проблемы социального функционирования субъекта в условиях соматических (психических) и социальных ограничений предполагает формирование интегративной концепции профилактики инвалидности, учитывающей облигатную роль социальных предикторов в инвалидизации данной категории больных. Концептуализация социального феномена инвалидности способствует объяснению механизмов инвалидизации трудоспособного населения в современной России, позволит разработать интегративную концепцию национальной программы профилактики инвалидности и программ медико-социальной реабилитации инвалидов, продолжить исследование для создания универсальной модели инвалидизации лиц в ситуации болезни.

Примечания

- ¹ Калью П. И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения. М, 1988. С. 67.
- ² Ярская В. Н. Благотворительность и милосердие как социокультурные ценности // Российский журнал социальной работы. 1995. № 9. С. 27–33.
- ³ Там же. С. 27.
- ⁴ Ярская В. Н. Предисловие // Социальная работа в системе «Человек – общество – культура». Саратов, 1994. С. 6–7.
- ⁵ Ядов В. А. Настоящее и будущее теоретической социологии в России // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 23–25.
- ⁶ Жуков В. И. Российское общество в контексте глобализации: проблемы социальной модернизации // Социальная политика и социология. 2004. № 3. С. 7.
- ⁷ Яницкий О. Н. Экономическая социология как риск-рефлексия // СОЦИС. 1999. № 6. С. 54.
- ⁸ Жуков В. И. Указ. соч. С. 8–9.
- ⁹ Oxford Concise Dictionary of Sociology / Marshall G. (ed) / пер. с англ. В. И. Ильина. Oxford University Press, 1996. № 4. Р. 246–513.
- ¹⁰ Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации. М., 1992. Вып. 2. С. 53.

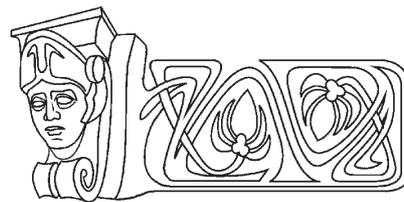

- ¹¹ Ярская В. Н., Яковлев Л. С., Печёнкин В. В., Ежов О. Н. Пространство и время социальных изменений. М. ; Саратов, 2004. С. 122.
- ¹² См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302.
- ¹³ См.: Заславская Т. И. Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия?... Социальная трансформация постсоветского пространства: материалы Междунар. симп. / под общ. ред. Т. И. Заславской. М, 1996. Вып. 3. С. 11–12.
- ¹⁴ См.: Naan M. N. Socio-Economy position and Health: A Review Human Population Laboratory. California State Dept. of Health, hektogr. Manuskript, 1985. P. 13.
- ¹⁵ См.: Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // СОЦИС. 2003. № 6. С. 88–96.
- ¹⁶ См.: Неравенство и смертность в России: коллективная монография / под ред. В. Школьников, Е. Ануриева и Т. Малеевой; Моск. центр Карнеги. М., 2000.
- ¹⁷ См.: Шилова Л. С. Трансформация самосохранительного поведения // СОЦИС. 1999. № 5. С. 88.
- ¹⁸ Цит. по: Методические рекомендации по комплексному изучению причин инвалидности. М., 1989. С. 5.
- ¹⁹ Там же. С. 5–6.
- ²⁰ См.: Кузьмишин Л. Е. Социально-гигиенические аспекты инвалидности. Принципы и перспективы медико-социальной экспертизы и реабилитации при заболеваниях системы кровообращения : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1997. С. 13–15.
- ²¹ См.: Трифонова И. А., Кондратьев В. Г., Адамович Г. Г. [и др.] Комплексная оценка риска инвалидности вследствие болезней системы кровообращения // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2003. № 2. С. 39.
- ²² См.: Поваров В. И. Социально-гигиенические аспекты инвалидности, принципы медико-социальной экспертизы и реабилитации при ишемической болезни сердца на примере крупного промышленного города : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1998. С. 13–15.
- ²³ См.: Лаврова Д. И. Современная концепция инвалидности // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 1998. № 2. С. 5–8; Осадчих А. И., Лебедев И. В., Лысенко А. Е. Инвалидность и инвалиды: теория и практика // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 1998. № 2. С. 3–5.
- ²⁴ См.: World Health Organization Classification of Impairments, Disabilities and Handicaps: a Manual of Classification Relating to the Consequences of Disease. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 1980.
- ²⁵ Хайруллина Ю. Р. Социализация личности в условиях трансформации российского общества. Казань, 1998. .
- ²⁶ См.: Штайнкамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. №1(5). С. 136–137.
- ²⁷ Там же. С. 137.
- ²⁸ См.: Хайруллина Ю. Р. Указ. соч. С. 169–171.
- ²⁹ Орлова М. М. Социально-психологическая адаптация соматических больных и ситуация болезни // Психология системного функционирования личности: материалы Междунар. науч. конф. / Саратов, 2004. С. 223–225.
- ³⁰ Исследование разработано и проведено под руководством профессора Л. Я. Лившица.
- ³¹ Оганов Р. Г. Профилактика сердечно-сосудистых заболеваний: возможности практического здравоохранения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2002. № 1. С. 5–9.
- ³² Самородская И. В. Сердечно-сосудистая заболеваемость и факторы риска сердечно-сосудистых событий в Российской Федерации // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2005. № 4 (3). Ч. II. С. 94–99.
- ³³ Штайнкамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство. С. 115–148.
- ³⁴ Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. (Приняты 20 декабря 1993 г. на 48-й сессии Генеральной ассамблеи ООН).
- ³⁵ Права и возможности инвалидов в Российской Федерации: специальный докл. Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (10 сентября 2001г.). URL: <http://www.ombudsman.gov/docum/spin.htm> (дата обращения: 25.11.2010).

УДК [316.74:2+315.74:37] (470+57)

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Е. Г. Сабаяев

Саратовский государственный университет

E-mail: Bratevgeny@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые христианские общецерковные традиции Русской православной церкви, влияющие на становление гражданского общества в России.

Ключевые слова: Церковь, Истина, христианство, православие, гражданское общество.

Role of Russian Orthodox Church in Civil Society Establishment in Russia

E. G. Sabaev

The paper considers some Christian common-church traditions of the Russian Orthodox Church influencing the civil society development in Russia.

Key words: Church, Truth, Christianity, Orthodoxy, civil society.

Особое значение в период модернизации современной России приобретает проблема формирования мировоззренческого национального сознания и православной культуры российских граждан. Это важно как с точки зрения духовно-нравственной социализации личности в условиях современного государства, так и в широком социальном контексте перехода людей к полноценному участию в функционировании гражданского общества.

В настоящее время в условиях глубокого интереса в России к религии вообще и к православию в частности Церковь получила возможность внести свой вклад в дело становления российского гражданского общества, хотя идея ее участия в демократических процессах в России не нова. Еще С. Н. Булгаков говорил о том, что демократические трансформации должны быть в согласии с православными ценностями: «Если грядущая Россия, ее же ищем, станет строиться без имени Христова, если демократия российская окажется в духовном разрыве со святою Русью, то какую же цену она имеет, кому она нужна»¹. И сегодня Церковь утверждает, что истинная свобода человеческой личности как основная категория гражданского общества может реализоваться лишь в духовной сфере. Такое отношение Русской православной церкви к проблеме становления гражданского общества подтверждается высказываниями патриарха Кирилла: «Демократия – это система, гарантирующая различные интересы в обществе,

которые часто сталкиваются. Для успешного построения общества сбалансированных интересов очень важно сегодня строить институты гражданского общества»².

Здесь логично предположить, что духовно-нравственные ценности и основные понятия гражданского общества должны иметь свой эквивалент в православном учении, так как Церковь претендует на место активного участника в процессе его становления. Церковь готова сотрудничать с государством и стать добросовестным партнером негосударственным общественным организациям и тем самым оказывать помощь зарождающему российскому гражданскому обществу в становлении как социально-политической силы. И реальная помощь Церкви видится в ее взаимодействии с институтами гражданского общества в том виде, в котором они существуют в нашей стране сегодня, и в социальной деятельности духовно-нравственного воспитания общества в различных сферах жизни государства. Это сотрудничество государства и религии должно основываться на Конституции, Законе о религиозных организациях и отдельных правовых актах. Однако К. Н. Костюк подмечает: «Современная теология не имеет собственной развернутой концепции общества, демократических ценностей и правовой идеологии гражданского общества. Сегодня перед Православной церковью стоит еще одна задача: осмыслить и разработать понятие гражданского общества, тем более что в православии есть учение о государстве, но не существует социального учения, учения об обществе. Для церкви не существовало общества в его собственном смысле. Общество отождествлялось с “государственным сообществом”, индивид понимается лишь как подданный, а не как гражданин»³.

Но сегодня Россия переживает кризис во всех сферах, и если сравнить его с самым началом христианской эры, то история христианства в этом отношении покажется в несоизмеримо худших и невыгодных условиях. Богочеловек Иисус Христос явился в мир, когда человечество погибало во грехе, пороках, беззаконии и полном неведении смысла человеческого бытия и человеческой истории. Рабство и перманентные войны – вот социальная реальность того времени. Слово

Истины оказалось абсолютно одиноким перед тьмой заблудшего мира. Но с явлением в мир Богочеловека началось преобразование мира. Слово Истины, проникая в человеческие сердца как благая весть, стало распространяться на земле. Тогда в теле Церкви как изначально отделенном от мира духовно-социальном сообществе данное совершенство находило свою реализацию в формах христианских общин и в индивидуальной святости, являющейся неумолимым свидетельством реального присутствия истины христианства в жизни Церкви. Сам же внешний социально-общественный мир по-прежнему пребывал во грехе как своим изначально первородном качестве.

В христианской истории противоречие между Церковью и миром разрешилось к началу XIX в. атеистическим распадом христианского мира. Мир, отделившись от Церкви, пошел своим путем в сторону атеизма, материализма, нигилизма, капитализма и политики, а христианская Церковь, утратив сакральную связь с обществом, окончательно сместилась в область символизма. Но Р. Дарендорф замечает: «...наибольшие жизненные шансы для наибольшего числа людей, вероятно, лучше всего реализуются в периоды “нормальной” политики, иными словами, когда политика не значит так уж много в жизни людей. Когда они могут заниматься своими делами, не оглядываясь на власти. Тогда преуспевают экономика и расцветает гражданское общество. Благосостояние выходит далеко за пределы чисто материального благополучия»⁴. «Но даже если демократия и рыночная экономика будут установлены, этого все же будет недостаточно. Чтобы быть прочной, свобода нуждается в третьей опоре: имя ей – гражданское общество. Вся суть открытого общества в том, что жизнь человека не ограничивается рамками государственной власти. Даже сфера публичной жизни не должна быть преимущественно политической, не говоря уж об экономике»⁵.

Сравнивая исходные позиции христианства на заре христианской эры и сегодняшние исторические условия, мы видим, что современный мир во всей полноте сохраняет фундаментальные христианские интенции, ставшие неотъемлемым смыслом общечеловеческого бытия. В мире по-прежнему нерушимо стоит истина православия, утвержденная от основания самим Богом: «... созижду церковь Мою и врата ада не одолеют ее» [Мф.16.18]. Обладая огромными сокровищами христианской истины, собранными, как нектар, бесчисленными подвижниками, преподобными и святыми за долгие века ее двухтысячелетней истории, Церковь при всем ее внешнем символизме по-прежнему во всей полноте олицетворяет непреходящую реальность Богочеловеческого Откровения как путь и истину, и жизнь. По-прежнему присутствует в отвернувшемся от правды мире его живая и чистая христианская совесть.

Более тысячи лет человеческая культура уже необратимо оформилась как православная культура, и никакой символизм не способен отменить этого фундаментального факта. Пустота современного массового сознания сама по себе никак не может отменить онтологической глубины христианского осмысления мира в области философии, искусства, науки, этики и т. д. Это то нетленное и неотчуждаемое достояние православного мировоззрения, которое человечество обрело на пути своего христианского становления и самопознания. Для новой христианской цивилизации характерно то, что она уже не только на уровне символизма декларирует христианскую истину, но и воплощает ее непосредственно в формы общественного бытия, образуя единую духовно-социальную реальность. Именно здесь, как с чистого листа, может начаться новая христианская история, полноценная по своим цивилизованным христианским качествам. «Гражданское общество – это общество граждан, имеющих права и принимающих на себя обязательства, ведущих себя по отношению друг к другу цивилизованно. Это общество, обеспечивающее своим членам чувство принадлежности и защищающее конституцию свободы»⁶.

Начиная с периода правления Константина Великого христианство стало реальным субъектом истории, неизменно присутствуя в ней в качестве активного идеологического участника. При всем несовершенстве и принципиальной греховности реальной христианской истории тем не менее нельзя отрицать определенной преображенности христианского мира не в плане его какой-либо святости или цивилизованности, а в плане очеловечения и гуманизации общественного бытия. К началу XXI в. мир фактически подошел к новому качеству социальных отношений, закрепленных в различных формах и реалиях общественной жизни, главным образом в опыте демократии. «Сам переживающий и осмысливающий в ходе столетий и укоренившийся в культуре принцип религиозного обращения человека к Богу, к природе, к другому человеку несводим к какому-либо источнику или фактору. Так как прежде всего в религиозной сфере человеческая психология и культура акцентирует ту становящуюся выше повседневных интересов и задач потребность в самопожертвовании и благоговейной самоотдаче, которая не акцентирована с такой силой ни в одной из сфер»⁷.

Это говорит о том, что нынешнее состояние мира внутренне предполагает возможность нового явления христианской истории в ее более зрелой форме. Уже не в виде отстраненного от мира символического христианства, а в форме непосредственного проникновения христианской истины во все сферы человеческого бытия, как раскрытие ее преображающей силы не только на личном, но и общественно-социальном уровне – во всей боговдохновенной истории

ческой полноте евангельского откровения. Но подобное преобразование христианского мира не может произойти вдруг, ибо оно не может произойти внешним образом, как очередное провозглашение символического христианства в его каком-то уже новом тоталитарном качестве, а возможно лишь как внутреннее преобразование мира через христианское преобразование человека. Другого пути к Царствию Божию не существует. Как писал Н. Бердяев, «есть один только путь к Царствию Божию, к истинной теократии, это реальное его осуществление, т. е. подлинное достижение высшей духовной жизни, просветление и преобразование человека и мира. Вне реального достижения высшей духовной жизни, т. е. вне перерождения, вне нового духовного рождения никакое совершенное общество и совершенная культура недостижимы»⁸.

Выход к новой христианской истории неизбежно связан с качественным преобразованием общества, с христианским одухотворением самой системы социальных связей, возможным относительным социальным совершенством, реализуемым в отдельно взятом социальном целом, – семье, общине. Дарендорф подчеркивает: «Гражданское общество, основанное на всеобщем характере прав человека, дает наилучшую возможность всесторонней реализации – не только в качестве представителей нации, но и в качестве членов семьи, общины, региона, церкви, профессии, политической партии, страны, национальных объединений»⁹. Вузы, общеобразовательные школы как центры знания в современном обществе должны стать проводниками идей и ценностей гражданского общества: духовности, нравственности, свободы, честности, взаимной заботы, справедливости, культурного разнообразия и т. д.

Откровение христианства имеет в себе духовно-нравственный потенциал, и гарантированная свобода гражданского общества способна его вместить. Здесь врата иной цивилизации, способной раскрыть древнее откровение христианства в принципиально новых исторических масштабах. И здесь Русская православная церковь предлагает свой подход, который был укоренен в общецерковной традиции, где присутствуют и знания о Боге, и благодатная жизнь, и братские отношения с другими людьми, а также стратегия адаптации, обособление в социуме и взаимосвязь с властью государства. Хотя Цыпин говорит: «Церковь и государство имеют свои отдельные сферы действия, свои особые средства и в принципе независимы друг от друга. Независимость эта, однако, не носит абсолютного характера. Государство, сознающее пределы своей компетенции, не претендует на то, чтобы высказывать суждение о вероучительных предметах или богослужении; равным образом не дело Церкви судить о формах государственного устройства и

мероприятиях правительства с точки зрения их политической целесообразности. Есть, однако, области, которые не могут быть безразличными как для Церкви, так и для государства. Позиция Церкви по отношению к коллизиям, которые могут возникнуть в этих сферах, не может быть одинаковой. Церковь преподает людям нравственные заповеди, исходящие от самого Бога, поэтому она не властна изменить чего-либо в своем учении. В этом отношении Церковь внутренне совершенно свободна от государства»¹⁰.

Смысл и цель всякого процесса, протяженного во времени, раскрываются лишь в его конце, когда развитие его приносит свой созревший во времени «плод». Так и полное раскрытие христианства, его глобально-мировоззренческого смысла возможно лишь в конце истории. Нынешний кризис нужно понимать как вызов истории, и он, без сомнения, должен быть принят христианством, ибо в нем есть смысл перехода христианской истории с духовно-нравственным усилием христианского духа по преобразению мира и человека, по незримо и упорному возвращению той христианской жатвы, растущей вместе с «плевелами» греховной человеческой истории, которую Сеятель соберет в свое время в житницу «будущего века». Отделение «зерен от плевел» и будет составлять существо заключительной стадии истории российского общества. Именно единство Церкви и православного народа, начала и конца, сеяния и жатвы подразумевает необходимость «христианской истории» как целостного процесса созревания христианской истины в лоне истории в качестве возможной воплощенной реальности.

Примечания

- ¹ Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии : в 2 т. М., 1999. С. 292.
- ² Патриарх Кирилл. Выступление 12.05.2010. URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 12.05.2010).
- ³ Костюк К. Н. Русская православная церковь в гражданском обществе // Социально-политический журнал. 1998. № 2. С. 135.
- ⁴ Дарендорф Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 109.
- ⁵ Там же. С. 67.
- ⁶ Там же. С. 90.
- ⁷ Зиммель Г. Религия: Социально-политический этюд. М., 1909. С. 56.
- ⁸ Бердяев Н. А. Демократия, социализм и теократия // Смысл творчества. М., 2002. С. 623.
- ⁹ Дарендорф Р. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁰ Цыпин В., протоирей. Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность. М., 1995. С. 34.

УДК 316.7

ИСТОКИ ЖАНРА УЖАСА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. А. Хвостов

Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове
E-mail: torpedo85@rambler.ru

В статье анализируются сюжеты некоторых зарубежных произведений детской литературы с элементами ужаса, описываются «ужасные» персонажи отечественных сказок. Представлены результаты социологического опроса провинциальных детей по данной теме и сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: ужас, дети, сказки, отрицательные герои, убийство.

The Origins Horror Genre in Children's Literature

A. A. Khvostov

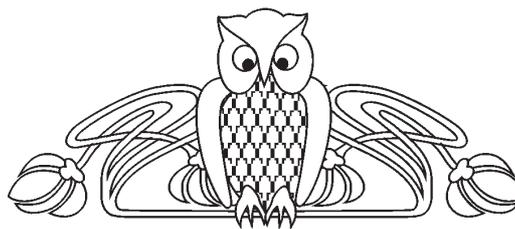
The article analyzes the stories of some foreign works of children's literature with elements of horror, described the terrible figures of national stories. Presents the results of a poll of provincial children on the topic and draw appropriate conclusions.

Key words: horror, children, fairy tales, bad heroes, murder.

На протяжении не одного столетия проблема мистики и ужаса постоянно привлекает внимание подрастающих поколений, в связи с чем, на наш взгляд, данная тема требует определенного социологического анализа (даже в нескольких направлениях). Например, исследуя социокультурную сторону хоррора, нельзя обойти вниманием некоторые литературные произведения, которые по тем или иным признакам можно отнести к ужасам.

Здесь интересно высказывание американского культуролога Д. Дж. Скала, который в своем научном труде пишет следующее: «Большинство книг о жанре хоррор начинается со вступлений, объясняющих культурные и мифологические корни этого феномена. Древние кошмары и чудовища находили новые пристанища в произведениях XIX века, которые были затем восприняты и «улучшены» многообразными направлениями искусства двадцатого столетия: чудовища становились все больше и чудовищней, по мере роста кинобюджетов все громче и выразительнее раздавались вопли ужаса – на службу новым технологиям страха ставились все новые и новые возможности. Можно сказать, что история хоррора представляет собой упрощенную и замкнутую на себя локальную версию «прогресса»»¹.

Можно смело утверждать, что отечественная (и не только) литература ужаса берет свое начало еще с древних легенд, поверий и сказок. Так, в словаре С. Ожегова слово «сказка» имеет два зна-

чения: «1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущ. с участием волшебных, фантастических сил. *Русские народные сказки*. 2. Выдумка, неправда, ложь (разг.). *Все это с.*»².

С. Асланян верно говорит: «Сказки формируют человека. Но по-разному. Сказки братьев Grimm с концлагерной мрачностью средневековья учат стоять за себя насмерть, сказки Андерсена объясняют несправедливость мира, а русские народные порождают веру в чудо. Оптимальный для нас вариант описан в коллегиальном совпадении интересов шуки и Емели, в результате чего все происходит само собой и к обоюдному удовольствию нетрудолюбивых сторон. Вот с этой верой и надеждой мы и живем»³.

Что касается русских сказок с мистическим содержанием, то главными представителями сил зла там являются общеизвестные нам с детства Баба-яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч. Помимо этих ужасных героев в русских народных произведениях можно встретить и таких темных персонажей, как домовый («дух, живущий в доме, хранитель дома, иногда наказывающий за нарушение обычаев»), кикимора (она же – шишимора, мара) – «малютка-невидимка жен. пола, живущая в доме за печкой и занимающаяся прядением и тканьем». В сказках часто встречаются также лесная кикимора и болотная кикимора, леший (он же – лесовик, лесной дядя, лесун – «дух леса, враждебный людям»), водяной («демон в образе старика, обитающий в омутах, колодцах и др. водоемах») ⁴, русалка («существо в образе обнаженной женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом, живущее в воде»), различные привидения («Призрак умершего или отсутствующего существа. *Привидения – плод болезненной фантазии*») ⁵ и прочие многочисленные представители нечистой силы.

Существует множество различных предположений по поводу происхождения всех этих образов, поэтому в одной статье о них не расскажешь. Можно лишь привести в качестве примера одну из версий о происхождении наиболее популярного персонажа – Бабы-яги. В одной из своих передач «Говорим по-русски» ведущие радиостанции «Эхо Москвы» рассказывали: «Считается, что этот

персонаж восходит к тем “волшебным бабам”, “бабам-чародейцам”, с которыми в Древней Руси церковь вела ожесточенную борьбу. А между тем это могли быть вполне безобидные старые женщины, которые главным образом занимались знахарством. Этимологически слово “яга” тождественно древнерусскому “язя” (или “яза”) – “немошь, болезнь”. Древнерусское “язя” есть в памятниках начиная с XI века, но постепенно, с течением времени, оно вышло из употребления. В некоторых других славянских языках это слово и сейчас сохраняется. Получается, что “яга” – слово вполне безобидное. Более того, полезное, ведь баба-яга была знахаркой и, стало быть, людям помогала, лечила их, как могла⁶. Выходит, что Баба-яга не была такой уж страшной ведьмой, как мы ее представляли себе не одно десятилетие, судя по художественным произведениям. С остальными вышеназванными «ужасными» героями русских сказок не одно поколение наших сограждан знакомо не понаслышке – про них написано немало книг, снято огромное количество кинофильмов и мультфильмов, поэтому заострять на этом внимание мы не будем. А далее рассмотрим некоторые авторские старые сказочные произведения, многие из которых на первый взгляд кажутся общеизвестными.

Считается, что первый в Европе сборник народных сказок принадлежал перу итальянца по имени Джамбаттиста Базиле. Собрание небольших рассказов было им написано под названием «Сказка сказок» (другой вариант – «Пентамерон») и вышло лишь через несколько лет после его смерти (он умер в 1632 г.).

В связи с темой ужаса о нем можно было бы здесь и не вспоминать. Ведь, на взгляд обывателя, разве могут быть так ужасны детские сказки? Однако на просторах Интернета несколько лет назад появилась статья некоего Ричарда Закса, в которой он утверждает, что, например, в «Сказке сказок» повествуется о том, что всеми любимая Золушка оказалась банальной убийцей! Она сговорила со своей няней и крышкой от сундука убила свою мачеху, сломав ей шею, когда та заглянула в этот сундук, чтобы найти там деньги или какие-то другие богатства!

Или вот еще цитата из Р. Закса: «К примеру, возьмем знакомую всем с пеленок сказку о мертвой царевне. Знаете ли вы, что прекрасная девица вовсе не была разбужена поцелуем храброго принца? Итальянская версия этой истории, датированная 1636 годом, гласит, что проезжий молодец изнасиловал спящую мертвым сном престелницу и ничтоже сумняшеся отправился себе дальше⁷. А потом повествуется, что она, спящая, родила, как и полагается, через несколько месяцев сразу двойню – мальчика и девочку. После этого произошло еще много приключений, но все закончилось для героев хорошо.

Я решил удостовериться в том, что такие ужасы были написаны на самом деле. Но, к со-

жалению, русского перевода текстов Д. Базиле обнаружить не удалось нигде – ни в библиотеках (вряд ли его вообще когда-либо издавали на русском языке), ни даже в Интернете. Можно, конечно, в Интернете найти где-то итальянский оригинал, но вряд ли это поможет понять суть сказок (не зная этого языка). Зато удалось найти эти произведения, переведенные на английский язык⁸. Если вы не поленились и прочитаете сказку № 6 (про Золушку), то убедитесь, что там ничего не сказано об убийстве мачехи, как будто этот сюжет специально был вырезан из произведения. А в сказке № 29 (про спящую красавицу) вы даже не найдете никаких намеков на изнасилование. Там все более-менее пристойно – дети у красавицы оказались приемными, а не плодом такого гнусного преступления как изнасилование.

После всего этого и возникает вопрос – кому верить? Каким источникам? Можно, конечно, предполагать, из-за чего произошли такие «несостыковки» – то ли переводчики с итальянского языка на английский что-то там «отретушировали» и сделали текст «политкорректным», то ли некто Р. Закс сочинил ужасные недетские небывлицы, которые пользователи Сети подхватили и распространили на нескольких сайтах, закошмарив этой сенсационной информацией посетителей Интернета. Короче говоря, сейчас сложно все это определить, не имея первоисточника перед глазами.

К слову сказать, недавно, читая книгу про ужасы все того же Д. Дж. Скала, наткнулся на следующий текст о пьесе англичанина Сирила Тернера под названием «Трагедия мстителя» (1607): «Ее главный герой, Виндиче, таскался повсюду с черепом своей невесты, надеясь таким образом поймать ее убийцу. Автор “Трагедии мстителя” показал, насколько зыбка грань между трагедией и фарсом. Три с половиной столетия спустя компания “Entertaining Comic” модернизировала мрачный юморок Виндиче на радость публике⁹.

Меня заинтересовала эта цитата и я решил найти и прочитать данное произведение о мстителе, чтобы понять значение этого черепа, вскользь упомянутого американским культурологом. После того как на одном из сайтов без особых проблем удалось найти текст пьесы на русском языке и ознакомиться с ним, я был очень удивлен. Оказывается, роль вышеупомянутого черепа в английской пьесе не сильно отличается от роли «бедного Йорика» в шекспировском «Гамлете». Главный герой Виндиче, судя по тексту, особо никому и не таскался с черепом своей возлюбленной в поисках ее убийцы. Зачем его нужно было искать, если убийца и так был всем известен уже по начальным строкам трагедии? И смысл пьесы состоит в мести Виндиче этому убийце (старому герцогу) и его родственникам. Кстати, в конце произведения крови пролито не меньше, чем в трагедиях Шекспира¹⁰. И, между прочим, юмор

здесь не особо уместен – это далеко не комедия (что видно даже из самого названия). Так что непонятно, что натолкнуло американского исследователя Дэвида Дж. Скала написание такого довольно сомнительного мнения о произведении. То ли у них в Америке перевели текст «с ног на голову» и трагедия превратилась в комедию, то ли он, не читая этой пьесы, поверил какому-нибудь непроверенному источнику типа сообщения в одном из многочисленных форумов или блогов в Интернете. Это ведь все равно что написать где-нибудь о том, что в «Гамлете» говорится о принце датском, который всю пьесу таскает с черепом бедного Йорика, пытается найти его убийцу и всем окружающим от этого смешно. Разве это так? Совсем не так.

Все это лишний раз говорит о том, что перед тем, как давать в своем собственном научном тексте чью-то чужую цитату, надо по несколько раз проверять ее на достоверность в разных источниках (в книгах, журналах, на нескольких сайтах в Интернете), чтобы потом не «сесть в лужу» перед своими коллегами и читателями. Это касается и нас всех тоже. Да и английским языком всем нам также не помешало бы владеть на более-менее приемлемом уровне, чтоб хотя бы быстро увидеть ключевые слова и выражения для понимания общего смысла того или иного текста.

Но продолжим о сказках. Возьмем для примера все ту же старую народную и, можно смело сказать, интернациональную сказку о Золушке, которая большинству из нас известна по версии француза Шарля Перро, вышедшей в печать в 1697 г.

Но не все знают, что о Золушке в свое время писали на свой лад и многие другие авторы на планете, привнеся свой колорит в это произведение «устного народного творчества». Среди них были и знаменитые немецкие братья Гримм, в изложении которых «Золушка» (более чем на 100 лет позже французской версии) оказалась очень даже кровавым произведением, которое в наши дни можно смело причислить к жанру ужаса и не рекомендовать родителям читать маленьким детям на ночь перед сном. Судите сами. Вот, например, как, по версии братьев Гримм, примеряли туфельку две родные дочери мачехи Золушки: «Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусил губы от боли и вышла к королевичу.

...Посмотрел королевич на ее ногу, видит – кровь из нее течет. Повернул он назад коня, привез самозванную невесту домой и сказал, что это невеста не настоящая, – пускай, мол, наденет туфельку другая сестра.

Пошла та в комнату, стала примерять, влезли пальцы в туфельку, а пятка оказалась слишком большая. Тогда мать подала ей нож и говорит:

– А ты отруби кусок пятки: когда будешь королевой, пешком тебе все равно ходить не придется.

Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусил губы от боли и вышла к королевичу»¹¹.

Далее сюжет всем известен – только лишь Золушке подошла эта туфелька, как сразу назначили свадьбу. Ну а закончилась сказка братьев Гримм следующим ужасным образом: «И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая по правую руку от невесты, а младшая по левую; и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, шла старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них еще по глазу. Так вот были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой»¹².

Согласитесь, что такое чтение не для слабонервных, не говоря уже о впечатлительных маленьких детях, которых вряд ли сейчас знакомят с такими сказками, тем более в наш компьютерный и цифровой век, когда обычные книги далеко не в почете у подрастающего поколения. Но это еще не самое ужасное произведение знаменитых немецких сказочников. У них еще много других сказок, сцены из которых вполне могут взять на заметку (если еще не взяли) и экранизировать в продолжениях своего очень кровавого фильма ужасов под названием «Хостел» американские кинематографисты (соратники знаменитого режиссера Квентина Тарантино).

Например, именно братья Гримм сделали сундук орудием убийства, только это произошло не в «Золушке» (о чем шла речь выше, в обсуждении произведений итальянца Д. Базиле), а в другой, самой, наверное, жуткой их сказке, где жертвой стал маленький мальчик. Сначала кратко опишем, как его убила мачеха: «Но только маленький мальчик нагнулся к сундуку, как злой дух подтолкнул мачеху: бац! – и захлопнула она крышку, и отлетела голова и упала между красными яблоками». Потом она решила скрыть следы своего преступления: «Взяла мать маленького мальчика, порубила его на куски, положила их в кастрюлю и сварила в супе. А Марленикен тут же рядом стояла и плакала, плакала, и все ее слезы падали в кастрюлю, так что и соли не надо было класть»¹³. После того как ребенок был съеден своим ничего не подозревающим отцом, он воскрес в виде птички, которая потом с высоты сбросила на мачеху мельничный жернов, разможив ей голову («Сказка про можжевельник»). Существует большая вероятность того, что если на эту тему снять художественное кино, то получится неплохой кассовый ужастик! Между прочим, ежегодно в криминальной хронике на многочисленных российских телеканалах довольно часто приводятся шокирующие реальные подробности о том, как некоторые наши сограждане расчленили трупы своих жертв, а потом выбрасывают их по частям на помойках, раздают голодным собакам, закапывают в посадках и прочее, а некоторые во-

обще занимаются каннибализмом (!) точь-в-точь как в вышеописанной сказке. Но это уже совсем другая история.

Вот еще несколько примечательных (для жанра ужасов) цитат из некоторых сказок братьев Гримм: «Притащили разбойники с собою какую-то девушку; они были пьяные и не обратили внимания на ее вопли и крики. Дали они ей выпить три полных стакана вина: один стакан белого, другой красного, а третий стакан янтарного, и у нее от этого напитка разорвалось сердце. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили ее на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью. ...Заметил один из разбойников на мизинце убитой девушки золотое кольцо, но снять его сразу не смог, тогда он схватил топор и отрубил ей палец» («Разбойник-жених»)¹⁴.

Теперь посмотрим на действия охотника из популярной сказки «Красная Шапочка»: «...он не стал стрелять, а взял ножницы и начал вспарывать брюхо спящему волку». Далее бабушка и Красная Шапочка наконец-то выбрались из брюха волка на волю. И сразу же: «Красная Шапочка притащила поскорее больших камней, и набили они ими брюхо волку. Тут проснулся он, хотел было убежать, но камни были такие тяжелые, что он тотчас упал, – тут ему и конец настал»¹⁵. Ну а другого волка (был и такой по версии братьев Гримм), который через несколько дней появился возле их дома, они искусно утопили в корыте («Красная Шапочка»). Можно сказать, что это неплохая инструкция для будущих живодеров, которые потом издеваются над незащитными домашними животными! И недаром в нашей стране более распространена и популярна «добропорядочная» версия «Красной Шапочки», написанная Ш. Перро.

Продолжим цитировать наиболее ужасные сюжеты из сказок братьев Гримм¹⁶.

«Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником» (ведьма из «Гензель и Гретель»).

«И не мог злой брат отрицать своего злодейства, и вот зашили его в мешок и живым утопили...» (расправа над убийцей в сказке «Поющая косточка»).

«Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспоролы волку брюхо и вытащили оттуда малышку» («Мальчик-с-пальчик»).

«Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока наконец не упала, мертвая, наземь» (наказание злой мачехе в сказке «Снегурочка», больше известной во всем мире как «Белоснежка»).

Это только часть ужасных цитат из сказок немецких писателей. Еще во многих их произведениях можно увидеть другие «жареные» под-

робности, о которых не хватит места рассказать в одной статье. И вообще их творчество наполнено в том числе несколькими трагическими сказками с мрачным пессимизмом (хотя большинство из них со счастливым концом). Достаточно перечислить характерные для жанра ужаса названия их нескольких новелл: «Домовые», «Сказка о том, кто ходил страху учиться», «Бедный мальчик в могиле», «Девушка-безручка», «Смерть в кумовьях», «Про смерть курочки», «Мужичок и черт», «Черт с тремя золотыми волосами», «Чёртов чумазый брат», «Чёрт и его бабушка», «Предвестники Смерти», «Стеклянный гроб», «Могильный холм» и другие.

Все вышеперечисленное говорит о том, что братьев Гримм можно смело причислить к одним из родоначальников хоррора (о чем практически мало кто в научных изданиях упоминает как в нашей стране, так и за рубежом). А ведь недаром сам король ужаса – Стивен Кинг – написал свое мнение по поводу взаимосвязи сказок немецких братьев и кинематографа ужаса: «Фильмы, исследующие личные страхи, имеют немало общего со сказками братьев Гримм; картина класса Б – это тоже своего рода волшебная сказка. Ее цель не получить политическую выгоду, а запугать нас, нарушив некоторые табу. Поэтому если мое представление об искусстве правильно (искусство дает больше, чем в нем заложено), то эти фильмы ценны для публики тем, что помогают людям лучше понять смысл этих табу и страхов»¹⁷. Как говорится, золотые слова. Поэтому неудивительно, что фильмы ужасов имеют свои истоки именно в Германии – уже около сотни лет назад – и за это время приобрели популярность во многих странах мира, в том числе и в России.

Следует отметить и еще один важный момент, связанный с творчеством братьев Гримм, который, как это ни странно, перекликается непосредственно с нашей жизнью и такой темой как современный терроризм. Считается, что именно перу братьев Гримм принадлежит сказка «Гамельнский Крысолов» (название этого произведения в некоторых источниках пишется по иному, но смысл от этого не меняется). Сюжет сказки заключается в том, что Крысолов, обманутый властными представителями немецкого города Гамельн (после выполненной работы по освобождению города от полчища крыс), в отместку увел в неизвестном направлении всех детей этого городка, после чего в Гамельне остались доживать свой век только одни взрослые и старые больные люди, а их дети стали жить в другом городе дружно и счастливо. Позже данный сюжет неоднократно использовали многие другие писатели, философы и поэты в своем творчестве. А уже в наше время автор-исполнитель и журналист Н. Болтянская на основе этой ужасной легенды написала песню под названием «Крысолов» в память о детях, погибших

3 сентября 2004 г. во время антитеррористической операции в школе №1 г. Беслана (тогда общий счет потерь составил более 330 человек убитыми, из которых 186 были дети). Смысл ее песни заключается в призыве к Крысолову, чтобы он успел вывести детей за пределы города до начала беды – до приезда террористов в г. Беслан (Северная Осетия–Алания). Но, как известно, не спаслись тогда бесланские дети и не ушли жить в другой город подальше от взрослых проблем...

Ну а мы в целях изучения социального самочувствия современных детей провели пилотное социологическое исследование в виде анкетного опроса учащихся из глубинки Саратовской области (куда заодно включили вопросы на знание сказочных литературных произведений). Были опрошены старшеклассники из средней школы №1 р.п. Лысье Горы, а также одной из школ г. Ершова. Всего в анкетировании приняло участие 109 учащихся (43 школьника и 66 школьниц) в возрасте 14–17 лет.

Вот как распределились некоторые ответы на вопросы анкеты, так или иначе относящиеся к нашей тематике.

Как часто вы читаете книги? 1. Ежедневно – 11%; 2. Один раз в неделю – 6,4%; 3. Один раз в месяц – 6,4%; 4. По мере необходимости – 44%; 5. По настроению – 28,4%; 6. Никогда – 3,7%.

Какая ваша любимая книга (напишите)? 1. «Мастер и Маргарита» – 6,4%; 2. «Гарри Поттер» – 5,5%; 3. Фантастика (без названия) – 5,5%; 4. Детективы (без названия) – 3,7%; 5. «Евгений Онегин» – 2,8%; 6. «Приключения Тома Сойера» – 2,8%; 7. «Сталкер» – 2,8%; 8. «Сумерки» – 2,8%.

Нравятся ли вам детские сказки? 1. Да – 52,3%; 2. Нет – 19,3%. 3. Затрудняюсь ответить – 23,9%.

Какая ваша любимая детская сказка (напишите название)? 1. «Колобок» – 26,6%; 2. «Золушка» – 4,6%; 3. «Белоснежка» – 3,7%; 4. «Маша и медведи» – 2,8%; 5. «Волк и семеро козлят» – 1,8%; 6. «Теремок» – 1,8%.

Каких отрицательных героев русских сказок вы помните (перечислите их имена)? 1. Баба-яга – 52,3%; 2. Кощей Бессмертный – 46,8%; 3. Змей Горыныч – 22%; 4. Волк (серый) – 19,3%; 5. Соловей-разбойник – 11%; 6. Лиса – 10%; 7. Карабас-Барабас – 7,3%; 8. Снежная королева – 4,6%; 9. Тугарин-змей – 3,7%; 10. Кикимора – 3,7%; 11. Леший – 1,8%; 12. Медведь – 1,8%.

Читали ли вы сказки братьев Гримм? 1. Да – 57,8%; 2. Нет – 22%; 3. Затрудняюсь ответить – 18,3%.

Какие названия сказок братьев Гримм вы можете вспомнить (перечислите какие помните)? 1. «Бременские музыканты» – 22%; 2. «Горшочек каши» – 6,4%.

Сказки «Волк и семеро козлят», «Красная Шапочка», «Белоснежка», «Чудо-птица», «Два брата», «Гвоздика», «Мальчик-с-пальчик» набрали лишь по 0,9% (упомянуты единожды).

Неверные ответы были – «Принцесса на горошине» (упомянута 3 раза), «Русалочка» (обе сказки принадлежат перу Г. Х. Андерсена), «Кот в сапогах» (Ш. Перро), «Маленький Мук» (В. Гауф), «Гуси-лебеди» (народная сказка).

Смотрите ли вы фильмы ужасов? 1. Да – 78,9%; 2. Нет – 11,9%; 3. Затрудняюсь ответить – 8,3%.

Судя по данным опроса, в наше время очень мало детей читает книжки. Скорее всего, читают то, что проходят на уроках литературы в обязательном порядке. Небольшому числу нравятся фантастические произведения. Остальные вообще не берут в руки книги. Детские сказки нравятся только половине респондентов (причем у каждого четвертого любимая сказка почему-то «Колобок», что тоже требует какого-то отдельного анализа или даже психоанализа «по Фрейду»). В ответах на вопрос об отрицательных героях (где можно было перечислить сразу несколько персонажей) в основном называются классические отечественные представители сил зла (что неудивительно). О сказках братьев Гримм больше половины опрошенных школьников ответили, что их читали, хотя из следующего ответа на вопрос видно, что это далеко не так, ведь не такой уж высокий процент респондентов сумел правильно назвать хотя бы одно их произведение (в основном указали на сказку «Бременские музыканты», известную прежде всего по знаменитому музыкальному советскому мультфильму и, между прочим, отличающуюся от немецкого оригинала). Зато подавляющее большинство любит смотреть фильмы ужасов. Все это лишний раз подтверждает, что современная молодежь в большинстве предпочитает смотреть фильмы, а не читать книги (даже с элементами ужасов). Таковы выводы этого пилотного исследования, на основании которого в дальнейшем мы составим несколько иную анкету и продолжим работу по изучению темы ужаса в современном обществе.

Если все же вскользь обратиться к отечественной литературе ужасов, то даже не будем приводить в качестве примера нашего мэтра Николая Васильевича Гоголя, вклад которого в развитие этого жанра бесценен. Можно вспомнить произведения некоторых современников знаменитого писателя, например рассказ «Бежин луг» (1852) Ивана Тургенева и стихотворение Василия Жуковского «Лесной царь» (1818), которые кажутся намного загадочнее, трагичнее и оттого страшнее, чем некоторые откровенные ужастики от братьев Гримм. При прочтении вышеназванных русских произведений ощущается какая-то непонятная тревога и безысходность (особенно в финале, когда в каждом из них сообщается о смерти ребенка). Скажем прямо – в этом и проявляется одно из отличий отечественных классических произведений

данного жанра от прямолинейных бесконечных западных страшилок. И не секрет, что жанр ужаса в отечественной культуре – как в литературе, так и в кино – не нашел своего места. Его практически нет. Поставщиками художественного хоррора в нашу жизнь по-прежнему многие десятилетия являются страны западного мира. Но это тема для отдельного глубокого исследования.

Вместе с тем сейчас на книжных лотках, и особенно в Интернете без особых проблем можно найти и почитать детские страшные сказки современных российских авторов (как любителей, так и профессионалов). Но, конечно же, уровень их произведений не столь высок, как хотелось бы родителям, да и жестокость порою в них зашкаливает за все мыслимые пределы детского мозга. Об этом ежечасно в интернет-сообществе (на разных форумах, гостевых страничках и чатах) ведут разговор мамы и папы, озабоченные морально-нравственным воспитанием своих чад.

С этим трудно не согласиться. Но сегодня такая жизнь! А какие времена – такие и сказки. Запреты здесь уже не помогут. Если тема ужаса пользуется популярностью в детской и молодежной среде, то современные авторы будут писать соответствующие книги и сценарии к фильмам ужасов, к сожалению, особо не задумываясь об этической составляющей своего «творчества». Ведь закон экономики гласит, что спрос рождает предложение. Но качественные детские страшилки сочинять пока не научились, поэтому до уровня классических сказок с элементами ужаса нынешнему поколению отечественных писателей еще очень далеко и с этим пока следует смириться. Остается только надеяться, что со временем повысится общий уровень культуры нашего общества, и в частности качество российской литературы, несмотря на всеобщую компьютеризацию и виртуализацию

жизненного пространства, которые мы наблюдаем в начале XXI в.

Примечания

- 1 *Скал Д. Дж.* Книга ужаса: История хоррора в кино / пер. с англ. СПб., 2009. С. 19.
- 2 *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М., 1985. С. 625.
- 3 См.: Пробок не станет за 6 миллиардов рублей. «Автовести» с Сергеем Асланяном. URL: <http://news.gambler.ru/8840344/> (дата обращения: 19.08.2011).
- 4 См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1985. С. 233.
- 5 См.: *Ожегов С. И.* Указ. соч. С. 508.
- 6 Баба-Яга. URL: http://www.moiraiion.ru/news/stat_all/x_20080124151930.php (дата обращения: 25.07.2011).
- 7 Настоящие сказки братьев Grimm. URL: <http://daksnike.narod.ru/Inter/i17.htm> (дата обращения: 25.07.2011).
- 8 См.: Сказки из Пентамерона Джамбатиста Базиле. URL: <http://www.classicreader.com/book/3341/> (дата обращения: 25.07.2011).
- 9 *Скал Д. Дж.* Указ. соч. С. 217.
- 10 См.: *Тернер С.* Трагедия мстителя. URL: http://lib.ru/INOOLD/TERNER/turner_avenger.txt (дата обращения: 19.08.2011).
- 11 *Гримм Я., Гримм В. К.* Сказки / пер. с нем. Г. Петникова. Ташкент, 1987. С. 79.
- 12 Там же. С. 80.
- 13 *Гримм Я., Гримм В. К.* Сказки / пер. с нем. Г. Петникова. М., 1978. С. 146.
- 14 *Гримм Я., Гримм В. К.* Указ. соч. С. 126.
- 15 Там же. С. 90.
- 16 См.: Там же.
- 17 *Кинг С.* Пляска смерти / пер. с англ. О. Э. Колесникова. М., 2005. С. 165.

УДК 316.3:301.175

ПОТРЕБНОСТИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ (на примере г. Тольятти)

Т. Н. Иванова

Тольяттинский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Рынок труда является разновидностью товарного рынка, на котором в результате спроса и предложения на рабочую силу устанавливается ее цена. При анализе перспектив спроса на кадры различной квалификации выявляется неуклонная тенденция к спросу специалистов по узким профессиональным сферам. Работодатели готовы присылать в вузы своих сотрудников кадровых служб для участия в семинарах и тренингах по проблемам профессиональной адаптации молодежи, что говорит о необходимости активного сотрудничества вузов с работодателями.

Ключевые слова: рынок, труд, город, кадры, адаптация, работодатель, молодежь, спрос, выпускник.

Condition of the City Labour Market of the Island of Tolyatti

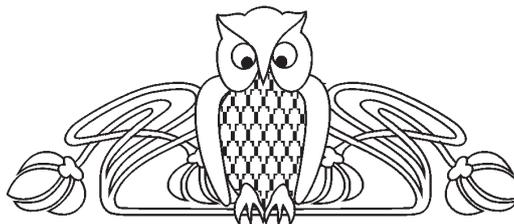
T. N. Ivanova

The summary: the Labour market is a version of the commodity market on which as a result of a supply and demand on a labour its price is established. Analyzing prospects of demand for shots of various qualification, there is a steady tendency to demand of experts in narrow professional spheres. Employers are ready to send in high schools of the employees of personnel services on seminars and trainings on problems of professional adaptation of youth – that speaks about necessity of active cooperation of high schools with employers.

Key words: market, work, city, shots, adaptation, employer, youth, demand, graduate.

Необходимость в прогнозной оценке диктуется рядом обстоятельств, связанных с особенностями социально-экономического развития города, важнейшие из которых – демографический спад, таящий угрозу дефицита рабочей силы и избытка учебных мест в учреждениях системы профессионального образования, растущая несбалансированность спроса на рабочую силу и ее предложения в профессионально-квалификационном разрезе, неотложность научно-технологических преобразований во всех отраслях и сферах хозяйственной деятельности (без чего невозможен переход на инновационный путь развития).

При изучении современного состояния городского рынка труда возникли вопросы, каковы

сегодня потребности в кадрах на предприятиях, какие кадры необходимы городу, какие проблемы возникают при трудоустройстве у молодежи, и многие другие.

Цель исследования – определить потребности работодателей г. Тольятти в рабочей силе и выявить тенденции трудовых ориентиров его жителей.

В рамках эмпирического исследования была проведена серия опросов, касающихся выяснения отношения тольяттинских работодателей к состоянию городского рынка труда. В период с октября по ноябрь 2010 г. кафедрой социологии Тольяттинского государственного университета было опрошено 848 сотрудников кадровых служб и 432 руководителя городских предприятий-работодателей г. Тольятти.

Основной тенденцией в последние годы является усиление ориентации работодателей на самостоятельный поиск кадров при соответствующем снижении интереса к разного рода посредникам в этом вопросе. Из вариантов самостоятельного поиска кадров наибольшую позитивную динамику демонстрируют размещение объявлений о наборе персонала в местных СМИ (рост с 59% до 66%) и использование интернет-ресурсов (рост за 3 года с 11% до 38%). Также присутствует прогрессивная динамика решения кадровых вопросов через размещение заявок в муниципальной службе занятости (рост с 27% до 50%).

Доля предприятий, ориентированных на сотрудничество с частными кадровыми агентствами, возросла с 10% до 20%, также востребованным является способ приема сотрудников через рекомендации знакомых и коллег (динамика с 23% до 36%).

Новыми формами являются ведение на предприятии собственных банков данных (анкет, результатов тестирования кандидатов и пр.) и реклама в транспорте, на остановках.

Если говорить о динамике ситуации, то за последние три года актуальность кадровой проблемы постоянно снижалась – сокращение доли ответов «проблема стоит очень остро» отмечено в оценках экспертами положения дел

на собственных предприятиях (с 8% до 5%). Напротив, очень остро ощущается кадровый дефицит в городе, процент вырос на 10 пунктов по сравнению с 2007 г.

В настоящее время кадровый дефицит испытывают в первую очередь предприятия бюджетной сферы – 40% (по отраслям это образование, наука, культура, здравоохранение, правоохранительные органы), сфера услуг, пищевая промышленность – 36% и 100% соответственно.

Проблему потребности в кадрах в городе отмечают более 24% опрошенных, причем дефицит наблюдается в служащих и рабочих со средним специальным образованием.

Общей тенденцией здесь является усиление переориентации работодателей на кадры со средне-специальным образовательным уровнем. Если три года назад большинство экспертов заявляло о потребности своих предприятий в основном в кадрах с высшим образованием, то сегодня доля таких ответов значительно сократилась – с 38% до 17%. В рабочих кадрах в настоящее время особенно нуждаются ЖКХ, химическая промышленность, транспортная, строительная и правоохранительная сферы (от 100% до 50%).

Что касается перспектив спроса на кадры различной квалификации, то здесь видна неуклонная тенденция к росту потребности в специалистах по узким профессиональным сферам (особенно в пищевой, винодельческой промышленности и сфере услуг).

Проблему с трудоустройством большинство экспертов связывает с трудным положением на многих предприятиях – 76%.

Заметно изменился за три года и рейтинг факторов, осложняющих трудоустройство выпускников вузов. Из позитивных тенденций надо отметить:

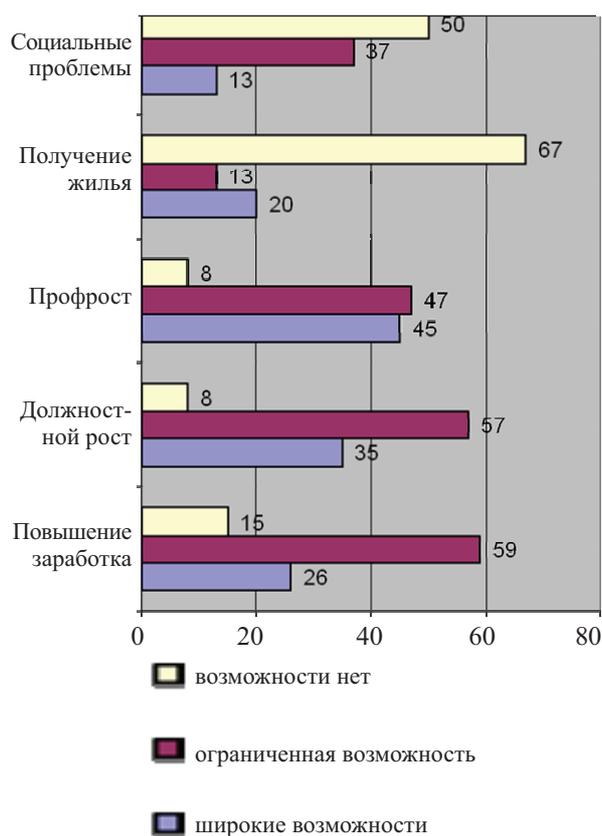
- снижение доли предприятий, где невозможность приема молодых специалистов связана с объективными финансовыми проблемами, нестабильным экономическим положением – 86% против 63% три года назад;
- уменьшение количества претензий работодателей к качеству профессиональной подготовки выпускников вузов (с 7% до 2%) и минимум указаний на низкий спрос на рынке труда на предлагаемые университетом специальности (12%).

Из негативных тенденций эксперты называют недостаток у выпускников вузов навыков эффективного самопредъявления, грамотного ведения деловых переговоров с работодателями (15%). По-прежнему осложняет трудоустройство молодых специалистов на каждое четвертое предприятие недостаток у них нужных деловых связей и контактов. Главной же проблемой для большинства выпускников и сегодня остается отсутствие практического опыта, стажа работы по полученной в вузе специальности (43%).

Объективные финансовые проблемы чаще всего осложняют трудоустройство выпускников вузов на предприятия транспорта, связи, химической промышленности, торговли. В строительстве и здравоохранении положение выпускников ухудшает недостаток практических навыков и необходимых деловых связей.

Лишь 10% работодателей готовы предоставить молодым специалистам возможность пройти дополнительную профессиональную подготовку в вузе (после выпуска) с учетом требований конкретного рабочего места на краткосрочных курсах длительностью 1–2 недели.

Тем не менее достаточно высокой – 73% – остается доля предприятий, где выпускники вузов принимаются на работу в незначительном количестве и с большим трудом, и этот показатель остается стабильным все последние три года. К этому типу относится сегодня большинство предприятий транспорта, торговли, коммерческой деятельности. На 15% предприятий в год принимаются до 10 молодых специалистов (рисунок).

Условия, которые создаются на предприятиях для молодых специалистов, в %.

Тем не менее по-прежнему актуальными задачами остаются более глубокое обучение студентов основам менеджмента и маркетинга и развитие у них коммуникативных навыков.

Эксперты, представляющие ОАО «Авто-ВАЗ» и промышленные предприятия, малый и средний бизнес чаще всего указывали на недостаток у выпускников практических навыков (100%, 92% и 89% соответственно).

Работодателей из бюджетных организаций чаще всего не устраивает уровень правовой культуры. В сфере услуг, малом и среднем бизнесе более высокие требования предъявляются к коммуникативным навыкам, финансовой грамотности, экономической подготовке молодых специалистов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

На сегодняшний день появляется необходимость обучения студентов вузов основам ведения бизнеса (как гуманитариев, так и представителей технических специальностей) с дополнительным получением знаний по инновационному менеджменту, экономике и праву, межличностной коммуникации, развитию аналитических способностей. Наиболее приемлемой формой являются краткосрочные мастер-классы и лекционные курсы, индивидуальные консультации по профессиональным проблемам, круглые столы с привлечением работодателей/предпринимателей (важность этих встреч признается всеми категориями респондентов).

Работодатели готовы присылать в вузы своих сотрудников кадровых служб для участия в семинарах и тренингах по проблемам профессиональной адаптации молодежи, что говорит о необходимости активного сотрудничества вузов с работодателями. Свою положительную роль могут сыграть проведение выездных профконсультаций, организация встреч студентов с сотрудниками кадровых служб предприятий города.

Регулирование рынка труда преследует две цели: удовлетворение профессионально-трудовых и жизненных интересов экономически активного населения, а также достижение оптимальной занятости. Действия государства по регулированию рынка труда включают:

– установление пороговых значений гарантий, адресованных разным категориям населения (МРОТ, минимальная и максимальная величина пособия по безработице и др.);

– обеспечение сбалансированного соотношения спроса и предложения на рынке труда (реализация программ по профессиональной ориентации, профессиональному обучению, проведение ярмарок вакансий и др.);

– содействие созданию рабочих мест (организация общественных работ, временное трудоустройство, поддержка самозанятости и др.).

Достижение означенных целей возможно лишь при решении следующих задач:

– разработка паспорта специальностей (раскрывающего специфику профессий) при поступлении в образовательные учреждения, так как на сегодняшний день у молодежи нет целостного представления о профессиях;

– формирование комплекса высокотехнологичных направлений, развитие интеллектуальных отраслей экономики для снижения зависимости экономики города от крупных предприятий и изменения статуса моногорода;

– осуществление профессиональной подготовки в соответствии с потребностями рынка труда;

– разработка системы профессиональной пропаганды, ориентированной на все слои населения, а не только на учащуюся молодежь, с целью формирования позитивного имиджа востребованных потребностей;

– проведение конкурсов профессионального мастерства по разным профессиям для формирования позитивного общественного мнения о профессиях, которые на сегодняшний день нужны, но не считаются престижными;

– развитие системы опережающего обучения работников, находящихся под угрозой увольнения, по востребованным профессиям;

– при анализе рынка труда не только принятие во внимание текущих потребностей предприятий, но также учет тенденций развития социально-культурной сферы города;

– планирование занятости населения с учетом изменения социально-экономических условий в будущем;

– проведение ежегодного мониторинга рынка труда, включающего как текущие, так и перспективные потребности города;

– усиление центрами занятости города контроля над прошедшими переобучение по их трудоустройству на новые рабочие места (данный пункт необходимо прописать в договорах с работодателями);

– формирование регионального задания по подготовке кадров по программам начального, среднего и высшего профессионального образования для учебных заведений разного уровня;

– организация конкурса макросоциальных проектов, которые ориентируют работодателей на включение в процесс адресной профориентации школьников с использованием каналов коммуникации, популярных в молодежной среде;

– подготовка в вузах специалистов по профессиям, востребованным на рынке труда;

– создание эффективных форм сотрудничества работодателей и учебных заведений для подготовки специалистов, востребованных на конкретных предприятиях;

– ежегодная паспортизация предприятий, организаций и учреждений для формирования

базы данных рынка труда, включающей как текущие, так и перспективные потребности города.

Современное общественное мнение однобоко ориентировано на признание престижности сфер бизнеса, коммерции и торговли. Поэтому предстоит большая и серьезная работа по повышению ценности профессионального труда в сознании людей.

Необходима также разработка региональной концептуальной модели социально-трудовой мобильности молодежи, которая позволит реализовать полифункциональный подход, включающий совокупность социальных и трудовых определяющих детерминант, векторную трудовую направленность молодежи, отвечающей экономическим потребностям Самарского региона.

Слово молодым социологам

УДК 316.3 (470 + 571)

РОЛЬ ГОРОДСКОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В. С. Небога

Саратовский государственный университет
E-mail: vitaliy-neboga@yandex.ru

В статье определяется роль городского муниципалитета в реализации социальной политики. Рассматриваются основные направления социальной политики городского муниципалитета, а также факторы совершенствования ее реализации.

Ключевые слова: социальная политика, социальная услуга, целевая программа, муниципалитет.

Role of City Municipality in Social Policy Realization in Russia

V. S. Neboga

In article the role of city municipality in social policy realisation is defined. The basic directions of social policy of city municipality, and also factors of perfection of realisation of social policy of city municipality are considered.

Key words: social policy, social service, target program, municipality.

В современных условиях развития российского общества социальная политика является приоритетом, поскольку действия, проводимые правительством через местные и региональные органы власти, направлены на улучшение качества и уровня жизни населения. Социальная политика в Российской Федерации исходит из конституционного определения России как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека¹. Главной задачей органов местного самоуправления являются формирование и реализация муниципальной социальной политики. Социальная функция является основной, определяющей для муниципального управления среди всех остальных. Целью социальной политики выступает последовательное повышение уровня жизни населения и снижение социального неравенства, обеспечение всеобщей доступности основных социальных благ, и прежде всего качественного образования, медицинского и социального обслуживания.

Муниципальная социальная политика – это система целей, задач и механизмов их реализации, направленных на обеспечение населения

территориального сообщества социальными услугами, на содержание и развитие социальной сферы муниципального образования². Муниципальная социальная политика строится в русле социальной политики государства и во взаимодействии с органами государственной власти – в первую очередь с органами власти субъектов РФ. Через муниципальную социальную политику реализуются как собственные полномочия местного самоуправления, так и переданные на муниципальный уровень государственные полномочия в социальной сфере.

Социальная политика (государственная и муниципальная) может рассматриваться в широком и более узком смысле слова. В широком смысле к социальной сфере относят все, что обеспечивает жизнедеятельность человека. В этом понимании вся муниципальная политика является социальной. В более узком смысле под социальной сферой муниципального образования понимается сфера воспроизводства самого человека, его физических и духовных параметров, тогда как воспроизводство материально-вещественной среды обитания человека относится к градообслуживающей сфере.

При разработке социальной политики должны определяться приоритеты, которые в данный конкретный момент являются для общества наиболее настоятельными и неотложными, требуя первоочередного решения. Государственная и муниципальная социальная политика реализуется через социальное планирование и управление посредством системы социальных мероприятий и программ, проводимых федеральными, региональными и местными органами.

На муниципальном уровне конкретизируются методы, способы и механизмы достижения целей, определенных в рамках федеральной и региональной социальной политики, в привязке к особенностям конкретных территорий³. Задачей органов местного самоуправления как наиболее приближенных к населению является непосредственное предоставление комплекса социальных услуг, обеспечивающих условия жизни человека и его воспроизводство.

На основе региональных норм и нормативов органами местного самоуправления могут разрабатываться местные социальные нормы и нормативы, учитывающие специфику конкретного муниципального образования.

Муниципальная политика в социальной сфере городского муниципалитета прежде всего направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в частности:

1) удержание на социально безопасном уровне безработицы;

2) поддержку населения, живущего ниже уровня прожиточного минимума.

Фактический объем социальных услуг, предоставляемых населению органами местного самоуправления, таков:

- комплексные центры социального обслуживания ветеранов и других социальных групп;
- социально-реабилитационные центры и социальные приюты для несовершеннолетних;
- дома инвалидов и престарелых;
- детские дома;
- центры психолого-педагогической помощи населению.

Органы местного самоуправления осуществляют также мероприятия и содержат организационные структуры по борьбе с наркоманией, с детской беспризорностью, содействуют организации занятости населения, участвуют в подготовке и регистрации трудовых соглашений между трудовыми коллективами и работодателями на территории муниципальных образований, в решении трудовых споров.

Одним из главных направлений социальной муниципальной политики городского муниципалитета является развитие социальной инфраструктуры. Целью данного направления социальной политики является обеспечение доступности для всех жителей города гарантированных государством и городским самоуправлением качественных бесплатных услуг образования, здравоохранения, культуры, спорта, проведение институциональных преобразований в этих сферах, а также в жилищно-коммунальном хозяйстве с целью их развития, увеличения функционального и организационного разнообразия, расширения набора платных услуг высокого качества.

Динамично меняющаяся социально-экономическая ситуация требует постоянного совершенствования форм и методов реализации муниципальной социальной политики, реализация которой в современных условиях осуществляется через применение целевых программ. Целевая программа представляет собой согласованный по целям, ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, социально-экономических, производственных, организационно-хозяйственных и других мероприятий, направленных на решение какой-либо одной или нескольких взаимосвя-

занных проблем. Программа должна иметь выраженный целевой характер, ориентироваться на эффективное решение поставленной проблемы и характеризоваться конкретными конечными результатами.

Анализ и прогноз социально-экономической проблемной ситуации, выявление социальных проблем, решение которых целесообразно программно-целевым методом, осуществляются с помощью постоянно действующего мониторинга, представляющего собой информационно-аналитическую основу разработки и реализации городских социальных программ.

Система целевых программ по реализации городской социальной политики включает следующие программные комплексы, каждый из которых состоит, в свою очередь, из ряда программ и подпрограмм: комплекс программ по обеспечению эффективной занятости населения, повышению качества и конкурентоспособности рабочей силы; программы по социальной защите неконкурентоспособных категорий населения; программы по развитию, структурному и функциональному совершенствованию сферы социальных услуг; программы по обеспечению гражданской безопасности; комплекс программ по развитию, структурному и функциональному совершенствованию социальной инфраструктуры. Наиболее значимые ведомственные целевые программы, реализованные в городе Саратове в 2010 г., – «Капитальный ремонт теплотрасс города Саратова на 2010 год»; «Ремонт дорожно-уличной сети муниципального образования “Город Саратов” на 2010 год»; «Переселение граждан города Саратова из аварийного жилищного фонда на 2010 год»; «Обеспечение жильем молодых семей г. Саратова на 2010 год»; «Молодежь Саратова» на 2010 год; «Старшее поколение» на 2010 год; «Здоровый ребенок» на 2010 год⁴.

Важным фактором успешной реализации городской социальной политики является ее идеологическое обеспечение, которое должно способствовать преодолению отчуждения населения города от власти, а власти – от ответственности за результаты социальной политики, а также созданию в городе благоприятного социально-психологического климата.

Другими важными факторами совершенствования реализации социальной политики городского муниципалитета являются: разработка системы нормативно-правовых актов по социальной политике в городе, отстаивание городских интересов в процессе создания законодательных основ социальной политики на областном и федеральном уровне; установление нормативов бюджетных средств на социальное развитие, обеспечивающих вначале простое, а затем расширенное воспроизводство муниципальной социальной инфраструктуры; разработка городской структурной и инвестиционной политики исходя из социальных приоритетов, интересов и потреб-

ностей жителей города; достижение согласия (общественный договор) с предпринимателями и профсоюзами; организация конструктивного взаимодействия инициативного населения с муниципальными ведомствами и службами по реализации совместных программ; активная поддержка благотворительности; последовательная функциональная децентрация управления; поддержка общественного самоуправления и общественных инициатив; формирование системы социальных стандартов и норм обеспеченности горожан важнейшими услугами социальной сферы; появление системы социального мониторинга.

Местное самоуправление составляет одну из важнейших частей механизма управления,

который позволяет оптимально сочетать интересы и права человека и местные, региональные, общегосударственные интересы. Таким образом, именно муниципальная социальная политика должна быть наиболее результативной.

Примечания

- ¹ См.: Система муниципального управления. СПб., 2005. С. 225.
- ² Там же. С. 221.
- ³ Там же. С. 228.
- ⁴ Целевые программы // Ведомственные целевые программы, реализуемые в 2010 году. URL: <http://www.saratovmer.ru/development/programms/> (дата обращения: 12.03.2011).

УДК 316.334.2 (470+571)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РФ

Н. С. Соболев

Саратовский государственный университет
E-mail: felobos@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы сертификации пищевой продукции. Анализируются вопросы качества хлебной, мясной, молочной и другой продукции. Отмечается необходимость уделять внимание безопасности потребления продуктов питания, содержащих генно-модифицированные организмы (ГМО).

Ключевые слова: продовольственная безопасность, питание, генно-модифицированные организмы.

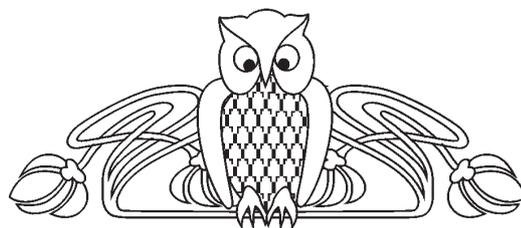
Food Health and Safety of the Population of the Russian Federation

N. S. Sobolev

In article problems alimentary production are surveyed. Questions of quality of grain, meat, milk and other production are analyzed. Necessity to give to safety of consumption of foodstuff containing the genetically-modified organisms (GMO) becomes perceptible.

Key words: food safety, food, genetically-modified organisms.

Отмена жестких стандартов на изготовление пищевой продукции и переход на техрегламенты, которые могут разрабатываться на многие продукты самими производителями продовольствия, могут иметь следствием снижение качества и безопасности продуктов питания. А ограничение количества проверок соответствующими надзорными органами качества пищи по срокам дает изготовителям и торговым работникам возможность манипулировать низкокачественными и фальсифицированными пищевыми продуктами.

Крупные торговые сети предъявляют поставщикам жесткие требования в отношении качества продуктов питания, поскольку имеют хорошую технологическую службу, современное лабораторное оснащение, предназначенное для контроля качества пищи. Однако для мелких и средних торговых предприятий это не всегда доступно, особенно после того как весной 2010 г. была отменена обязательная сертификация продуктов питания. Проверка качества пищевой продукции до этого осуществлялась только в лабораториях, сертифицированных государственными органами, а теперь производители имеют право сами заполнять декларацию соответствия.

По мнению отдельных экспертов, отмена обязательного сертификации пищевой продукции не должна привести к обвалу качества продуктов питания, поскольку на Западе их качество и безопасность контролируют сами производители.

Производство таких продуктов питания, как молоко, масложировая продукция, соки и некоторые другие, регулируется в РФ федеральными технологическими регламентами. Новый технический регламент «О требованиях к мясу и мясной продукции, их производству и обороту» призван дать потребителю уверенность в том, что, например, в колбасе содержатся лишь те ингредиенты, которые указаны на этикетке, и так же по другим мясным продуктам. Однако многие эксперты

ностей жителей города; достижение согласия (общественный договор) с предпринимателями и профсоюзами; организация конструктивного взаимодействия инициативного населения с муниципальными ведомствами и службами по реализации совместных программ; активная поддержка благотворительности; последовательная функциональная децентрация управления; поддержка общественного самоуправления и общественных инициатив; формирование системы социальных стандартов и норм обеспеченности горожан важнейшими услугами социальной сферы; появление системы социального мониторинга.

Местное самоуправление составляет одну из важнейших частей механизма управления,

который позволяет оптимально сочетать интересы и права человека и местные, региональные, общегосударственные интересы. Таким образом, именно муниципальная социальная политика должна быть наиболее результативной.

Примечания

- ¹ См.: Система муниципального управления. СПб., 2005. С. 225.
- ² Там же. С. 221.
- ³ Там же. С. 228.
- ⁴ Целевые программы // Ведомственные целевые программы, реализуемые в 2010 году. URL: <http://www.saratovmer.ru/development/programms/> (дата обращения: 12.03.2011).

УДК 316.334.2 (470+571)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РФ

Н. С. Соболев

Саратовский государственный университет
E-mail: felobos@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы сертификации пищевой продукции. Анализируются вопросы качества хлебной, мясной, молочной и другой продукции. Отмечается необходимость уделять внимание безопасности потребления продуктов питания, содержащих генно-модифицированные организмы (ГМО).

Ключевые слова: продовольственная безопасность, питание, генно-модифицированные организмы.

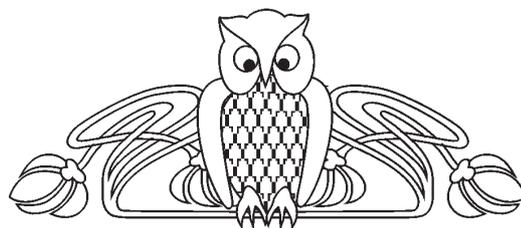
Food Health and Safety of the Population of the Russian Federation

N. S. Sobolev

In article problems alimentary production are surveyed. Questions of quality of grain, meat, milk and other production are analyzed. Necessity to give to safety of consumption of foodstuff containing the genetically-modified organisms (GMO) becomes perceptible.

Key words: food safety, food, genetically-modified organisms.

Отмена жестких стандартов на изготовление пищевой продукции и переход на техрегламенты, которые могут разрабатываться на многие продукты самими производителями продовольствия, могут иметь следствием снижение качества и безопасности продуктов питания. А ограничение количества проверок соответствующими надзорными органами качества пищи по срокам дает изготовителям и торговым работникам возможность манипулировать низкокачественными и фальсифицированными пищевыми продуктами.

Крупные торговые сети предъявляют поставщикам жесткие требования в отношении качества продуктов питания, поскольку имеют хорошую технологическую службу, современное лабораторное оснащение, предназначенное для контроля качества пищи. Однако для мелких и средних торговых предприятий это не всегда доступно, особенно после того как весной 2010 г. была отменена обязательная сертификация продуктов питания. Проверка качества пищевой продукции до этого осуществлялась только в лабораториях, сертифицированных государственными органами, а теперь производители имеют право сами заполнять декларацию соответствия.

По мнению отдельных экспертов, отмена обязательного сертификации пищевой продукции не должна привести к обвалу качества продуктов питания, поскольку на Западе их качество и безопасность контролируют сами производители.

Производство таких продуктов питания, как молоко, масложировая продукция, соки и некоторые другие, регулируется в РФ федеральными технологическими регламентами. Новый технический регламент «О требованиях к мясу и мясной продукции, их производству и обороту» призван дать потребителю уверенность в том, что, например, в колбасе содержатся лишь те ингредиенты, которые указаны на этикетке, и так же по другим мясным продуктам. Однако многие эксперты

сомневаются в возможности с помощью этого регламента добиться соблюдения пожеланий, в нем прописанных.

В Европейском союзе руководствуются базовым законодательным документом, который называется «Закон об ответственности производителя за производство некачественной продукции». В России же действует Закон «О защите прав потребителей», то есть в принципе у нас перепутаны причина и следствие. В Европе система устроена так, что в случае приобретения некачественной пищевой продукции любой может потребовать независимую экспертизу. По ее результатам производителя некачественной продукции накажут штрафом, сумма которого окажется разорительной для него. У нас же за собственные деньги купишь продукт, за собственные деньги сдашь его на экспертизу в лабораторию, по её результатам подашь иск в суд, оплатишь судебные издержки – и все это за попытку призвать к ответу недобросовестного производителя.

Заметим, что даже после отмены обязательной сертификации пищевой продукции, которую необходимо было оплачивать, крупные производители продуктов питания могут себе позволить платить за сертификацию своей продукции и далее. А вот мелкие фирмы и индивидуальные предприниматели вряд ли будут это делать, поскольку проще самим декларировать соответствие качества производимой ими продукции.

Хотя на Руси и сохранилось пока утверждение, что хлеб всему голова, проблема производства некачественного хлеба несколько не уменьшилась за последние годы. Каждый россиянин имел возможность в этом убедиться: буханка или батон плесневеют буквально на второй день.

Широкое распространение получили выпечка хлеба чуть ли не из фуражного зерна, а также добавление в него всякого рода улучшителей, антиокислителей, модифицированного крахмала и т.п.

Можно ли отравиться некачественным хлебом? Да, можно. Отравление хлебом было зафиксировано в Тверской, Архангельской, Свердловской и других областях. А виновата в этом сеница, или картофельная палочка. Содержащий ее хлеб может привести к различным серьезным заболеваниям.

Поскольку растут цены на зерно, увеличиваются производственные издержки у мукомолов и пекарей, недобросовестные производители хлеба стремятся все больше удешевлять ингредиенты за счет всякого рода заменителей. Пекари могут применять рецептуру выпечки хлеба по своему усмотрению, поскольку до сих пор не разработан технический регламент на этот важнейший пищевой продукт. Да и «буханка» хлеба давно уже не дотягивает до 1 кг, бывшего ранее стандартным, хотя цена неуклонно растет.

Отмена обязательной сертификации продуктов питания, наряду с необоснованной ликвидацией хлебной инспекции, обеспечивающей контроль

качества зерна и продуктов его переработки, весьма обострила проблему фактического наличия некачественного хлеба на торговых прилавках. Особенно много низкокачественной хлебной продукции производится в мелких хлебопекарнях.

Не уменьшается пока и теневой хлебный бизнес, когда хлебную продукцию производят зачастую в антисанитарных условиях, привлекая для работы мигрантов, которым можно меньше платить, но рискуя при этом тем, что они могут иметь различные заболевания.

По причине отсутствия федерального техрегламента на хлеб в Краснодарском крае принят и действует региональный закон, который регламентирует качество хлеба. В нем четко определено, что кубанский каравай должен содержать только муку, соль, дрожжи и воду. Хлеб должен выпекаться только из хлебопекарных сортов муки. Если же пекари вознамерятся месить тесто из муки ниже третьего сорта с разного рода добавками, такой продукт уже называется по закону не хлебом, а хлебным изделием. Эти понятия теперь жестко разграничены и должны быть указаны на всех этикетках и ценниках¹.

На наш взгляд, пока не разработан федеральный техрегламент на хлеб, целесообразно и своевременно было бы принятие подобного закона, как минимум, во всех крупных зернопроизводящих субъектах РФ.

Если обратиться к современному состоянию качества мяса и мясопродуктов, то ситуация здесь складывается также не очень позитивная. Мясное скотоводство в России пока не очень развито. Традиционно российская говядина – это побочное производство молочных ферм. На мясо реализуются бычки или коровы, закончившие свой биологический цикл. В целом российские производители поставляют достаточно доброкачественное мясо. Его качество снижается во время длительного хранения, в процессе переработки и в розничной торговле. При переработке мяса на колбасу, консервы и иные продукты в них добавляют большое количество всякого рода наполнителей, заменителей, консервантов вплоть до генно-модифицированной (ГМ) сои. ГМ-соей добавляют в котлеты, пельмени, колбасу и т. д. В розничной торговле, пользуясь инъекциями, шприцуют говядину, свинину, курятину, от чего вес мяса увеличивается на 30–50%. Для придания мясу свежего вида производят инъекции красителей. Санитарная инспекция утверждает, что для здоровья это не опасно².

В России все заводы по производству колбасы в основном работают на импортной «разморозке», из которой выпускают более чем 90% своей продукции. По данным Национальной мясной ассоциации, спрос на мясные изделия постепенно снижается, вместе с тем стремительно уменьшается количество мяса в колбасе. Там, где недавно мясожировая составляющая достигала 40%, теперь она снижается иногда и до 5%³.

Всероссийский научно-исследовательский институт мясной промышленности им. В. Горбатова разработал регламент на состав 21 вида колбас, шести видов сосисок и шести – колбасных хлебов. Из этого регламента следует, что колбасы «Говяжья» и «Русская» относятся к высшему сорту, а «Закусочная» и «Заказная» – к самому низкому. Сосиски «Особые» и «Сливочные» лучше, чем «Любительские» и «Молочные».

Сверхсовременный рецепт изготовления колбасы «Докторская» предусматривает: жира – не более 15%, белка – не менее 13%, влаги – не более 74%. Но главное – нет ни слова о мясе. А белком в данном случае могут быть и соя, и кукуруза, и даже самые разнообразные некондиционные мясные отходы пищевого производства. Когда-то в классическом рецепте докторской колбасы, утвержденном в ГОСТе 1938 г. (кстати, не менявшемся официально до 2005 г.), было прописано: в колбасу класть 25% говядины, 70% полужирной свинины и 3% взбитых яиц⁴. Но после 1991 г. мясокомбинаты принялись «улучшать» рецептуру колбас лишь с целью извлечения прибыли, мало внимания при этом уделяя качеству продукции.

С качеством молока и молокопродуктов в РФ в целом дело обстоит несколько лучше, хотя, по данным проверки закупленных образцов продуктов питания в г. Москве и г. Санкт-Петербурге в конце ноября 2009 г., в «черный список», наряду с другими продуктами питания, попали кефир, творог, сливочное масло. Лабораторные испытания показали, что эти продукты либо низкого качества, либо имеют давно истекший срок годности, либо просто опасны для употребления в пищу. Так, на творог «Классический» был предоставлен единственный документ, выданный на кефир «Обезжиренный» при полном отсутствии санитарно-эпидемиологического заключения. Поверхность многих образцов сливочного масла оказалась окисленной из-за неправильного хранения продукта. По микробиологическим показателям, то есть по наличию различных, в том числе и вредных бактерий, было зафиксировано десятикратное превышение безопасного уровня. По сути, до 70% масла, выдаваемого за натуральное сливочное, таковым не являлось. В составе творога было обнаружено превышение содержания дрожжей и плесени, а в отдельных образцах кефира наличие плесени в два раза превышало норму⁵.

О качестве картофеля в результате аномальной засухи 2010 г. можно много примеров и не приводить. Даже в домашних хозяйствах, несмотря на тщательный уход за клубнями, получен урожай не лучшего качества. На потребительские свойства привозного картофеля из других регионов РФ у потребителей также много нареканий.

Остаются актуальными риски потребления овощей с высоким содержанием в них нитратов, нитритов и некоторых других не менее вредных для здоровья человека веществ.

Особое внимание в настоящее время необходимо уделять безопасности потребления продуктов питания, содержащих генно-модифицированные организмы (ГМО). В отчете Всемирной организации здравоохранения «Современная пищевая биотехнология, здоровье и развитие: доказательное исследование» рассмотрены потенциальные выгоды и риски, связанные с применением ГМО в производстве продовольствия, и подчеркивается, что сложившаяся практика тщательной оценки опасности ГМО перед выдачей разрешений на их выращивание и продажу должна исключить риски для здоровья человека и состояния окружающей среды.

С 1999 по 2003 г. в странах ЕС действовал мораторий на производство генно-модифицированных продуктов, а с 2004 г. там были введены жесткие правила, ограничивающие порог допустимого содержания ГМО в продуктах питания, и обязательность маркировки всей пищевой продукции, содержащей более 0,9% компонентов из ГМО. Эта же норма принята и для России.

В настоящее время к использованию в Российской Федерации разрешено 13 сортов ГМО: 5 сортов кукурузы, 3 – сои, 2 – сахарной свеклы, 2 – картофеля и 1 сорт риса⁶. Из всех ГМ-продуктов наиболее востребованной оказалась трансгенная соя. Ежегодно в Россию ввозится более 2 млн тонн сои из США (85%), Бразилии, Китая и других стран, из которых свыше 90% – ГМ-соя. Таможенная статистика показывает, что за последние годы импорт ГМ-соевого концентрата возрос в 7 раз, соевого изолята – в 13 раз, а с 1995 г. ввоз соевых бобов на российский рынок увеличился в 64 раза⁷.

Технологии производства пищевых продуктов в настоящее время все больше ориентированы на использование соевых ингредиентов. В колбасном производстве (в сардельках, сосисках, копченых и вареных колбасах и т. п.) содержание ГМ-сои составляет от 20–25% до 90–95% от общей массы продукта. В хлебобулочных и макаронных изделиях её доля варьируется на уровне 10–20%, в кондитерских изделиях – 20–30%. Соевые ингредиенты используются в готовых изделиях (крабовых палочках, рыбных консервах и т. п.), где содержание ГМ-сои составляет 30–45%⁸.

По мнению доктора технических наук В. Воробьева из Московского государственного университета технологий и управления, за последние годы изменение ситуации с возделыванием ГМ-растений на мировом аграрном рынке привело к тому, что значительное число фермеров стало отказываться от использования ГМО. Вследствие этого крупные транснациональные корпорации – основные производители ГМО, такие как Monsanto (США), Du Pont (Канада), Bayer Crop Science (Германия), Pioneer Hi-Bred Agr Evo Syngenta Ins (Франция) и другие, стали с большей настойчивостью и активностью искать пути выхода на российский аграрный рынок.

Однако, по мнению того же В. Воробьёва, государственный контроль ГМ-продуктов проводится эпизодически. В России действует около 90 центров и лабораторий, которые нерегулярно проводят исследование продуктов на содержание ГМИ. Несмотря на то что ГМ-продукты появились на отечественном рынке в середине 1990-х гг., большинство этих центров стало проводить мониторинг продовольственных товаров только с 2004 г. При этом из 13 сортов ГМО, разрешенных для питания в России, определяют только 1 сорт сои и 1 сорт кукурузы, а для определения остальных нет соответствующих методик и тестов⁹.

По мнению международного эксперта по продовольственной и экологической безопасности доктора биологических наук И. Ермаковой, транснациональные компании, преследуя свои экономические интересы, активно лоббируют распространение трансгенной продукции, поскольку она дешевле натуральной сельхозпродукции, получая при этом огромную прибыль, так как ГМ-семена бесплодны и их посев дает только один урожай, поэтому закупать их надо ежегодно. Таким образом, монополист-производитель сажает фермеров «на иглу», вынуждая приобретать семена только у него¹⁰.

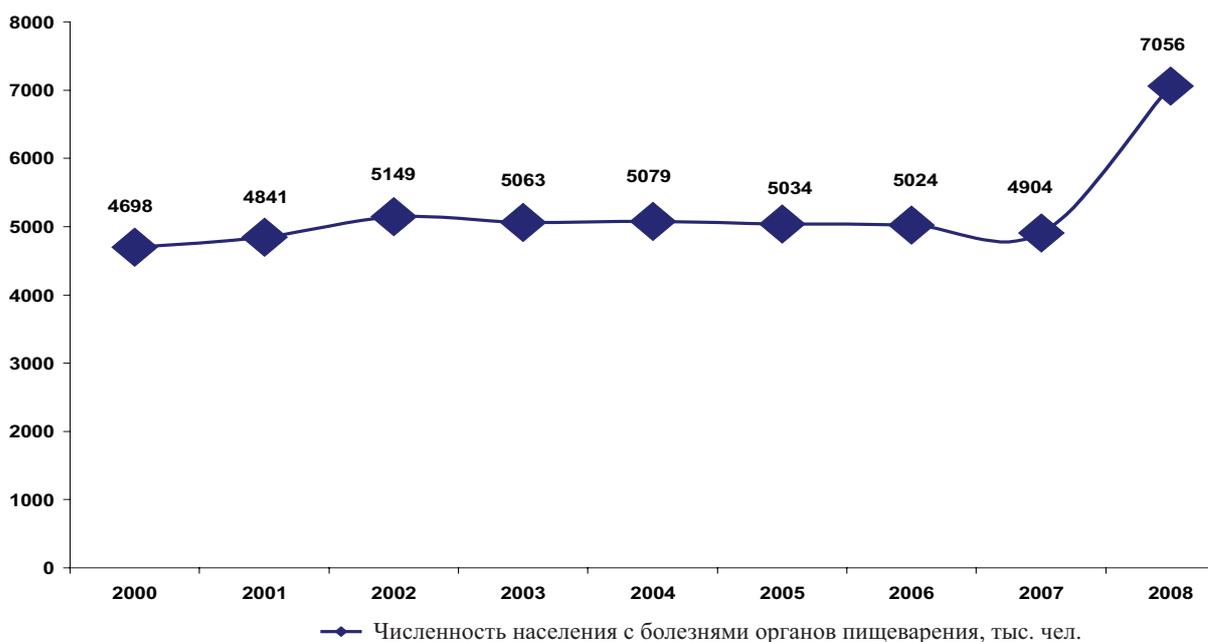
Между тем многие российские врачи не исключают возможности роста в России заболеваний органов пищеварения не только из-за некачественной пищи, но и вследствие расширения употребляемости ГМ-продукции (рисунок).

Как видно из рисунка, количество населения РФ с заболеванием органов пищеварения особенно выросло в 2008 г.

На примере только Саратовской области можно констатировать, что за этот период также выросло и количество умерших от болезней органов пищеварения. Так, если в 2000 г. от этих болезней скончалось 1103 человека, в 2005 г. – 1643, то в 2009 г. – уже 1779 человек, то есть смертность от болезней органов пищеварения за период 2000–2009 гг. выросла в 1,7 раза¹².

В целом можно отметить, что в РФ пока не разработана эффективная система контроля качества и безопасности продуктов питания как отечественного, так и импортного производства. Существующий мониторинг качества и безопасности пищи также не совсем отвечает современным требованиям объективно существующей на сегодня ситуации состояния качества и безопасности продуктов питания в России. По нашему мнению, мониторинг должен быть сквозным – от изготовления продукта, его хранения, транспортировки, продажи до анализа пищевых заболеваний населения от небезопасных продуктов питания во всех регионах РФ.

В США в 1985 г. был принят закон о продовольственной безопасности. Тогда усилилась и государственная деятельность по контролю качества продовольствия, особенно в связи с накоплением в продуктах питания вредных веществ, несовершенством технологий производства пищи и производством генно-модифицированных сельскохозяйственных культур. В 1994 г. в Минсельхозе США была впервые учреждена должность первого замминистра по безопасности продовольствия. Государство приняло целый ряд поправок к законам, регулирующим стандарты

Количество населения с болезнями органов пищеварения в РФ в 2000 – 2008 гг.¹¹

качества продуктов питания, а совершенствование нормативов и методов контроля продовольствия позволило повсеместно внедрить в 1996 г. научно обоснованную автоматизированную систему контроля качества мясных продуктов.

В начале 1990-х гг. ежегодно от 6,5 до 33 млн американцев заболели, а от 6 до 9 тыс. умирали в результате пищевых отравлений, вызванных внесенной с пищей патогенной микрофлорой. Медицинские издержки, связанные с лечением этих заболеваний, за год составляли до 6 млрд долларов¹³. В 1996 г. в США был принят Закон «О защите качества продовольствия». Для обеспечения научной экспертизы продуктов питания, проведения аналитической и другой подобной работы в структуре администрации по продовольствию и медикаментам были привлечены ученые, включая 900 химиков и 300 микробиологов, которые занимали должности в 40 лабораториях, расположенных на территории США. Общий штат сотрудников этой структуры, контролирующей качество продуктов питания, насчитывает 9 тыс. человек. Они ежегодно осуществляют контроль качества продовольствия на сумму около 1 трлн долларов¹⁴.

Вероятно, и в России необходимо уделить достаточное внимание системе предотвращения оборота некачественной и небезопасной для здоровья человека пищевой продукции.

В Нижегородской области принят закон о продовольственной безопасности, на Кубани – закон о качестве хлеба, в Свердловской области законодатели пытаются определиться с минимальной продовольственной корзиной, в других субъектах РФ принимают свои, региональные законодательные акты о качестве пищевой продукции и обеспечении населения основными видами продовольствия отечественного производства.

Однако разнохарактерные законодательные меры в большинстве регионов РФ вряд ли могут иметь комплексный и системный подход к решению продовольственной безопасности населения России.

Несомненно, в современных условиях некоторого хаоса в сфере потребления пищи назрела необходимость принятия не столько доктрины общерекомендательного характера, сколько на ее основе национального федерального закона о продовольственной безопасности населения России.

Примечания

- 1 См.: Честное тесто // Рос. газ. 2010. 26 янв. С. 6.
- 2 См.: Человек может сделать для себя очень много! // Аргументы недели. 2008. 6 мар. С. 8.
- 3 См.: Колбасная фальшь // Рос. газ. 2009. 26 мар. С. 11.
- 4 URL: <http://www.taxpayers.ru/2011/01/27> (дата обращения: 10.05.2011).
- 5 См.: На лугу пасутся Ко // Рос. газ. 2009. 2 дек. С. 4.
- 6 См.: *Закревский В. В.* Генетически модифицированные источники пищи растительного происхождения. СПб. 2006. С. 7.
- 7 См.: *Олифиренко Н.* // Рыбные ресурсы. 2006. № 2. С. 60–61.
- 8 См.: Там же. С. 62–63.
- 9 См.: *Воробьев В. В.* Влияние генетически модифицированных продуктов питания на безопасность и здоровье человека // *Аграрная Россия*. 2009. № 3. С. 35.
- 10 См.: Мир отказывается от продуктов ГМО // *Аргументы и факты*. 2010. № 48. С. 25.
- 11 Российский статистический ежегодник. М., 2009. С. 268.
- 12 См.: Демографический ежегодник Саратовской области. Статсборник. Саратов, 2010. С. 6.
- 13 См.: *Овчинников О. Г.* Государственное регулирование аграрного сектора США. М., 1999. С. 384.
- 14 Там же. С. 402.

УДК 316.344.6

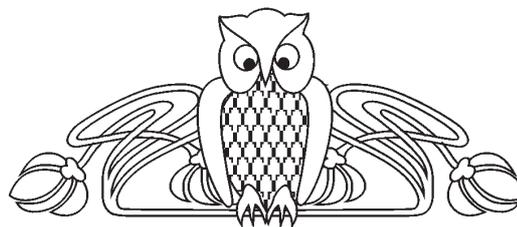
ФЕНОМЕН САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИИ

М. Е. Абросимова

Саратовский государственный университет
E-mail: ABR1986@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы самореализации лиц с ограниченными возможностями в ракурсе социологии.

Ключевые слова: самореализация, инвалидность, физиологический статус, социальная политика, социальное государство, профессиональная самореализация.

The Phenomenon of Self-realization of Persons with Limited Abilities from the Sociological Angle

M. E. Abrosimova

The article deals with some issues concerning some problems of self-realization of persons with limited abilities from the sociological angle.

качества продуктов питания, а совершенствование нормативов и методов контроля продовольствия позволило повсеместно внедрить в 1996 г. научно обоснованную автоматизированную систему контроля качества мясных продуктов.

В начале 1990-х гг. ежегодно от 6,5 до 33 млн американцев заболели, а от 6 до 9 тыс. умирали в результате пищевых отравлений, вызванных внесенной с пищей патогенной микрофлорой. Медицинские издержки, связанные с лечением этих заболеваний, за год составляли до 6 млрд долларов¹³. В 1996 г. в США был принят Закон «О защите качества продовольствия». Для обеспечения научной экспертизы продуктов питания, проведения аналитической и другой подобной работы в структуре администрации по продовольствию и медикаментам были привлечены ученые, включая 900 химиков и 300 микробиологов, которые занимали должности в 40 лабораториях, расположенных на территории США. Общий штат сотрудников этой структуры, контролирующей качество продуктов питания, насчитывает 9 тыс. человек. Они ежегодно осуществляют контроль качества продовольствия на сумму около 1 трлн долларов¹⁴.

Вероятно, и в России необходимо уделить достаточное внимание системе предотвращения оборота некачественной и небезопасной для здоровья человека пищевой продукции.

В Нижегородской области принят закон о продовольственной безопасности, на Кубани – закон о качестве хлеба, в Свердловской области законодатели пытаются определиться с минимальной продовольственной корзиной, в других субъектах РФ принимают свои, региональные законодательные акты о качестве пищевой продукции и обеспечении населения основными видами продовольствия отечественного производства.

Однако разнохарактерные законодательные меры в большинстве регионов РФ вряд ли могут иметь комплексный и системный подход к решению продовольственной безопасности населения России.

Несомненно, в современных условиях некоторого хаоса в сфере потребления пищи назрела необходимость принятия не столько доктрины общерекомендательного характера, сколько на ее основе национального федерального закона о продовольственной безопасности населения России.

Примечания

- 1 См.: Честное тесто // Рос. газ. 2010. 26 янв. С. 6.
- 2 См.: Человек может сделать для себя очень много! // Аргументы недели. 2008. 6 мар. С. 8.
- 3 См.: Колбасная фальшь // Рос. газ. 2009. 26 мар. С. 11.
- 4 URL: <http://www.taxpayers.ru/2011/01/27> (дата обращения: 10.05.2011).
- 5 См.: На лугу пасутся Ко // Рос. газ. 2009. 2 дек. С. 4.
- 6 См.: *Закревский В. В.* Генетически модифицированные источники пищи растительного происхождения. СПб. 2006. С. 7.
- 7 См.: *Олифиренко Н.* // Рыбные ресурсы. 2006. № 2. С. 60–61.
- 8 См.: Там же. С. 62–63.
- 9 См.: *Воробьев В. В.* Влияние генетически модифицированных продуктов питания на безопасность и здоровье человека // Аграрная Россия. 2009. № 3. С. 35.
- 10 См.: Мир отказывается от продуктов ГМО // Аргументы и факты. 2010. № 48. С. 25.
- 11 Российский статистический ежегодник. М., 2009. С. 268.
- 12 См.: Демографический ежегодник Саратовской области. Статсборник. Саратов, 2010. С. 6.
- 13 См.: *Овчинников О. Г.* Государственное регулирование аграрного сектора США. М., 1999. С. 384.
- 14 Там же. С. 402.

УДК 316.344.6

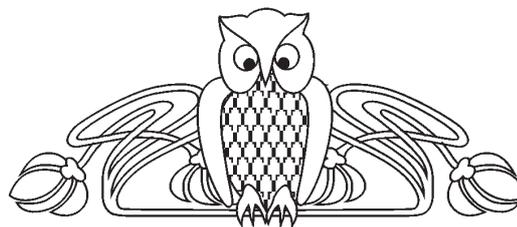
ФЕНОМЕН САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИИ

М. Е. Абросимова

Саратовский государственный университет
E-mail: ABR1986@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы самореализации лиц с ограниченными возможностями в ракурсе социологии.

Ключевые слова: самореализация, инвалидность, физиологический статус, социальная политика, социальное государство, профессиональная самореализация.

The Phenomenon of Self-realization of Persons with Limited Abilities from the Sociological Angle

M. E. Abrosimova

The article deals with some issues concerning some problems of self-realization of persons with limited abilities from the sociological angle.

Key words: self-realization, disability, physiological status, social policy, social state, professional self-realization.

Современная социально-экономическая, морально-психологическая и духовная ситуация в России крайне противоречива и многоаспектна. Имеет место нестабильность в экономике, остро ощущается дефицит федерального бюджета, практически не снижается численность людей с доходом ниже прожиточного минимума, усиливается дифференциация населения по доходам, повышается напряженность на рынке труда, растет задолженность по выплатам заработной платы, пенсий и социальных пособий, остро проявляются тенденции неблагополучия, в том числе и социальные девиации.

Происходящая в нашей стране радикальная трансформация экономической и общественной жизни привела к чрезвычайной актуализации проблемы самореализации лиц с ограниченными возможностями. Тотальное разгосударствление, рыночные преобразования, с одной стороны, ухудшение состояния социальной экологии и прежде всего многократное возрастание инвалидов, с другой, способствовали формированию целой социальной группы – лиц с ограниченными возможностями, в отношении которых необходимо создание специальной системы социальной защиты в целом и специфической государственной социальной политики в частности.

Как известно, в соответствии с Конституцией 1993 г. Российская Федерация провозглашена демократическим социальным государством, которое обеспечивает равенство прав и свобод граждан, то есть ведет борьбу с дискриминацией, основанной на состоянии здоровья. Таким образом, социальная политика Российского государства должна базироваться на полной социальной защите инвалидов, переходящих в разной степени под его попечительство. Неслучайно с конца 1990-х гг. социальная политика в нашем государстве осуществляется по так называемой социальной модели инвалидности, которая предполагает не только социальную реабилитацию инвалида, но и его социальную интеграцию. Одновременно социальная защита лиц с ограниченными возможностями является не только государственной задачей, но и одной из главных проблем формирующегося гражданского общества. В этом смысле социальная защита инвалидов выступает как важнейшая общественная функция социума в целом.

Численность инвалидов в РФ составляет около 10% населения страны – чуть больше 13 млн человек¹. Основным показателем успешной интеграции лиц с ограниченными возможностями в социум выступает уровень их самореализации.

Самореализация – это один из основных процессов человеческой жизни, воплощение в жизнь личных планов, стремлений и творческих

задатков. От успешности самореализации во многом зависит отношение человека к обществу и своему месту в нем.

Оценка успешности самореализации очень субъективна: то, что одному представляется пределом мечтаний, другому кажется неудачей. Для многих людей основу самореализации составляют цели, которые признаны в обществе как воплощение успеха (престижная профессия, высокий заработок, крепкая семья).

Чрезвычайную важность приобретает самореализация инвалидов как способ интеграции в общество людей с особыми потребностями, как механизм создания равных возможностей инвалидам для того, чтобы быть социально востребованными. Эта проблема актуализируется не только потому, что в последнее время увеличилось число людей, которые имеют значительные физические и психические отклонения, а еще и потому, что данная категория населения имеет низкий уровень материального обеспечения, а также морально незащищена.

Таким образом, можно заключить, что среди важных факторов, определяющих положение человека в социальной системе, серьезную роль играют образование, профессия, квалификация, должность. В свою очередь, обозначенные критерии могут быть детерминированы доминирующим статусом индивида или группы. В случае с людьми, имеющими нарушения развития, решающим чаще оказывается физико-генетический статус².

Практически во все времена и во всех культурах больные и инвалиды наделялись особым статусом. В доиндустриальных обществах инвалидность часто понимали как действие злых сил. В некоторых культурах инвалидность считалась, напротив, знаком божественного внимания: галлюцинации рассматривались как способность общаться со сверхъестественными силами. Например, в некоторых племенах Бразилии и Африки человек, имеющий такие симптомы, занимал самое привилегированное положение. Однако исторический и кросскультурный обзор показывает, что доминируют дискриминационные практики по отношению к инвалидам. По мнению Сафилиос-Ротшильда, до сих пор в большинстве стран продолжает существовать два основных типа дискриминации:

1) ограничение возможности участия инвалидов в доступных для них видах социальной активности;

2) нежелание здоровых членов общества устанавливать «нормальную» социальную интеракцию с инвалидами, которая способствовала бы их интеграции в общество³.

В основе дискриминационных практик и формирования особого статуса инвалидов лежит их несоответствие норме, принятой в культуре и включающей критерий состояния здоровья, наряду с такими как раса, возраст, пол. По мнению М. Пристли, социальное конструирование нор-

мы относительно жизненного пути в западных индустриальных обществах отталкивается от идеализированного определения независимой взрослости. Кроме этого, образ взрослости дополняется терминами этничности, пола и здоровья⁴.

В обществе существуют стереотипы, когда люди, имеющие нарушения развития, воспринимаются большинством как недееспособные, беспомощные, бесполезные, а также раздражительные, агрессивные, с повышенным чувством жалости к себе, отсутствием инициативности⁵. Такие аттитюды оказываются укорененными в общественном сознании, достаточно трудно поддаются изменению.

Научная разработка проблем социальной защиты лиц с ограниченными возможностями в новейших российских исследованиях отражает во многом эволюцию оценки общественной значимости этого вопроса в нашей стране в целом. На первом этапе, по-видимому, на основе традиций, сложившихся еще в советское время, среди работ о социальной защите лиц с ограниченными возможностями преобладали работы медико-социального характера. Данное направление исследований продолжает развиваться в рамках специальных медицинских работ и публикациях санитарно-гигиенической направленности. На втором этапе, в связи с разрыванием изучения проблем социальной защиты и социальной политики в целом, в научном исследовании проблем защиты инвалидности значительную часть начали составлять работы социологического характера, в особенности по проблемам образа жизни и социального регулирования его развития. Наконец, на третьем этапе, который начинается с 2000 г., по проблемам социальной защиты инвалидов появляются как специальные социологические исследования, так и фундаментальные разработки экономических, социально-психологических, педагогических и правовых аспектов проблемы. Однако, к сожалению, большинство из этих работ, во множестве появившихся за последние годы, так и не вышло за рамки диссертационных исследований, что, несомненно, снижает их научно-публичный уровень и степень использования полученных результатов широкой общественностью.

В целом в последнее время в обществе изменилось отношение к людям с особыми потребностями и инвалидность рассматривается как общественный феномен. Учеными разработаны модели инвалидности – медицинская, экономическая, социальная, – но эти модели не могут полностью решить личных проблем этих людей.

В современных условиях социальная защита инвалидов перерастает из разряда социально-медицинской проблемы в общую социальную задачу, предполагающую, во-первых, системное взаимодействие для оптимизации этого процесса всего социокультурного окружения человека, а во-вторых, активное использование всех направ-

лений социально-регулирующего воздействия (медицинское, финансово-экономическое, психолого-педагогическое и т. д.). Именно поэтому на сегодняшний день актуальной научной и практической проблемой выступает совершенствование социальной защиты лиц с ограниченными возможностями применительно к различным уровням общественной организации (федеральной, региональной, местной).

Основными социально-экономическими и социально-демографическими показателями, характеризующими положение инвалидов в обществе, являются: участие в трудовой и общественной деятельности, размеры заработной платы и пенсии, уровень потребления товаров длительного пользования, жилищно-бытовые условия, семейный статус, образование.

Еще основные усилия государства по повышению уровня жизни инвалидов сводились преимущественно к предоставлению разного рода материальных льгот и дотаций отдельным их категориям. Вместе с тем существовала довольно развитая система специализированных предприятий, использующих труд инвалидов, которые, однако, в условиях рыночной экономики становятся неконкурентоспособными по сравнению с коммерческими структурами. Продолжение социальной политики в отношении инвалидов в предоставлении различных льгот представляется вряд ли возможным в условиях бюджетного дефицита, к тому же оно чревато и рядом негативных последствий – противопоставлением, здоровых и инвалидов (что, в свою очередь, порождает негативное отношение к последним), а также различных категорий инвалидов друг другу; нежеланием некоторых инвалидов участвовать в реабилитационных процессах в связи с иждивенческими настроениями и ожиданием льгот и дотаций⁶.

Развитию социальной работы с инвалидами в целях их интеграции должно способствовать создание сети реабилитационных центров для лиц с ограниченными возможностями, где осуществлялись бы профориентация, профобучение, консультирование по психологическим, правовым и организационным проблемам, предлагалась бы конкретная помощь в трудоустройстве.

Формирование готовности общества к принятию инвалидов в социальную среду должно стать государственным компонентом образования. Необходимо адаптировать к российской ментальности существующие в зарубежном образовании программы. На стадии профессиональной подготовки целесообразно было бы включить в учебные программы вузов тематику по вопросам инвалидности и преодоления социальных барьеров социализации людей с функциональными ограничениями. Задача образования людей с особыми потребностями заключается в создании условий для подготовки

к полноценной профессиональной, духовной, психологически комфортной жизни в реальных рыночных условиях. Инвалид должен быть подготовлен к конкурентной борьбе в профессиональной деятельности и рассчитывать только на собственные силы, свой интеллект, деловые навыки, подготовку и талант.

В условиях рынка человек с особыми потребностями мало рассчитывает на государственную поддержку в трудоустройстве, так как львиная доля вакансий для него находится в секторе малого и среднего бизнеса. Несмотря на то что введено льготное налогообложение для предприятий, имеющих в своем штате обсуждаемую категорию сотрудников, желание работодателей брать на работу инвалидов минимально. Срабатывает стереотип, что инвалид – сотрудник с частыми больничными листами, и в этой ситуации работодателей не пугают даже предъявленные штрафы за отсутствие в штате сотрудников с особыми потребностями. Чтобы победить в этой ситуации, такой работник должен быть высококвалифицированным, образованным, смелым и деловитым, креативным и гибким.

Для решения этих задач необходимо разработать комплексную программу интеграции, адаптации и самореализации людей с особыми потребностями на государственном уровне. Она обязана включать специальные задачи по воспитанию, образованию, социальному сопровождению, социальной работе с данной категорией людей, которые должны осуществляться с позиции обеспечения равных возможностей, равного доступа и интеграции.

Как показывают результаты социологических исследований, общественное мнение по отношению к этой категории людей меняется, общество начинает сопереживать проблемам людей с особыми потребностями и пытается решить их. На вопрос, что необходимо сделать, чтобы инвалиды чувствовали себя полноценными гражданами, чаще всего звучат ответы, что специальное планирование жилья для инвалидов, возможность трудоустройства, создание клубов по интересам, показ телевизионных

сюжетов про успешных и талантливых людей с особыми потребностями, освещение их спортивных достижений и научных открытий. Это даст возможность, по мнению опрошенных, почувствовать себя полноценными гражданами. В то же время следует отметить, что многие респонденты вообще не владеют информацией о видах инвалидности, о проблемах, которые волнуют этих людей, они не могут назвать организации, которые занимаются проблемами инвалидов. При этом они отмечают, что самое главное для инвалидов – это отношение к ним окружающих, которые не всегда бывают толерантными.

Интеграция человека в открытое общество, расширение возможностей инвалида, способность быть адекватным к новым условиям, управлять своей жизнью – главная цель социально-психологической реабилитации. Основная задача специалистов по работе с инвалидами – это содействие реализации творческого потенциала личности с учетом индивидуальных потребностей и возможностей через социальную адаптацию, ресоциализацию и интеграцию в общественную жизнь.

Примечания

- 1 Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/> (дата обращения: 15.02.2011).
- 2 См.: *Наберушкина Э. К.* Социальный статус нетипичности // Социокультурные проблемы нетипичности. Саратов. С. 129.
- 3 *Safilios-Rothchild C.* The sociology and social psychology of disability and rehabilitation. N.Y. P. 4–5.
- 4 *Priestly M.* Adults Only : Disability, Social Policy and the Life Course and Soc. Pol., Cambridge University Press. 2000. P. 421–439.
- 5 См.: *Добровольская Т. Н., Шабалина Н. Б.* Социально-психологические особенности взаимоотношения инвалидов и здоровых // СОЦИС. 1993. № 1. С. 62–66.
- 6 См.: *Суслова М. Ю.* О социализации молодых инвалидов // Социологические исследования. 2000. № 4. С.137–139.

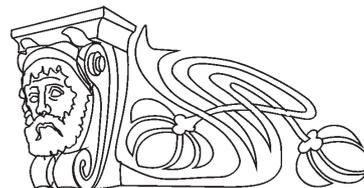

УДК 316.334.3 (470+571)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В. Л. Трёмбовецкая

Саратовский государственный университет
E-mail: morne@mail.ru

В статье рассматриваются социальные задачи общегосударственного и регионального уровня, а также возможные пути решения этих задач. В работе проанализированы многоуровневый характер социальной политики, взаимодействие федеральных и региональных властей по вопросам разработки и реализации социальной политики.

Ключевые слова: социальная политика, социальное планирование, социальное регулирование.

Social Policy in Russia: Formation and Modern State

V. L. Trembovetskaya

The article considers the social tasks of the national and regional levels, as well as possible ways of solving these tasks. The multilevel nature of social policy, the interaction of federal and regional authorities on the development and implementation of social policy are analyzed in this work.

Key words: social policy, social planning, social regulation.

В начале XXI в. в России остро встает вопрос о выборе стратегических приоритетов развития страны. На настоящий момент ключевым направлением долгосрочной социально-экономической политики государства является последовательное улучшение качества и уровня жизни населения. Социальную политику в широком понимании следует рассматривать как совокупность теоретических принципов и практических мер, разрабатываемых и реализуемых государственными и негосударственными органами, организациями и учреждениями, направленных на создание необходимых условий для жизнедеятельности, удовлетворение социальных потребностей населения, создание в обществе благоприятного социального климата¹.

Еще недавно важнейшими характеристиками социальной политики были «патерналистская» роль государства, жестко централизованная система реализации социальных гарантий, бюджетные (в основном) источники ее финансирования.

Развитие в России рыночных форм хозяйствования кардинальным образом изменяет роль государства в решении социальных проблем. В дальнейшем особую значимость для Российского государства приобретает изучение инновационного потенциала социальных реформ и тех социальных последствий, которые они вызывают

в результате своего осуществления. Прежде всего это касается вопроса социальной защиты наиболее уязвимых категорий и социальных групп населения (пенсионеры, молодежь, многодетные семьи, инвалиды и нетрудоспособные граждане).

Механизм модернизации социальной политики начинает работать с конца 1980-х гг., когда появляются первые социальные работники, открываются центры милосердия и начинается обслуживание на дому одиноких граждан и инвалидов. В начале 1990-х гг. открываются первые программы переподготовки по социальной работе, начинается прием на специальность высшего образования «социальная работа». В это время организуются курсы по практическим навыкам помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации, распространяется популярная психологическая литература. Однако социальных и психологических служб в этот период недостаточно и люди обращаются к религии и к разнообразным нетрадиционным помощникам.

В середине 1990-х гг. в законодательстве об основах социального обслуживания появляется понятие «консультативная помощь», определяется понятие психологической поддержки, принимаются планы развития психологических услуг. Также происходит рост количества учреждений социального обслуживания населения. Таким образом, в течение этого периода идет постепенная либерализация и рационализация социальной политики.

На современном этапе основными функциями российской социальной политики являются следующие: 1) организационная – управление социальными процессами в обществе; 2) прогнозирующая; 3) адаптационная; 4) контролирующая. Эффективная их реализация позволяет достичь главной цели современной социальной политики – динамичного равновесия социальной системы общества.

Содержание функции управления социальными отношениями есть процесс преодоления противоречий между государством как субъектом социальной политики и многочисленными социальными группами как ее объектами. Наиболее эффективным вариантом реализации данной функции, на наш взгляд, является модель, пред-

полагающая двустороннюю диалектическую связь между субъектом и объектом управления. В рамках государственной социальной политики функция управления осуществляется через регулирование внутри- и межгрупповых отношений путем использования принципа обратной связи.

Функция социального планирования и прогнозирования позволяет повысить эффективность управления социальными отношениями в обществе. В условиях сложного и противоречивого взаимодействия социальных интересов изменения в поведении индивидов – носителей этих интересов – неизбежны. Поэтому на практике абсолютная управляемость достижима лишь в принципе и в каждый конкретный момент можно говорить лишь об относительной управляемости процесса. Связана эта особенность с тем, что в силу самодетерминированности, то есть свободы, систем «с человеком», к каковым относится любая социальная группа, они требуют не столько прогнозов в собственном смысле термина, сколько сценариев развития.

Реализация функции планирования и прогнозирования позволяет предвидеть последствия принимаемых решений в социальной политике, повышая степень управляемости социальных процессов. Планирование – это организационная и общественная деятельность, ориентированная на избежание ошибок несоответствия. На наш взгляд, эффективное планирование – это, с одной стороны, планирование, приводящее к значительным изменениям, а с другой – управление изменением.

Рассмотренные выше функции современной социальной политики отвечают, скорее, выполнению «перспективных» задач и связаны с обеспечением социально стимулирующей тенденции общественного развития. Причем в современной России возможности реализации этих функций не используются в полной мере, что приводит, на наш взгляд, к ограничению социальной политики рамками текущих социальных задач, решение которых предусматривается ее социально-гарантирующими возможностями.

Решение социальных задач общегосударственного уровня невозможно без активного участия регионов в данном процессе. Это выражается в разработке регионами самостоятельной социальной политики, главным результатом осуществления которой должно стать создание в регионе равного доступа к потреблению гарантированного минимума социально значимых услуг и благ всем членам общества, независимо от места проживания. Функциональные возможности реализации региональной социальной политики связаны с необходимостью осуществления следующих действий:

– анализ потребностей населения региона в целом и отдельных социальных групп в част-

ности, возможностей и потенциала региона и его отдельных районов в решении социальных проблем, вытекающих не только из реалий переходного периода, но и из особенностей территориального характера;

– обеспечение нормального функционирования всех социальных учреждений региона;

– контроль бюджетного финансирования федеральных целевых программ и органов социального обеспечения;

– привлечение средств благотворительных и общественных фондов и организаций для поддержки особо нуждающихся категорий населения;

– разработка региональных целевых программ путем согласования действий законодательной и исполнительной ветвей власти.

Одной из особенностей региональной социальной политики является совершенствование бюджетных отношений с целью мобилизации ресурсов предпринимателей, банков, населения для социального развития и решения проблем хозяйства. Одним из источников пополнения бюджета явилось создание рынка земли. Саратовская область одной из первых в России приступила к проведению реформы земельных отношений, включая приватизацию земли и создание рынка земли. Реформа земельных отношений сейчас осуществляется в двух основных направлениях – продажа и передача долгосрочных прав на земельные участки и выкуп земли приватизированными предприятиями.

Реализация региональной социальной политики опирается на экономический потенциал, в силу этого взаимосвязь экономической и социальной политики весьма актуализируется.

Регионы различаются по экономическому положению, доступности и качества социальных услуг, здравоохранения и образования. Именно это определяет уровень развития человеческого потенциала, что, в свою очередь, усиливает значимость региональной политики в обеспечении качественного уровня жизни населения.

Таким образом, в современных российских условиях взаимодействие функциональных возможностей социальной политики региона и региональной политики государства способствует эффективному решению социальных задач как государственного, так и регионального уровня. Это является одним из проявлений многоуровневого характера социальной политики. Взаимодействие федеральных и региональных властей по вопросам разработки и реализации социальной политики должно осуществляться в рамках подлинного федерализма, основанного на принципах партнерства.

Примечания

¹ Чичканов А. В. Социальная политика России: Проблемы развития // Чиновник. 2005. № 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.015

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РОССИИ

И. И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
e-mail: politbum@mail.ru

В статье представлен анализ возможностей институционального подхода в исследовании феномена политического лидерства в России. Автор характеризует политическое лидерство как взаимодействие формальных и неформальных политических институтов и практик, предлагая свой взгляд на возможности объяснения политического процесса в современной России.

Ключевые слова: политическое лидерство, политические институты, современные политические процессы в России, государственная власть, Президент РФ, разделение властей, сдержки и противовесы, формальные и неформальные политические практики.

Institutional Approach to the Study of Political Leadership in Russia

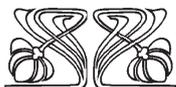
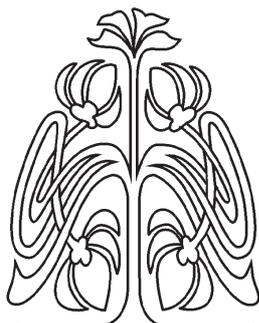
I. I. Kuznetsov

The analysis capabilities of the institutional approach in the study of the phenomenon of political leadership in Russia. The author characterizes the political leadership as the interaction of formal and informal political institutions and practices by offering his view on the possibility of explaining the political process in contemporary Russia.

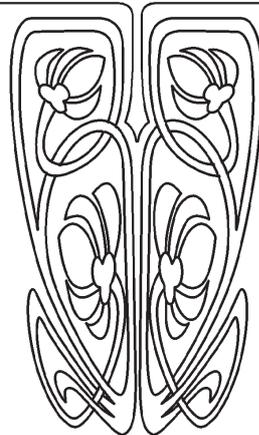
Key words: political leadership, political institutions, current political processes in Russia, government, President of the Russian Federation, separation of powers, checks and balances, both formal and informal political practices.

Политическое лидерство в традиции зарубежной и отечественной политической науки изучается в контексте анализа деятельности лидеров, теорий личности, групповой психологии, особенностей восприятия индивидуального и массового сознания. Имеются достаточно широкие наработки в определении наиболее эффективных технологий формирования имиджа лидеров, совершенствования влияния и др. Но единого подхода к описанию политического лидерства, его природы и проявлений нет, что констатируют отечественные специалисты¹. В силу этого политическое лидерство рассматривается как предмет интереса и область научного анализа междисциплинарного уровня, соответственно, используется разная методология его изучения.

В рамках данной статьи представлена попытка выделить одно из направлений исследования политического лидерства в современной России. Речь идет об институциональном подходе и его разновидностях. Сразу стоит отметить, что этот подход и его разновидности во многом отличаются от психологических и социальных подходов тем вниманием к нормативному обеспечению политики, которое зачастую сложно проследить в силу объективных условий политической динамики. В этом кроются главные сложности и ограничение возможностей подхода. Однако есть и некоторые позитивные возможности, позволяющие рассматривать лидерство в современной России как эволюцию формальных и неформальных рамок функционирования, например института президента страны.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Применительно к рассматриваемому в данной работе сюжету уместно использовать две версии неинституционального подхода:

- 1) неинституционализм рационального выбора;
- 2) историческая версия неинституционализма.

Неинституционализм рационального выбора фокусирует внимание на двух ключевых для нашего исследования проблемах: как происходит взаимодействие акторов в рамках существующих институтов и как эти институты возникают. На деле это неразрывные вопросы, так как, взаимодействуя, акторы одновременно создают и изменяют институты, а в процессе их создания и изменения происходит взаимодействие. Как полагают современные исследователи, в аналитических целях надо различать эти два вида теорий: если ставится задача «исследовать влияние институтов на взаимодействие акторов, институты – независимая переменная. Если мы исследуем взаимодействие акторов с целью создания или изменения институтов, они – зависимая переменная, представляют собой результат, последствие данного взаимодействия»². И в том и в другом случае главным критерием институционального развития может выступать концепция транзакционных издержек (их снижение выступает в качестве свидетельства повышения эффективности институциональных механизмов власти, и напротив, их повышение является индикатором снижающейся эффективности).

Историческая версия неинституционализма дает возможность внимательно оценить институты как процедуры, нормы и конвенции (формальные и неформальные) с позиции исторического опыта, т. е. реконструировать траекторию предшествующего развития. Таким образом, сочетание двух версий институционализма позволяет реализовать исследовательскую стратегию, учитывающую сложность институциональных политических трансформаций в новейшей истории России, особенности развития президентства как политического института.

Таким образом, неинституциональный подход дает возможность проследить в развитии института лидерства в Российской Федерации те особенности, которые связаны с рациональным пониманием интересов основных политических игроков и тем историческим и социокультурным опытом, который оказывает влияние на процесс властвования. Поскольку в рамках данной статьи не представляется возможным отразить все многообразие такого влияния, постараемся ограничить свое внимание анализом взаимосвязи формальных и неформальных практик в развитии института Президента РФ. Данный аспект представляется весьма важным для понимания того, как в постсоветской России воспринимается власть вообще и глава государства в частности, каковы особенности такого восприятия у населения и в среде правящего класса страны.

Итак, *формальные* условия развития института главы государства зафиксированы главным образом в Конституции России, а также в некоторых федеральных законах (поскольку закона о Президенте РФ на данный момент нет, это – Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации»), указах главы государства и других нормативных актах. Отметим наиболее важные с точки зрения закрепления властных полномочий главы государства правовые позиции.

Будучи главой государства, Президент РФ не входит ни в одну из ветвей государственной власти, чем во многом определяется своеобразие отечественной формы правления³. Согласно ст. 80 Конституции РФ Президент Российской Федерации является главой государства, гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, «в установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти»⁴. Одним из важнейших полномочий президента является его право определять «основные направления внутренней и внешней политики государства» (ст. 80, ч. 3). Данное положение, как и некоторые другие, было внесено в текст проекта Конституции РФ непосредственно перед всенародным голосованием в 1993 г. лично Б. Н. Ельциным, о чем свидетельствуют очевидцы⁵. Такое «надвластное» положение Президента РФ в совокупности с контролем работы правительства и осуществлением целеполагания в рамках всей государственной политики характеризует данный институт как очень мощный (особенно в сравнении с другими государственными институтами). Обоснование такой политической конструкции весьма характерно для эпохи становления институтов абсолютизма в странах Европы и связывается с трудами одного из идеологов либерализма и основателей утилитаризма И. Бентама. Неслучайно во время подготовки текста Конституции и конкуренции различных ее проектов постоянно звучал тезис о закреплении максимально авторитарной властной конструкции⁶.

Как известно, Президент РФ избирается прямым всенародным голосованием (ст. 81, ч. 1 Конституции РФ), что формирует весьма высокую, по сравнению с другими властными институтами, легитимность. Отдельно стоит указать на то, что институт главы государства максимально персонализирован, деятельность первого лица постоянно оценивается в обществе и, соответственно, то доверие, которое граждане оказывают кандидату на выборах, является доверием конкретной личности. Всенародные выборы в Государственную думу не создают аналогичной ситуации, поскольку 450 депутатов, избранных по новой пропорциональной системе, зачастую совсем не известны

гражданам или известны лишь частично. Кроме того, доверие на выборах граждане оказывают все же партиям, представившим списки, а не кандидатам лично. Если учесть то обстоятельство, что с 2005 г. изменилась процедура назначения/избрания губернаторского корпуса, то получается, что Президент РФ – наиболее сильный институт государственной власти и в плане получения мандата. Однако, несмотря на такое положение, по-прежнему сохраняется вероятность (пусть в настоящее время кажущаяся малозначимой, но все же потенциально возможная) конфликта «двойной легитимности», который хорошо описан в политологической литературе. Этот конфликт связан с апелляцией к народу двух государственных институтов, избираемых гражданами на прямых выборах. В недалеком историческом прошлом нашей страны такой конфликт привел к прямому столкновению и кровопролитию в Москве.

Президент РФ имеет очень широкие полномочия по управлению исполнительной властью. Закрепленное конституционно право главы государства председательствовать на заседаниях Правительства РФ (ст. 83, п. «б») ставит президента де факто в положение руководителя исполнительной власти (при этом формально не ответственного за ее решения и действия). По Указу Президента РФ за ним закреплено руководство так называемым силовым блоком правительства, в который входят Министерство обороны, МВД, Минюст, МЧС и ряд федеральных служб⁷. Президент имеет возможность обращаться с ежегодными посланиями к Федеральному собранию РФ (ст. 84, п. «е»), что позволяет в значительной мере определять политическую повестку дня в стране, формировать соответствующий курс социально-экономического развития.

Отдельно стоит упомянуть широкие возможности Президента РФ в формировании кадрового состава институтов государственной власти. Так, по Конституции глава государства назначает «с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации» (ст. 83, п. «а»), представляет кандидатуры судей высших судебных инстанций, Генерального прокурора РФ, Председателя Центробанка и др. Помимо конституционно закрепленных полномочий, Президент РФ в рамках соответствующих нормативных актов решающим образом воздействует на кадровый состав Общественной палаты РФ, формирует президиум Государственного совета РФ, назначает полномочных представителей в федеральные округа и т. д.

Все эти и другие полномочия Президента РФ в значительной мере институционализировались в том смысле, что их использование в реальной политической жизни, государственном управлении уже стало нормальной, приемлемой практикой, а ведущие политические силы страны, несмотря на различие в оценках текущего момента и стратегии власти, приняли их как «правила игры», следуют

правовым нормам⁸. Однако развитие института главы государства связано также со становлением целого ряда неформальных политических институтов и практик, которые также разделяются правящей элитой и серьезно дополняют существующие правовые механизмы. Причем в целом ряде случаев это дополнение может носить характер функционального замещения публичных властных институтов.

Среди таких неформальных политических институтов, усиливающих вес президента в системе принятия решений, стоит выделить следующие.

1. Практика неформальных совещаний при главе государства с участием руководства фракций Государственной думы. Данная практика появилась еще при первом российском президенте Б. Н. Ельцине как условно называемое «**правление четверки**» и «**круглые столы**». По сути, это форма консультаций, согласования позиций руководителей законодательной и исполнительной власти с участием главы государства. Однако динамика использования этой формы весьма неустойчива и разнообразна. Возникновение политической комбинации – круглый стол (спикеры Государственной думы и Совета Федерации, глава правительства) – относится к осени 1996 г. накануне ухода Б. Н. Ельцина на операцию. Попытка консолидировать власть в условиях оппозиционно настроенной нижней палаты парламента оказалась неудачной. При этом практически все участники этого процесса оказались не готовы к принятию такой схемы «согласительного процесса», при которой определяющую роль сохраняла за собой Администрация Президента РФ (далее – АП) во главе с А. Чубайсом, выступившая ее инициатором. То есть фактически вся направленность этой процедуры – укрепление легитимности пошатнувшейся власти, чрезвычайно персонализированной и вследствие этого нестабильной и уязвимой.

Спустя год, то есть осенью 1997 г., идея «четверки» вновь всплывает «благодаря» давлению думской оппозиции и уступке президента. Оппозиция, используя конституционную возможность, поставила на голосование вопрос о недоверии правительству и при этом имела много шансов добиться поддержки в парламенте. Ответные действия исполнительной власти и главы государства позволили избежать «лобового» столкновения. По инициативе президента было созвано заседание «четверки», но в расширенном составе – с участием представителей парламентских фракций. В целом «игра по правилам» заставила всех осознать наличие реальных возможностей эффективного политического действия в существующих конституционных границах. С одной стороны, депутаты, например, поняли бессмысленность требования отставки А. Чубайса, так как подобные кадровые назначения не входят в их компетенцию. С другой стороны, правительство убедилось в непродуктивности высокомерного разговора с Государ-

ственной думой, особенно в вопросах принятия важнейших законопроектов (Налоговый кодекс, государственный бюджет, Земельный кодекс).

Более того, гарантом приостановки процедуры вынесения недоверия кабинету выступил сам президент, обратившийся с письмом к руководителям оппозиции. В этом письме (п. 9) он предложил сделать практику «четверок» регулярной и дополнить ее проведением «круглых столов» под его председательством, с участием спикеров палат парламента, лидеров депутатских фракций, представителей межрегиональных ассоциаций, главы правительства и двух его первых замов, лидеров двух крупнейших объединений профсоюзов и руководителя АП⁹.

Таким образом, идея «четверки» трансформировалась в идею «круглого стола», расширился круг участников этих консультаций, что можно считать серьезной политической уступкой оппозиции. Позднее, как только был разрешен кризис правительства, необходимость в «квадратуре власти» вновь отходит на второй план. Круглые столы приобретают символический характер. Сознывая шаткость своего положения после мартовско-апрельского кризиса 1998 г., президент созвал экстренное заседание «четверки» в начале лета. Несмотря на внешнюю дружелюбность обстановки беседы, стороны так и не пришли к согласию: Совет Федерации не отказался от своих инициатив по созыву совместного с нижней палатой заседания для обсуждения согласованных действий в критической ситуации, а Государственная дума в целом продолжала продвигать процедуру импичмента президенту. Второй российский президент В. В. Путин также неоднократно обращался к этой неформальной практике взаимодействия ветвей власти. Как правило, это было связано с ключевыми голосованиями в Государственной думе – разработкой и принятием бюджета, важных федеральных законов и т. д. Данная практика нашла свое продолжение и в период президентства Д. А. Медведева¹⁰.

Можно констатировать, что в данном случае мы наблюдаем становление конституционного «обычая». Превращение «прецедентов» таких контактов ветвей власти в «обычай» идет на основе взаимного согласия основных политических акторов регулярно придерживаться именно этого способа коммуникации. При этом сам текст Конституции, как свидетельствует мировой опыт, не претерпевает изменений и дополнений, так как обычай «дает возможность политическому режиму эволюционировать без переворотов <...> без частого обращения к процедуре пересмотра Конституции, которую иногда трудно осуществить»¹¹. В этом смысле обычай можно рассматривать как «средство приведения конституционного права в соответствие с политическими реалиями»¹². И поскольку инициатором и модератором дискуссий на этих встречах является сам Президент РФ, можно определенно отметить расширение его политиче-

ских возможностей в управлении политическими процессами в государстве.

2. Особая политическая роль Администрации Президента РФ. Неформальное влияние АП на политические процессы и принятие государственных решений делают ее слабо определенный конституционный статус и наличие серьезных ресурсных возможностей. На фоне своих зарубежных аналогов, являющихся координаторами деятельности государственного аппарата, личной канцелярии главы правительства или министерства (в США — аппарат Белого дома, во Франции — аппарат Елисейского дворца, в Германии — ведомство федерального канцлера), российская АП выделяется весьма существенно. В отмеченных примерах аппарат или администрация не могут иметь полномочий сверх объема, имеющегося у лидера, на которого они работают. То есть аппарат не всемогущ, он лимитирован в своих возможностях конституционными принципами, в том числе и разделением властей, необходимостью согласовывать и увязывать свои действия с другими государственными институтами, обеспечивать солидарную ответственность власти.

Даже весьма влиятельный Президент США, как и его аппарат, вынужден считаться с мнением Конгресса и имеющими определенную автономию руководителями правительственных ведомств (ЦРУ, НАСА, Федеральная комиссия по ценным бумагам и другим независимых агентств¹³). Так же обстоят дела и во Франции, форма правления в которой типологически близка российской. Генеральный секретарь Елисейского дворца и президентский аппарат находятся в тени, поскольку президент вынужден считаться с опирающимся на парламент правительством. В тех же исторических ситуациях, которые именуются «раздельное правление» (когда глава государства и премьер-министр принадлежат к разным политическим силам), власть президента и его аппарата минимизируется.

В нашей стране подобной проблемы нет вовсе, поскольку, несмотря на провозглашение конституционного принципа разделения властей, реально власть президента распространяется практически на все политическое пространство, по набору полномочий глава государства – политический моносубъект. Тем самым гарантируется высокое влияние его аппарата, помощники президента зачастую более влиятельны, чем министры. Близость к первому лицу играет исключительную роль и уменьшает значение правительственных чиновников и парламентских политиков. Тем самым резко сокращается пространство публичной политики и, соответственно, возрастает значение непубличных политических институтов. Наиболее опасной и непредсказуемой для развития всей политической системы является ситуация превращения АП в самодостаточный политический институт, приобретающий автономию от своего формального главы – президента – и даже в чем-то контролирующей его деятельность, осуществ-

вляющий своеобразный надзор. Так, например, хорошо известно, каково было значение АП в 1996 г. при подготовке и проведении президентских выборов¹⁴. Остается открытым важный вопрос о роли АП при ограниченной политической дееспособности Президента РФ и о ее функциях при подборе «преемника».

В настоящее время АП имеет серьезный политический вес, несмотря на особые условия «тандема». На АП замыкаются структура полпредств Президента РФ в семи федеральных округах, подбор кандидатур для губернаторского корпуса, «ручное» управление избирательным процессом и партийным строительством и др. АП фактически формирует публичную политическую повестку дня, оставаясь формально непубличным политическим институтом. Так, именно администрация главы государства реально модерирует процессы реализации важных имиджевых проектов (ранее – «олимпийский» проект Сочи-2014 или проведение саммита стран АТЭС во Владивостоке, в настоящее время – создание «иннограда» Сколково¹⁵). Формирование состава Общественной палаты, подбор кадров в руководство госкорпораций, расстановка губернаторских кадров, влияние на формирование Совета Федерации — все это и многое другое серьезно определяет реальный политический процесс и, как правило, связано с рутинной непубличной деятельностью АП. Примечательно, что преемственность политического курса в стране обеспечивается в какой-то мере сохранением структуры и ключевых политических фигур в АП (достаточно вспомнить деятельность А. С. Волошина в первые годы президентства В. В. Путина или постоянное присутствие в команде главы государства В. Ю. Суркова).

Действительно, Администрация Президента РФ, являясь по Конституции РФ всего лишь техническим органом, обеспечивающим деятельность главы государства, в реальной политической жизни выступает в качестве инициатора многих масштабных программ и стратегий¹⁶.

3. Отдельного упоминания заслуживают такие неформальные институты, усиливающие влияние главы государства в Российской Федерации, как *телемости* и использование *сетевых форм коммуникации*. Первые приобрели популярность и стали ежегодной традицией при президентстве В. В. Путина. Вторые стали широко использоваться Д. А. Медведевым, который сам ведет блог в Twitter, постоянно пополняет соответствующие разделы на президентском сайте (*blog.kremlin.ru*). И то и другое, несмотря на различные способы технического обеспечения и содержание, направлены на легитимацию института президента и лично главы государства, его решений, служат средством «расшифровки» политики для широких масс. Кроме того, такая прямая коммуникация с гражданами России решает целый ряд насущных проблем в режиме так называемого ручного управления. Это происходит, когда очевидные промахи федеральной и регио-

нальной бюрократии, ее неудовлетворительная работа как бы «исправляются» прямым действием Президента РФ. На фоне существующей управленческой, административной практики такая плебисцитарная связь народа и лидера восполняет недостаток легитимности государственной власти вообще, поддерживает ее пошатнувшийся авторитет, работает на укрепление представлений о «добром царе» и «нерадивых боярах».

Наличие неформальных политических институтов и практик, обеспечивающих функционирование лидерства в современной России, само по себе не является проблемой. Это характерно и для других государств – как «старых» демократий Европы, так и посткоммунистических стран. Вопрос заключается в том, насколько эти неформальные институты дополняют или искажают и разрушают формальные. В известной работе немецких политологов Вольфганга Меркеля и Аурель Круассан утверждается, что в так называемых дефектных демократиях неформальные образцы и правила подрывают и ограничивают порядок функционирования формальных, демократически легитимированных институтов¹⁷. Это происходит, когда функциональные коды формальных институтов «деформируются или вытесняются как значимые способы принятия решений»¹⁸. В данном случае авторы указывают на возможное «внедрение» неформальных институтов в оболочку формальных и заполнение ее в соответствии со своей собственной функциональной логикой. В итоге получается ситуация, при которой на уровне принятия решений демократия функционирует не по принципам правового государства, а в рамках неформальных правил и институтов, противоречащих ей. Такое вытеснение и ограничение формальных и демократически легитимированных институтов неформальными может осуществляться как «сверху», так и «снизу». В первом случае (вытеснение формальных институтов «сверху») это происходит, когда выбранная демократическим путем исполнительная власть расширяет свои прерогативы за счет конституционных сдержек и противовесов. Во втором случае (вытеснение формальных институтов «снизу») этот процесс наблюдается, когда гражданское общество со слабо аккумулированным «социальным капиталом», но высоким властным потенциалом, взаимным недоверием и широким распространением коррупции и традиций клиентелизма пренебрегает институциональными правилами, лишает институты их влияния или «колонизирует» их в частных интересах. Предваряя возможную критику умозрительности такого разделения, авторы пишут о том, что оно не только условное и аналитическое. В действительности почти всегда неформальные ограничения «сверху» смешиваются с теми, что появляются «снизу». Результатом такого процесса становятся «дефектные демократии», в которых отдельные структуры политиче-

ских элит взаимодействуют с отдельными частями общества через неформальные, но при этом весьма стабильные патрон-клиентелистские связи. В итоге конституционно предписанные механизмы представительства и процедуры взаимодействия ветвей власти выхолащиваются и частично либо временно утрачивают свою силу. Это, в свою очередь, лишает народ своего суверенитета, гарантированного представительством.

Если попытаться сравнить развитие таких неформальных институтов, которые обеспечивают функционирование президентства в России и французской Пятой республике (идентичных по форме правления), то сразу обнаруживаются серьезные проблемы. Главной в данном случае, на наш взгляд, является принципиальная невозможность отыскать в новейшей истории Российской Федерации ситуацию «раздельного» правления, при которой Президент и глава Правительства РФ принадлежали бы к разным политическим партиям и, соответственно, имея разный уровень политического влияния, «делили» бы сферы активности по линии «внешняя» – «внутренняя» политика или «стратегия» – «обеспечение оперативного управления». Западные политологи, обратившиеся к анализу данного вопроса, указывают, что собственно «политических» кабинетов в России не было, за исключением кратковременного премьерства Е. М. Примакова (1998–1999 гг.), и, наверное, нынешнего кабинета В. В. Путина (2008 г. – н. в.). Все другие кабинеты были, скорее, «техническими» при сильном президенте (если не считать премьерства В. В. Путина, обеспечивавшего преемственность политического курса до конца 1999 г.). В силу слабости партийной составляющей при формировании правительства и проведении его курса Э. Морган-Джонс и П. Шлейтер предлагают изучать эволюцию отношений главы государства и правительства через анализ назначений на посты заместителей председателя Правительства РФ, исследование кадрового процесса в этом звене в целом (хотя при этом оговаривается, что эти кадровые изменения могут быть совершенно никак не связаны с собственно политическим курсом, а быть следствием внутренних непубличных процессов в правящем классе)¹⁹.

Главной неформальной политической традицией в постсоветской России является, на наш взгляд, практика «преемничества». Она является наиболее показательным примером функционирования непубличных политических институтов в смешанной полупрезидентской республике с элементами квазимонархических процедур. Проведение уже двух таких передач власти, в 2000 и 2008 г., свидетельствует о том, что уже сложилась определенная аппаратная традиция, интерес к которой высок в науке и в политической практике и связан с пониманием глубинных основ функционирования власти, спецификой сознания правящего класса России. В среде журналистов,

политических аналитиков события 1999 г. именовались как «Операция “С Новым годом, страна!”», а 2007–2008 гг. – «Операция “Ручной Медведь”»²⁰.

В настоящее время обсуждается функционирование так называемого тандема, что ставит много вопросов, среди которых отметим следующий – присутствует ли сейчас в российской власти одна команда или властвуют две команды (Президента РФ Д. А. Медведева и председателя Правительства РФ В. В. Путина), есть ли конкуренция между ними? Кроме того, если все же исходить из допущения о единой политической команде этих двух лидеров, то каков психологический климат внутри нее, разделяются ли в ней основополагающие ценности и убеждения, присутствует ли взаимопонимание? Неслучайно каждый административный сбой или конфликт в современной России трактуется некоторыми исследователями как столкновение различных групп внутри «тандема», разрушающее конфликтное поведение²¹.

Важную роль в определении отношения к лидерству вообще и институту Президента РФ в частности играет, на наш взгляд, российская политическая традиция «симфонии». Концепция «симфонии властей» была воспринята вместе с православным христианством из Византии. Теория, взятая из 6-й новеллы Юстиниана, изложенная в Славянской Кормчей, признавала бесспорность существования Церкви и государства как учреждений, отличных друг от друга, со своими различными властями. Идея о религиозном учреждении, совершенно отдельном от государства, была абсолютно нова для Руси. До этого здесь царил патриархальное сознание неразделимости всего национального и религиозного, или смешение религии с политикой, причем родоначальники и князья считались в то же время и представителями народа перед богами. А после принятия христианства наряду с государственной властью появилась власть Церкви, представленная вначале в лице митрополита, а затем патриарха. Структура, существующая в государстве, но от государства не зависящая, – это явление было не только новым, но и не вполне удобоваримым для государственной власти, которой рекомендовалось выстраивать отношения с церковной властью на основе «симфонии властей». В начале 42-й главы Славянской Кормчей (Русская православная церковь управлялась на основании греческого Номоканона, называвшегося позднее Кормчей книгой) говорится о том, что священство и царство происходят из одного начала и оба служат украшением жизни. И о царстве, и о священстве должны все молиться Богу (и действительно, православная церковь молится и по сей день, упоминая имя патриарха, а за неимением царя произносится молитва лишь «о властях и воинстве» государства). И если священство и царство пребудут «непорочны», то есть без греха, то будут иметь дерзновение к Богу просить всяческих благ

и получают просимое, так как само согласие между ними (священством и царством) уже есть благо и украшение городов, оно является источником добра в человеческом обществе. В идеологических построениях православных священнослужителей утверждается, что при сохранении этого догмата Бог пошлет величайшие блага: утверждает те, которые уже имеются, и добавит те, которых еще не было до сих пор²².

Развитие этой теории «симфонии», а также эмпирические данные обследования массового сознания российских граждан привели социолога Н. А. Романович к выводу о том, что «демократическая идея «разделения властей» не усвоена российским обществом, так как здесь в восприятии населением власти доселе присутствует модель «симфонии властей», основанная на православной идеологии, которая не артикулируется, но принимается обществом как нечто само собой разумеющееся. Через призму «симфонии властей» и представление о могущественной единоличной верховной государственной власти, которая имеет место в рамках упомянутой «симфонии», российский народ оценивает происходящие события во властных структурах»²³. Данный вывод, на наш взгляд, можно было бы спроецировать на отношение к власти в самом правящем классе. Здесь при *формальном усвоении* конституционных принципов политического плюрализма, многопартийности, разделения властей, федерализма присутствуют и традиционные для российской политической практики институты, в том числе и отрицание и неприятие всякого «отделения», «недоверия». Отношение к «разделению властей» может быть сопряжено с архетипом недопустимости «раскола», который рассматривается как предельное состояние политического организма, ассоциируется с хаосом, упадком и безвластием. По-видимому, не случайно так велико в русском языке внимание к обозначению политической солидарности, со-действия, со-участия в политическом процессе (соборность, единство, единодержавие и др.).

С начала 2000-х гг. в политической элите России актуализировались две установки, определяющие отношение к лидерству вообще и институту Президента РФ в частности:

– «вертикаль власти» как укрепление управляемости территории и ресурсов страны, пресечение сепаратизма, восстановление политической субъектности Центра;

– «ручное управление» как политика, основанная на патримониальном порядке, господстве простой плебисцитарной модели принятия и реализации властных решений, замыкании всей бюрократической системы на лидера.

Эти установки нуждаются, на наш взгляд, в особом изучении, поскольку понимание их природы и проявлений позволяет лучше понять логику действий российской власти, увидеть преемственность в политическом процессе. И, на-

конец, их изучение позволяет лучше представить эволюцию политических институтов в России, взаимодействие формальных и неформальных практик властвования. Таким образом, возможности институционального подхода к изучению политического лидерства далеко не исчерпаны. Российское президентство как политический институт необходимо изучать не только в широком сравнительном контексте, но и с применением методов анализа траектории «предшествующего развития», изучения культурных и психологических оснований властвования. Это позволит соединить то внимание, которое уделяется личности лидера, с изучением его политической роли в конкретных социально-политических обстоятельствах.

Примечания

- 1 См. например: *Шестопал Е. Б.* Политическая психология : учебник для вузов. М., 2002. С. 179–180.
- 2 *Панов П. В.* Институционализм рационального выбора // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. М., 2006. С. 51.
- 3 См.: *Зазнаев О. И.* Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань : Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006.
- 4 Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 80.
- 5 См.: Кто и зачем сократил президентский срок? «Известия» выяснили, как создавалась Конституция (материал подготовил А. Белуза) // Известия. 2008. 12 дек. Сам текст Конституции, подготовленный Конституционным Собранием и «поправленный» президентом Б. Н. Ельциным, вошел в объемный сборник документов Конституционного Собрания. См.: Конституционное совещание: Стенограммы. Материалы. Документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. : в 20 т. / под ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина и др. М., 1995. Т. 20.
- 6 См.: *Шапка В.* По проекту Б. Н. у нас будет царь-батюшка // Российская газета. 1993. 28 апр. ; *Пугачев Б.* Конституция для монарха // Российская газета. 1993. 29 апр. ; *Ярмагаев Ю.* Президент в ранге монарха // Правда. 1993. 26 мая ; *Гришина М., Федосеев И.* Примерка самовластия // Советская Россия. 1993. 13 мая ; *Корионов В.* Прикрываясь мантией Конституции // Правда. 1993. 12 мая ; *Румянцев О., Лафитский В.* Два проекта – два взгляда на разделение властей // Российская газета. 1993. 14 мая ; *Мишин А. А.* Конституция Президента не является «президентской» // Известия. 1993. 14 мая.
- 7 См.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 года № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. 2008. 13 мая.
- 8 В данном случае институционализация рассматривается нами как процесс укоренения, функциональной адаптации правовых и политических институтов. Классическое определение С. Хантингтона: «Институционализация – это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и

- устойчивость. Уровень институционализации какой-либо политической системы определяется адаптивностью, сложностью, автономией и согласованностью ее организаций и процедур. Равным образом уровень институционализации какой-либо отдельной организации или процедуры измеряется ее адаптивностью, сложностью, автономией и внутренней целостностью» (*Хантингтон С. Политический порядок в изменяющихся обществах*. М., 2004. С. 32).
- ⁹ См.: Письмо Президента РФ Б. Ельцина Председателю Гос. Думы Г. Н. Селезнёву, руководителю фракции КПРФ Г. А. Зюганову, руководителю аграрной депутатской группы Н. М. Харитонову, руководителю деп. группы «Народовластие» Н. И. Рыжкову // *Независимая газета*. 1997. 23 окт.
- ¹⁰ См.: Встреча с лидерами четырех политических партий, представленных в Государственной думе. URL: <http://kremlin.ru/news/6641> (дата обращения: 28.10.2010).
- ¹¹ Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М., 1996. С. 45.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: *Артемьев М. А.* Как работает Америка. М., 2009. С. 50–78.
- ¹⁴ Статус главного политического штаба России АП получила после того, как А. Б. Чубайс реорганизовал этот институт, упразднив должности личных помощников президента и возложив руководство процессом принятия политических решений на единую централизованную структуру, в которой главную роль играли заместители руководителя Администрации. При Ельцине Администрация не только пользовалась значительным политическим влиянием, но по многим вопросам была заместителем президента, своего рода «резинovým штампом». Уже в тот период стали говорить, что Администрация и особенно ее глава призваны осуществлять регентские полномочия при недееспособном Ельцине. См.: *Святенков П.* Заметки об Администрации. URL: <http://www.apn.ru> (дата обращения: 30.05.2006).
- ¹⁵ Примечательно, что одной из гарантий сохранения политического курса при реализации политического сценария «преемничества» является законодательное обеспечение этих имиджевых ресурсоемких проектов. По каждому из таких проектов («Сочи-2014», «Владивосток-2012», «Сколково» и др.) приняты федеральные законы и соответствующие правительственные программы, фиксирующие финансирование, гарантируя реализацию проектов в назначенные сроки (которые, помимо прочего, являются еще и международными обязательствами России). См.: Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»» // *Российская газета*. 2010. 29 сент.; Федеральный закон от 01.12.2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горно-климатического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации» // *Российская газета*. 2007. 5 дек.; Федеральный закон от 8 мая 2009 г. № 93-ФЗ «Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран – участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Российская газета*. 2009. 15 мая.
- ¹⁶ Согласно п. 1 Положения об Администрации Президента Российской Федерации Администрация Президента РФ является государственным органом, обеспечивающим деятельность Президента России. Коллизия, связанная со статусом Администрации Президента РФ, послужила поводом для запроса Государственной думы РФ в Конституционный суд РФ в 1997 г. Заявитель, отождествив государственный орган и орган государственной власти, посчитал на основании того, что Конституция РФ не относит Администрацию Президента РФ к органам государственной власти, что она является не госорганом, а службой. В связи с тем что к началу рассмотрения дела большинство оспариваемых норм утратило силу или было фактически отменено (норма о статусе Администрации Президента РФ осталась неизменной), производство по делу было прекращено. Конституционный суд РФ не дал юридической оценки статусу Администрации Президента РФ. Позиция судьи Конституционного суда РФ В. О. Лучина соответствует мнению представителей Госдумы РФ, определившему Администрацию Президента РФ службой, вспомогательным органом Президента РФ (см.: *Лучин В. О., Данилов И. С.* Государственный совет Российской Федерации: проблемы становления // *Право и политика*. 2001. № 4).
- ¹⁷ См.: *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей* : в 2 т. / ред.-сост.: П. Штыков, С. Шваниц; науч. ред. В. Гельман; пер. с нем. Е. Белокурова, М. Ноженко, Н. Яргомская, П. Штыков. СПб. ; М. ; Берлин, 2003. Т. 1. С. 269.
- ¹⁸ Там же. С. 270.
- ¹⁹ См.: *Morgan-Jones E., Schleiter P.* Governmental Change in a President-Parliamentary Regime: The Case of Russia 1994–2003 // *Post-Soviet Affairs*. 2004. № 20(2).
- ²⁰ Первое название стало популярно в отечественной журналистике, второе – в зарубежной. См.: *Булавинов И.* Царский жест. Кремлевское новогоднее шоу прошло под аплодисменты // *Коммерсантъ*. 2000. 5 янв. ; *Балмасов С.* Иностранцы СМИ: «Операция «Ручной Медведь»» началась. URL: <http://www.newsinfo.ru/articles/2007-12-13/Medvedev/537104/> (дата обращения: 16.03.2010).
- ²¹ Достаточно типична критическая оценка немецкого политолога Б. Биддера о сегодняшнем стиле работы «тандема» – «Медведев обвиняет команду Путина в саботаже» (цит. по: *Bidder B.* Reformen in Russland. Medwedew wirft Putins Mannschaft Sabotage vor // *Der Spiegel* – online. 18. März 2010. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,684231,00.html>) (дата обращения: 16.03.2010). В российской прессе такую позицию неоднократно высказывала социолог О. Крыштановская: «Нынешний президент “грет кресло”, сберегая его для Путина <...> Если Медведев

создает свою команду, значит, Путин теряет свою. Все очень жестко: или люди Путина, или люди Медведева. Пока мы не видим, что Путин теряет своих людей. А Медведев, соответственно, не продвигает своих. На этом и строится сегодняшний баланс сил» (цит. по: Самарина А., Цветкова Р. Люди и кресла // Независимая газета. 2009. 2 июня; см. также: Крыштановская О. Качели власти: Путин/Медведев. Кто на

самом деле правит Россией? // Независимая газета. 2009. 26 окт).

²² Соболев Н. Б. (арх. Серафим). Русская идеология. Москва, 2000. С. 135.

²³ Романович Н. А. Концепция «разделение властей» через призму концепции «симфония властей». URL: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/romanovich.pdf> (дата обращения: 15.05.2010).

УДК 323.23 (470+571)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ПОВЕСТОК ДНЯ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. А. Казаков

Саратовский государственный университет

E-mail: champy@yandex.ru

В статье рассмотрены основные подходы к определению «повестки дня», проанализированы уровни и содержание разных типов данного феномена. Автор предлагает считать отдельной разновидностью «повестки дня» информационную «повестку» и показывает ее исследовательский потенциал.

Ключевые слова: повестка дня, средства массовой информации, массовая коммуникация.

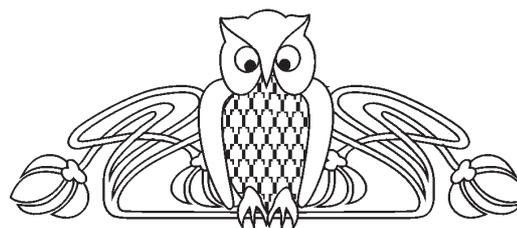
Interaction of Media and Political Types of Agenda: Posing a Question

A. A. Kazakov

In this article the main approaches to agenda's definition are characterized, levels and content of different types of this phenomenon are analyzed. Author offers to regard media agenda as a certain kind of agenda in general and shows its exploration potential.

Key words: agenda, mass media, mass communication.

В современной политологической литературе термин «повестка дня» является достаточно устоявшимся и широко используемым. Не вдаваясь в научные нюансы данной категории и учитывая ее историческое происхождение (от англ. agenda), приведем наиболее общие ее определения, предложенные Словарем современного английского языка издательства «Лонгман»: «перечень тем, подлежащих обсуждению»; «совокупность мер, которые необходимо принять»; «вещи, которые у всех на устах»¹. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту этого образного термина, в современном политическом дискурсе «повестка дня» обладает гораздо большим количеством смыслов, нежели принято ей отводить в обыденной речи. Причем расширение ее семантического напол-

нения происходило постепенно – на протяжении XX и XXI в. – по мере развития теории массовой коммуникации.

Отправной точкой в актуализации феномена «повестки дня», на наш взгляд, можно считать изучение воздействия материалов СМИ на общественное сознание классиками коммуникативистики: У. Липпманом («Общественное мнение», 1922 г.), П. Лазерсфельдом и Б. Берельсоном («Выбор народа», 1948 г.), Дж. Клаппером («Воздействие массовой коммуникации», 1960 г.). Позже внимание ученых было обращено к изучению косвенных эффектов масс-медиа: с подачи М. Маккоумза и Д. Шоу они начали рассматриваться в рамках более широкого процесса – «установления повестки дня» (agenda-setting)². Именно эти исследователи сформулировали три базовые разновидности «повестки дня»: личную, или внутреннюю (intrapersonal) как систему приоритетов в отношении наиболее важных для самого индивида социальных и политических проблем; межличностную (interpersonal) как систему приоритетов в отношении тех проблем, которые индивид обсуждает с членами своей микрогруппы; и предполагаемую общественную (perceived community agenda) как представления индивида о том, какие проблемы являются наиболее важными для того сообщества, к которому он принадлежит³.

В дальнейшем предложенное деление прочно вошло в исследовательский арсенал ученых, занимавшихся схожими проблемами. При этом как сами авторы теории установления «повестки дня», так и их последователи исходили (и исходят сегодня) из того, что главным субъектом формирования данных разновидностей «повестки дня» являются СМИ. Именно им отводится ключевая

создает свою команду, значит, Путин теряет свою. Все очень жестко: или люди Путина, или люди Медведева. Пока мы не видим, что Путин теряет своих людей. А Медведев, соответственно, не продвигает своих. На этом и строится сегодняшний баланс сил» (цит. по: Самарина А., Цветкова Р. Люди и кресла // Независимая газета. 2009. 2 июня ; см. также: Крыштановская О. Качели власти: Путин/Медведев. Кто на

самом деле правит Россией? // Независимая газета. 2009. 26 окт).

²² Соболев Н. Б. (арх. Серафим). Русская идеология. Москва, 2000. С. 135.

²³ Романович Н. А. Концепция «разделение властей» через призму концепции «симфония властей». URL: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/romanovich.pdf> (дата обращения: 15.05.2010).

УДК 323.23 (470+571)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ПОВЕСТОК ДНЯ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. А. Казаков

Саратовский государственный университет

E-mail: champy@yandex.ru

В статье рассмотрены основные подходы к определению «повестки дня», проанализированы уровни и содержание разных типов данного феномена. Автор предлагает считать отдельной разновидностью «повестки дня» информационную «повестку» и показывает ее исследовательский потенциал.

Ключевые слова: повестка дня, средства массовой информации, массовая коммуникация.

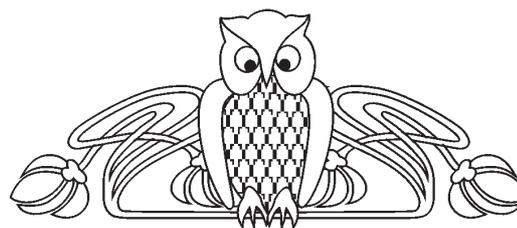
Interaction of Media and Political Types of Agenda: Posing a Question

A. A. Kazakov

In this article the main approaches to agenda's definition are characterized, levels and content of different types of this phenomenon are analyzed. Author offers to regard media agenda as a certain kind of agenda in general and shows its exploration potential.

Key words: agenda, mass media, mass communication.

В современной политологической литературе термин «повестка дня» является достаточно устоявшимся и широко используемым. Не вдаваясь в научные нюансы данной категории и учитывая ее историческое происхождение (от англ. agenda), приведем наиболее общие ее определения, предложенные Словарем современного английского языка издательства «Лонгман»: «перечень тем, подлежащих обсуждению»; «совокупность мер, которые необходимо принять»; «вещи, которые у всех на устах»¹. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту этого образного термина, в современном политическом дискурсе «повестка дня» обладает гораздо большим количеством смыслов, нежели принято ей отводить в обыденной речи. Причем расширение ее семантического напол-

нения происходило постепенно – на протяжении XX и XXI в. – по мере развития теории массовой коммуникации.

Отправной точкой в актуализации феномена «повестки дня», на наш взгляд, можно считать изучение воздействия материалов СМИ на общественное сознание классиками коммуникативистики: У. Липпманом («Общественное мнение», 1922 г.), П. Лазерсфельдом и Б. Берельсоном («Выбор народа», 1948 г.), Дж. Клаппером («Воздействие массовой коммуникации», 1960 г.). Позже внимание ученых было обращено к изучению косвенных эффектов масс-медиа: с подачи М. Маккоумза и Д. Шоу они начали рассматриваться в рамках более широкого процесса – «установления повестки дня» (agenda-setting)². Именно эти исследователи сформулировали три базовые разновидности «повестки дня»: личную, или внутреннюю (intrapersonal) как систему приоритетов в отношении наиболее важных для самого индивида социальных и политических проблем; межличностную (interpersonal) как систему приоритетов в отношении тех проблем, которые индивид обсуждает с членами своей микрогруппы; и предполагаемую общественную (perceived community agenda) как представления индивида о том, какие проблемы являются наиболее важными для того сообщества, к которому он принадлежит³.

В дальнейшем предложенное деление прочно вошло в исследовательский арсенал ученых, занимавшихся схожими проблемами. При этом как сами авторы теории установления «повестки дня», так и их последователи исходили (и исходят сегодня) из того, что главным субъектом формирования данных разновидностей «повестки дня» являются СМИ. Именно им отводится ключевая

роль в определении содержания публичной «повестки дня». И именно к этому сюжету – механизмам формирования общественной «повестки» посредством масс-медиа – чаще всего обращаются современные авторы⁴.

Между тем помимо сугубо общественной «повестки дня» в политической науке выделяют также и другие ее разновидности. Так, например, в своей работе «Исследование государственной политики: циклы и подсистемы политики» М. Говлет и М. Рамеш отдельно рассматривают системную (или публичную) и институциональную (или формальную) «повестки». «В системную повестку дня входят все проблемы, заслуживающие публичного внимания (к примеру, проблемы системы образования, охраны здоровья, окружающей среды и т. д.). Собственно говоря, системная повестка дня – это повестка дня общества, поскольку она включает сотни важных общественных проблем, требующих решения с помощью институтов власти. Вместе с этим лишь небольшая часть проблем системной повестки дня попадает в поле зрения власти. Проблемы, на которые власть обратила внимание, приняв к рассмотрению, автоматически переключаются с уровня системной (публичной) повестки дня в институциональную. Следовательно, публичная повестка дня является регламентом для обсуждения, а институциональная – повесткой дня для действия, что указывает на начало процесса политики относительно этой проблемы»⁵.

Очевидно, что системная (публичная) «повестка дня» в интерпретации Говлета и Рамеша – то же самое, что и общественная «повестка» в понимании исследователей, которые упоминались выше. А институциональная (формальная) «повестка» – это набор тем, которые являются приоритетными уже не для социума, а для власти. Примерно об этом же пишет и эксперт Центра политических технологий (г. Москва) Г. Ковалёв. Он обосновывает наличие так называемой политической повестки, включающей в себя список проблем, которые считаются не просто важными, а требующими для своего решения вмешательства государства⁶. Разделяя общую логику размышлений этого ученого, позволим себе возразить ему в том, что конкретно понимать под «политической повесткой дня». На наш взгляд, данная категория должна подразумевать не столько проблемы, которые можно решить только усилиями государства, сколько вообще те сюжеты (вне зависимости от уровня их сложности), которые само государство считает для себя приоритетными. Так, например, для решения демографической проблемы, безусловно, необходимо участие государства. Однако само политическое руководство страны вовсе не обязательно будет считать эту проблему ключевой. Стало быть, ее не будет и в политической «повестке».

Если взять за основу предложенное нами понимание, то подобная градация общей «повестки

дня» на общественный и властно-политический секторы в целом представляется не лишенной оснований. Кроме того, что у них совершенно разные носители (отдельная личность, социальная группа или общество в первом случае и правящая элита – во втором), эти две разновидности «повесток», по нашему мнению, также разнятся между собой по содержанию и субъекту их формирования. Что касается содержательного наполнения каждой из них, то здесь мы склонны согласиться с мнением все тех же М. Говлета и М. Рамеша, в приведенной выше цитате утверждающих, что лишь часть системной (читай – общественной) «повестки дня» соответствует структуре своего институционального (то есть политического) аналога.

В вопросе же о субъектах формирования общественной и властной «повесток» мы полагаем, что публичная «повестка дня» складывается преимущественно под воздействием СМИ, а политическая – под влиянием интересов и намерений руководства государства либо же сил, способных диктовать ему свои условия. При этом если в отношении решающей роли СМИ в определении общественной «повестки» в науке наблюдается относительное единодушие, то вопрос о факторах, детерминирующих «повестку дня» власти, с одной стороны, является гораздо более дискуссионным и менее разработанным – с другой. Так или иначе, но разность носителя, содержания и субъекта формирования этих «повесток», на наш взгляд, является достаточным основанием для того, чтобы считать их самостоятельными феноменами.

Более того, та роль, которую играют в этих процессах СМИ, позволяет говорить о существовании третьей разновидности «повестки дня» – медийной, или информационной. Необходимо отметить, что подобный подход встречается в науке значительно реже предыдущих. Разумеется, проблеме политического потенциала и воздействия медиа-структур на общественное сознание традиционно уделяется много внимания. Однако исследование данного сюжета именно в таком ракурсе – через «повестку дня» – является скорее исключением из правил. По крайней мере, на сегодняшний день нам удалось обнаружить совсем немного работ, в которых говорится о существовании медийной «повестки дня».

Одну из них мы уже упоминали. Г. Ковалёв определяет информационную «повестку» как набор из пяти-семи различных тем, предлагаемых обществу новостными СМИ для ознакомления⁷. От себя добавим, что эти темы должны регулярно предлагаться аудитории в течение более или менее длительного времени. Не отрицает возможности СМИ самостоятельно формировать «повестку дня» (не уточняя, правда, какую) и М. Мамонов⁸. Очевидно, что от общественной и политической «медиа-повестка» отличается

своим носителем: в данном случае им будет не социум и не власть, а сами СМИ. С определением же ее содержания и субъекта формирования есть некоторые сложности.

С одной стороны, вряд ли можно говорить о том, что медийная «повестка» полностью совпадает с публичной. Даже если принять точку зрения тех, кто считает, что общественная «повестка дня» формируется исключительно СМИ, не нужно упускать из виду того факта, что это касается лишь так называемых ненавязчивых проблем⁹. На наш взгляд, это уточнение позволяет утверждать, что в отношении «навязчивых» проблем люди способны сформировать свою «повестку» совершенно самостоятельно, без всякого участия СМИ. С другой стороны, трудно отрицать также и то, что зачастую информационная «повестка дня» выстраивается сверху, под непосредственным влиянием власти. Так, Г. Ковалёв убежден в том, что «медиа-повестка» формируется за счет перестройки и коррекции политической «повестки дня»¹⁰. Естественно, многое в данном случае зависит от характеристик конкретного государства, особенностей его политического режима и сложившейся модели отношений между властью и СМИ. Однако применительно к России нам представляется, что информационная «повестка» действительно во многом определяется политической. В условиях весьма ограниченного количества подлинно независимых и финансово самостоятельных СМИ (в данном случае мы прежде всего имеем в виду традиционные, а не так называемые новые медиа) расхождения между позициями власти и прессы по определению не могут быть серьезными. Другими словами, иногда содержание и субъект формирования медийной и политической «повесток» могут быть практически одинаковыми.

Тем не менее, несмотря на возможность подобных «пересечений», мы полагаем, что рассмотрение информационной «повестки дня» в качестве самостоятельного феномена, пусть и в увязке с «повесткой» власти, способно привести к весьма значимым научным результатам. Причем значимым как для политической теории, так и для практики.

Анализ соотношения политической и медийной «повесток дня», безусловно, позволил бы сформулировать новый ракурс рассмотрения политико-коммуникационных процессов. Сегодня особенно часто изучаются технологии и эффекты влияния медиа-текстов на сознание аудитории, а также широчайший спектр вопросов взаимодействия власти и общества. Имеются и исследования, посвященные различным аспектам политического потенциала СМИ. Однако сквозь призму частичного пересечения или полного совпадения «повесток дня» власти и медиа-сообщества эту сферу в настоящий момент практически не анализируют.

Вместе с тем такой подход к обозначенной тематике, на наш взгляд, обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать своего рода индикатором уровня свободы СМИ в конкретном государстве. Если принимать за основу тезис об абсолютной независимости масс-медиа от руководства страны в условиях подлинной демократии, выявление факта значительного пересечения информационной и политической «повесток дня» может считаться одним из показателей отступления от демократических принципов. И чем больше площадь совпадения данных «повесток», тем менее демократично можно считать медийно-политическую сферу конкретной страны.

Аналогичным же образом этот подход может быть применим и к определению политической роли отдельного СМИ или степени его ангажированности властями. Так, если информационный контент конкретного издания максимально приближен к официальной политической «повестке», то, скорее всего, это будет свидетельствовать о том, что данное СМИ относится к правящей власти лояльно. И наоборот: чем меньше будет обнаружено точек соприкосновения, тем больше оснований говорить о независимости позиций данной медиаструктуры. Иначе говоря, сравнительный анализ информационной и политической «повесток» может служить механизмом определения характеристик более общего порядка.

Применяя предложенный ракурс к различным исследовательским целям, неминуемо придется столкнуться, как минимум, с одной методологической проблемой – каким образом разграничить политическую и информационную «повестки дня». На сегодняшний день наиболее приемлемое решение этой задачи нам видится в том, чтобы вычленять медийную «повестку» с помощью контент-анализа одного или совокупности СМИ, а политическую – с помощью контент- и ивент-анализа публичных выступлений, официальных заявлений и интервью представителей правящей элиты, а также событий с их участием. При этом особого внимания, на наш взгляд, требуют к себе такие ресурсы формирования властной «повестки дня», как завоевывающие все большую популярность официальные сайты и блоги (в том числе в формате Twitter) национальных лидеров, а также их представленность в различных социальных сетях.

Говоря о политической «повестке дня», хотелось бы высказать предположение о ее внутренней неоднородности. Имеется в виду встречающееся несовпадение, с одной стороны, между официально постулируемой «повесткой» (заявлениями о намерениях, планах и проектах) и реальными действиями (принятием конкретных решений, законов и т. п.) – с другой. Таким образом, получается, что политическая «повестка» может распадаться на две части: мнимую и

реальную, для внешнего и внутреннего пользования. По нашему мнению, особенно часто такие ситуации можно встретить в области международных отношений, когда на словах провозглашается одно, а на практике осуществляется совершенно иное.

В этой связи анализ политической «повестки» в ее увязке с информационной также имеет ощутимый исследовательский потенциал. Не секрет, что иногда, желая выяснить отношение общественности к той или иной инициативе, власть намеренно запускает данную идею сначала в медиа-поле, а уже потом, в случае положительной реакции аудитории, переводит ее в плоскость публичной политики. В таких ситуациях анализ информационной «повестки дня» позволил бы спрогнозировать возможное в будущем перемещение конкретного сюжета в реальную политическую «повестку».

Применительно к сфере международных отношений подобная эвристическая способность предлагаемого подхода проявляется несколько иначе. В силу того что каноны дипломатии предполагают установку на избежание разного рода резких и категоричных по своему характеру заявлений и инициатив, официальные позиции государств достаточно редко отражают истинные устремления и задачи политического руководства стран. Чаще всего они, напротив, подчеркивают приверженность принципам миролюбия, взаимовыгодного партнерства и сотрудничества, общечеловеческим и демократическим ценностям и т. п. В то же самое время на уровне связанных с государством СМИ (а таковые имеются практически в любой стране) все не вошедшие в официальную позицию мотивы и установки вполне могут быть успешно артикулированы. Тем самым, анализируя информационную «повестку дня», исследователь, равно как и сотрудник дипломатических служб, получает инструмент для выявления латентных составляющих политической «повестки для внутреннего пользования».

При этом вероятность таких «утечек», на наш взгляд, практически не зависит от степени пересечения медийной и политической «повестки»: даже в самом демократическом обществе, в котором пресса максимально независима от власти, СМИ, как правило, значительно смелее, чем представители правящей элиты, высказываются по самым разным «деликатным»

международным поводам. В случае же когда в полной мере реализуется модель определяющего влияния политической «повестки» на информационную, такое «называние вещей своими именами» и вовсе встречается сплошь и рядом. А значит, предложенный подход приобретает еще больший исследовательский потенциал.

Примечания

- 1 См.: Longman Dictionary of Contemporary English. International students edition. Edinburgh Gate, Harlow, England, 1995. С. 27.
- 2 См.: McCombs M., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass-media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36.
- 3 См.: Дьякова Е., Трахтенберг А. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. С. 77.
- 4 См., например.: Дьякова Е. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург, 2002. ; Зимин М. Эффективность медиатизированной массовой коммуникации в избирательном процессе: теоретические модели и электоральная практика. URL: <http://www.ej.kubargo.ru/2006/04/11> (дата обращения: 2.05.2011); Мамонов М. Роль политических субъектов в формировании приоритетов межличностной «повестки дня» россиян // Политэкс. 2008. № 3. С. 97–107.
- 5 Цит. по: Куц Г. «Установление повестки дня» и политический режим: проблема корреляции / Изменение России: политические повестки и стратегии : Междунар. науч. конф. : тезисы докладов. М., 2010. С. 121.
- 6 См.: Ковалёв Г. Символизация политической власти: концептуальное поле исследования. URL: <http://polite.com.ua/library/3693-.html> (дата обращения: 3.05.2011).
- 7 Там же.
- 8 Мамонов М. Указ. соч.
- 9 В интерпретации Г. Цукера «навязчивые» проблемы – это те, с которыми люди имеют дело непосредственно и постоянно и которые тем самым приобретают общественную значимость вследствие личного опыта людей, а «ненавязчивые» – те, в отношении которых у людей нет личного опыта, а потому именно СМИ являются единственным источником информации о них. Цит. по: Дьякова Е., Трахтенберг А. Указ. соч. С. 78.
- 10 Ковалёв Г. Указ. соч.

УДК 32 : 316, 776

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

С. В. Володенков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению коммуникационной модели современного политического управления. В работе показывается коммуникативная природа современного политического управления, а также роль и место политической коммуникации в функционировании политической сферы жизнедеятельности государства и общества. В статье также рассматриваются особенности современного политического управления с позиций влияния на целевые аудитории – объект управления.

Ключевые слова: политическое управление, политическая коммуникация, коммуникационная модель управления, общественное сознание, общественное развитие, эффективность политического управления.

Foundations of Modern Political Communication Management

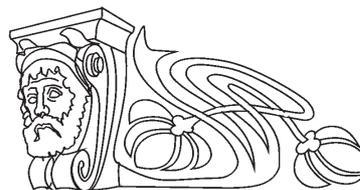
S. V. Volodenkov

This article deals with the communication model of contemporary political management. The paper demonstrates the communicative nature of modern political governance and the role and place of political communication in the functioning of the political sphere of state and society. The article also considers the peculiarities of the modern political governance in terms of impact on the target audience – the object of control.

Key words: political management, political communication, communication management model, social consciousness, social development, effectiveness of political control.

Вопрос о влиянии технологий и способов коммуникации на политическую составляющую государственного и общественного развития, в первую очередь на изменения в общественном и политическом строе, – а также социальную и политическую структуру общества представляется нам весьма важным и актуальным для рассмотрения учеными-политологами в условиях стремительного развития в мировом масштабе современных информационно-коммуникационных технологий. Сюда же мы относим и такую сторону государственного и общественного развития, как политическое управление, выступающее своего рода формой регулирования политических и общественных отношений, которая имеет коммуникативную природу.

Следует заметить, что значительное число специалистов в области политической коммуникации и политического управления рассматривало

коммуникацию в качестве ключевого фактора, влияющего на конфигурацию и структуру современных политических отношений.

Так, значение политической коммуникации определил в свое время еще Т. Гоббс, назвавший «нервами государственного управления» политические коммуникации, соединяющие верховную власть суверена с исполнительными, судебными и прочими органами¹.

Одним из первых влияние коммуникации на общественно-политическое развитие государства показал основатель Торонтской школы коммуникативистики Х. Иннис, который написал известные труды по теории коммуникации «Империя и коммуникация» (Empire and Communication²) и «Сдвиг коммуникации» (The Bias of Communication³). Иннис считал, что средства коммуникации определяют тип общественного устройства и создают определенные социально-политические эффекты. При этом тот, кто находится у власти, контролирует и средства массовой коммуникации. Следовательно, по типу средств массовой коммуникации можно судить о политике государства.

В свою очередь К. Дойч в рамках информационно-кибернетического подхода представил политическую систему как информационно-коммуникативную, указав на особую значимость политической коммуникации в своей работе «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля»⁴. По мнению Дойча, правительство как субъект государственного управления мобилизует политическую систему путем регулирования информационных потоков и коммуникативного взаимодействия системы и среды, а также отдельных блоков внутри самой системы.

По мнению Дойча, производство и обмен информацией в рамках политической системы обеспечивают политическое управление, которое основывается на необходимой для принятия решений информации. При этом сам феномен политики определяется совокупностью вопросов, связанных с политическим управлением. Государственные лидеры, основываясь на имеющейся политической информации, управляют своими организациями⁵. Функционирование же всей политической системы при этом, по мнению Дойча, зависит от качества и постоянства потока

политической информации, а сами институты и механизмы власти контролируются информационной элитой – дейтократией.

В свою очередь Ю. Хабермас указывал на то, что для эффективного и стабильного существования современной демократии крайне важным элементом является сфера публичной политики, которая включает в себя средства массовой информации⁶. Хабермас определяет публичную сферу как феномен, в котором происходит коммуникация – обмен информацией, мнениями. При этом средства коммуникации играют ведущую и системообразующую роль в функционировании современных западных демократий, в рамках которых должна обеспечиваться свободная от принуждения коммуникация⁷.

Р. Дейберт в своей книге «Пергамент, печать и гипермедиа: Коммуникации в процессе трансформации мирового порядка» также пишет о том, что «поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей»⁸. Тем самым Дейберт показал, что в рамках политического управления конечные цели могут достигаться путем изменения способов и форм коммуникации.

В свою очередь М. Кастельс, анализируя изменения в традиционном общественном укладе, выделяет современные информационно-коммуникационные технологии в качестве одного из наиболее значимых факторов в создании нового общественного уклада. Говоря о роли и значении коммуникации в аспекте политического управления, он в одной из своих работ пишет о том, что «осуществление власти происходит, прежде всего, на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения»⁹.

А такие специалисты, как Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин, считают, что современные информационно-коммуникационные технологии существенным образом поддерживают и развивают демократические процессы даже в условиях авторитарных систем и что «в условиях, когда компьютер расширил могущество личности, граждане могут более эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства могут следить за действиями граждан... Компьютеры, спутниковая телефонная связь, телефаксы наделяют человека властью, а не угнетают его, как этого боялись раньше»¹⁰.

Нэсбитт и Эбурдин уже сегодня дают прогнозы относительно того, что современное общество по мере развития информационно-коммуникаци-

онных технологий перейдет от представительной демократии к демократии соучастия, в рамках которой важнейшие решения, касающиеся жизни граждан, будут приниматься в интерактивном режиме путем вовлечения в обсуждение широких слоев населения, коммуницирующих между собой и с властью по различным вопросам.

Российские ученые также не обошли вниманием развитие современных информационно-коммуникационных технологий в аспекте их влияния на политический процесс. Современные российские ученые-политологи признают значительную – если не основную – роль политических коммуникаций в политическом управлении.

Так, А. А. Чеснаков еще более десяти лет назад говорил о начале формирования нового обширного канала политической коммуникации, динамика и развитие которого могут перевернуть представления как о системе обеспечения политической деятельности, так и о традиционных инструментах политического участия¹¹.

В свою очередь М. Н. Грачёв считает, что «политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение»¹².

А. И. Соловьёв пишет о том, что массовые коммуникации являются неотъемлемой частью политики: «...политика невозможна без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и гражданами»¹³.

Мы также считаем, что для осуществления эффективного политического управления необходимым и критичным условием является организация процесса коммуникаций между субъектом и объектом такого управления.

Существуют и иные подходы к пониманию места и роли политических коммуникаций в современном политическом процессе и политическом управлении. Однако их детальный анализ не является целью данной работы. Следует лишь констатировать, что в рамках каждого из таких подходов коммуникация рассматривается как неотъемлемый элемент современного политического управления. Значительное число ученых с мировым именем наделяет политическую коммуникацию крайне важным, если не определяющим значением для осуществления стабильного и эффективного демократического управления в политике.

Можно констатировать, что на сегодняшний день доступные для коммуникации новые технологии существенным образом изменили и будут изменять в технологически развитых демократиях и способы воздействия на общественное сознание в рамках современного политического управления, все активнее проникая в основные сферы жизни общества, трансформируя способы коммуникации как внутри него, так и между

обществом и властью, изменяя модели поведения как коммуникаторов, так и целевых аудиторий коммуникации, что неизбежно приведет и уже приводит к существенному изменению способов и моделей современного политического управления в целом.

Исходя из этого сегодня можно выделить два основных вида политического управления, которые имеют существенное различие в аспекте тех коммуникационных моделей с целевыми аудиториями, которые реализуются в каждом из них:

убеждение, осуществляемое чаще всего на основе методов влияния и манипулирования общественным сознанием и массовым поведением. При этом мы считаем, что любое убеждение строится в первую очередь на основе процессов коммуникации с целевыми аудиториями;

принуждение, в целом основывающееся на применении так называемого нормативно закрепленного «легитимного насилия» и использовании силы со стороны субъекта политического управления.

Сочетание методов и технологий данных подходов, по нашему мнению, и обеспечивает процесс эффективного политического управления в целом. Однако, как показывает сегодняшняя политическая практика, в мировом масштабе происходит постепенный, но неуклонный отход от модели принуждения, которая заменяется на коммуникативную модель убеждения, необходимую для осуществления «мягкого» управления.

Для подкрепления права на существование такого рода классификации подходов к политическому управлению мы приведем мнение Ю. Хабермаса, разработавшего собственную концепцию власти, согласно которой следует различать власть, возникающую в процессе коммуникации, и административную власть. В политической сфере «встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями»¹⁴. По мнению Хабермаса, коммуникация является ключевым элементом политики, так как посредством коммуникации создаются властные отношения. Попытки же использовать сугубо административную власть обязательно приведут к возникновению новых политических коммуникаций между участниками политического процесса, а легитимность такого рода административной власти неумолимо будет снижаться до критического уровня.

Даже М. Вебер подразумевал под политикой не столько применение власти, «легитимного насилия», сколько стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти.

К. Дойч также считал, что, кроме силы, власть может иметь в своем основании такие источники, как деньги, организация, традиция, то есть тем самым он опровергал существовавшее представление о том, что сила или насилие – это сущность политики.

Уже в наше время О. Ф. Шабров, рассуждая о политическом управлении, пишет что под политикой подразумеваются переговоры, поиск компромиссов, достижение консенсуса, апелляция к сознательности и гражданским чувствам. Она выведена за рамки применения права и принуждения со стороны администрации. Здесь нет места политическим репрессиям, применению силы¹⁵.

Г. В. Пушкарёва также определяет такие управленческие отношения, где субъект (политическая организация, группа давления, государственный деятель) не может опереться на право «легитимного насилия» и на свои статусные ресурсы для достижения поставленных целей, не может принять закон или иное распоряжение, обретающее обязательный характер, а потому вынужден прибегать к таким формам и методам воздействия на предполагаемый объект управления, как *политический менеджмент или политико-технологическое управление*¹⁶.

Иными словами, тот же избиратель не обязан голосовать за конкретную политическую силу, и она не в состоянии принудить его осуществить выбор в свою пользу. Любой гражданин не обязан поддерживать деятельность парламента страны и имеет право критиковать ее.

Таким образом, в рамках коммуникационного типа управления, основанного на убеждении как ключевом факторе эффективности воздействия на целевые аудитории, осуществляется, по большей части, влияние на объект управления без прямого принуждения и применения «легитимного насилия». Данная модель политического управления применяется в тех случаях, когда объект не обязан никаким образом подчиняться субъекту управления, решения субъекта управления не носят для объекта обязательного характера, который был бы закреплен какими-либо правовыми нормами.

В результате в рамках современного демократического политического управления одной из основных задач становится работа не по принуждению, а по *влиянию* на общественное сознание и формированию политических предпочтений и настроений населения, а также созданию мотивационных факторов для массовой аудитории, являющейся в большинстве случаев объектом политического управления.

В связи с этим в политическом управлении существенно повышается роль soft-технологий Public Relations, политической рекламы, агитации и пропаганды, с помощью которых осуществляется воздействие на общественное сознание, а зачастую и «мягкое» манипулирование общественным сознанием, а сам политический процесс и политическое управление, ориентированные на

использование традиционных моделей «легитимного насилия», будут вынуждены все больше и больше трансформироваться по мере появления и распространения все новых и новых каналов массовой политической коммуникации и перехода общества к «коммуникационной модели» политического управления.

Очевидно, что технологии политической рекламы, пропаганды, агитации и Public Relations основаны именно на осуществлении коммуникации (пусть порой и односторонней, как в случае с политической рекламой), как непосредственной (через агитационные сети, прямое общение субъектов политических кампаний и их представителей с целевыми аудиториями и т. д.), так и опосредованной (через средства массовой информации, наружную рекламу и др.).

В свою очередь, так называемые мягкие, или soft-технологии в политическом управлении также основаны на взаимной коммуникации с представителями целевых аудиторий, вовлечении их в совместную деятельность, а следовательно, и в двустороннюю коммуникацию. И неэффективность коммуникации с целевыми аудиториями является зачастую одной из основных причин низкой эффективности политического управления в целом.

Если перефразировать известное высказывание о том, что лучшей формой контроля является взаимодействие, то можно сказать, что лучшей формой политического управления является двусторонняя коммуникация.

Как мы уже отметили, само управленческое взаимодействие между субъектом и объектом управления во многих случаях является именно информационным, осуществляемым в рамках коммуникации субъекта управления с объектом. И в случае отсутствия эффективной коммуникации с объектом управления в рамках политического менеджмента конечный результат воздействия на объект может оказаться (и в большинстве случаев оказывается) неудовлетворительным.

Без выстраивания эффективных коммуникаций с представителями целевых аудиторий на сегодняшний день немыслима сколь-нибудь успешная политическая кампания, политическое управление в целом.

Однако используемые сегодня в рамках управления политическими кампаниями традиционные каналы коммуникации, основными из которых являются средства массовой информации (в первую очередь – телевидение¹⁷), зачастую предполагают осуществление в рамках политического управления сугубо асинхронной коммуникации от субъекта политической кампании к ее объекту – целевым группам информационного воздействия. Большинство технологий рекламы и пропаганды в политике ориентировано именно на одностороннюю трансляцию информационного контента, необходимого для влияния на общественное мнение, и не предполагает возможности

полноценной двусторонней коммуникации и выстраивания субъект-объектного взаимодействия.

Неслучайно в современной практике политического управления специалисты отмечают существенное падение эффективности традиционных технологий агитационно-пропагандистского воздействия на общественное мнение, которое может быть отмечено в таких эмпирических показателях, как падение уровня явки на выборах, а также рост численности групп протестного электората.

Одновременно в современном мире происходит настоящая коммуникационная революция, предоставляющая специалистам новые, альтернативные инструменты для осуществления коммуникации с целевыми аудиториями.

Очевидно, что развитие коммуникационных технологий предъявляет требования и к отечественным специалистам в области политического управления, заставляя искать новые эффективные методы коммуницирования с целевыми аудиториями политических кампаний.

Классический подход «контроля над первой кнопкой», в рамках которого осуществляется исключительно односторонняя трансляция контента политической кампании традиционными методами политической рекламы и пропаганды при отсутствии конкуренции в коммуникативном пространстве, уже не оправдывает себя в большинстве случаев в условиях наличия альтернативных коммуникационных каналов и не отвечает потребностям сегодняшнего дня, уменьшая общую эффективность проведения политических кампаний и существенно понижая уровень легитимности результатов таких кампаний.

Таким образом, мы можем предположить, что современное политическое управление имеет коммуникативную природу, в связи с чем политическая коммуникация начинает играть ведущую роль в информационном обществе, что, в свою очередь, приводит к смене классической модели политического управления, основанной на принуждении и праве легитимного насилия, коммуникационной моделью политического управления.

При этом информационно-коммуникационная революция и развитие новых технологий и средств коммуникации самым непосредственным образом изменяют систему взаимоотношений между государством и обществом, в том числе и в политической сфере, что уже сегодня влияет на эффективность политического управления обществом посредством традиционных инструментов, ставя перед государствами и политическими институтами проблему выработки новых подходов к политической коммуникации с массами. И недооценка последствий внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь может стать мощнейшим фактором дестабилизации политической системы, связанной с резким падением эффективности классических массовых моделей политического управления.

Примечания

- 1 Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1991.
- 2 Innis H. A. Empire and Communications. Oxford, Clarendon Press, 1950.
- 3 Innis H. The Bias of Communication. Toronto, 1951.
- 4 Deuttsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y., 1966.
- 5 Ibid.
- 6 Habermas J. The Structure Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989.
- 7 Марков Б. В. Демократия и Интернет // Интернет и современное общество. 2-я Всерос. науч.-метод. конф. : тезисы докладов. СПб., 1999.
- 8 Deibert R. J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y., 1997.
- 9 Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
- 10 Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М., 1992.
- 11 Чеснаков А. А. Ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 1999. № 4.
- 12 Грачёв М. Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1.
- 13 Соловьёв А. И., Пугачёв В. П. Введение в политологию. М., 2000.
- 14 Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
- 15 Шабров О. Ф. // [Персональная страница]. URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava1.htm#a6> (дата обращения: 10.07.2010).
- 16 Пушкарёва Г. В. Политический менеджмент. М., 2002.
- 17 Принято считать, что контроль над основными телевизионными каналами является главным условием для проведения успешной политической кампании.

УДК 329 (47)

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: eternity65@yandex.ru

В статье проанализировано влияние крестьянской реформы 1861 г. на становление в России гражданского общества. Сделан вывод о том, что освобождение российского крестьянства и последовавшие за этим другие либеральные реформы способствовали развитию капиталистических отношений и формированию реального гражданского общества.

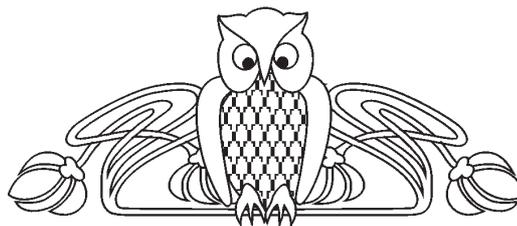
Ключевые слова: гражданское общество, освобождение крестьянства, либеральные реформы.

Emancipation of Peasantry as a Factor of Civil Society's Formation in Russia

G. M. Barashkov

Influence of agricultural reform-1861 on development of civil society in Russia is analyzed in this article. Author comes to conclusion that peasant's emancipation as well as other following liberal reforms promoted development of capitalistic relations and formation of real civil society.

Key words: civil society, peasant's emancipation, liberal reforms.

В XVIII–XIX вв. в России сложились две альтернативы политического развития. Первая, предсказанная французским мыслителем Ж.-Ж. Руссо, – этатизация общества, господство общей воли над частным интересом¹, – и вторая, заключающаяся в развитии гражданского общества через экономические формы, которому противостояли крепостное право и разложение дворянства. Дворянство в условиях огосударствления общественной жизни в николаевской России, по мнению Б. Н. Чичерина, могло занять пустующее место организованной буржуазии, ставшей на Западе основой гражданского общества. В противном случае ее место заняла бы бюрократия, усилившая давление правительства на общество². Прогноз выдающегося русского юриста в значительной мере оправдался – дворянство оказалось не способным исполнить нетрадиционную для себя роль.

Роль катализатора экономической активности в форме относительно свободного предпринимательства в этих условиях должен был сыграть крестьянин, но это становилось возможным лишь

Примечания

- 1 Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1991.
- 2 Innis H. A. Empire and Communications. Oxford, Clarendon Press, 1950.
- 3 Innis H. The Bias of Communication. Toronto, 1951.
- 4 Deuttsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y., 1966.
- 5 Ibid.
- 6 Habermas J. The Structure Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989.
- 7 Марков Б. В. Демократия и Интернет // Интернет и современное общество. 2-я Всерос. науч.-метод. конф. : тезисы докладов. СПб., 1999.
- 8 Deibert R. J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y., 1997.
- 9 Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
- 10 Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М., 1992.
- 11 Чеснаков А. А. Ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 1999. № 4.
- 12 Грачёв М. Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1.
- 13 Соловьёв А. И., Пугачёв В. П. Введение в политологию. М., 2000.
- 14 Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
- 15 Шабров О. Ф. // [Персональная страница]. URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava1.htm#a6> (дата обращения: 10.07.2010).
- 16 Пушкарёва Г. В. Политический менеджмент. М., 2002.
- 17 Принято считать, что контроль над основными телевизионными каналами является главным условием для проведения успешной политической кампании.

УДК 329 (47)

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: eternity65@yandex.ru

В статье проанализировано влияние крестьянской реформы 1861 г. на становление в России гражданского общества. Сделан вывод о том, что освобождение российского крестьянства и последовавшие за этим другие либеральные реформы способствовали развитию капиталистических отношений и формированию реального гражданского общества.

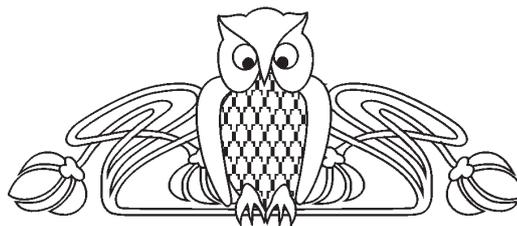
Ключевые слова: гражданское общество, освобождение крестьянства, либеральные реформы.

Emancipation of Peasantry as a Factor of Civil Society's Formation in Russia

G. M. Barashkov

Influence of agricultural reform-1861 on development of civil society in Russia is analyzed in this article. Author comes to conclusion that peasant's emancipation as well as other following liberal reforms promoted development of capitalistic relations and formation of real civil society.

Key words: civil society, peasant's emancipation, liberal reforms.

В XVIII–XIX вв. в России сложились две альтернативы политического развития. Первая, предсказанная французским мыслителем Ж.-Ж. Руссо, – этатизация общества, господство общей воли над частным интересом¹, – и вторая, заключающаяся в развитии гражданского общества через экономические формы, которому противостояли крепостное право и разложение дворянства. Дворянство в условиях огосударствления общественной жизни в николаевской России, по мнению Б. Н. Чичерина, могло занять пустующее место организованной буржуазии, ставшей на Западе основой гражданского общества. В противном случае ее место заняла бы бюрократия, усилившая давление правительства на общество². Прогноз выдающегося русского юриста в значительной мере оправдался – дворянство оказалось не способным исполнить нетрадиционную для себя роль.

Роль катализатора экономической активности в форме относительно свободного предпринимательства в этих условиях должен был сыграть крестьянин, но это становилось возможным лишь

после его освобождения от крепостной и корпоративной зависимости. Реформы 1860-х гг. открыли возможность формирования гражданского общества в России. Начало этому положила отмена крепостного права в 1861 г. С ликвидацией крепостной зависимости была создана предпосылка гражданского общества – миллионы крестьян обрели личную свободу и были втянуты в рыночные отношения. Крестьянская реформа была первой в ряду либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. Важнейшими для становления гражданского общества были также земская, городская реформы и реформа судебной системы. Реформы, бесспорно, были созвучны требованиям времени, они давали шанс успешно решить стоявшие перед страной задачи модернизации и демократизации.

Однако если на Западе процесс становления гражданского общества шел от экономики, частной собственности, то в России – через ассоциации индивидов в институте земства, к которым затем привлекался капитал. Сами же предприниматели до открытия Государственной думы первого созыва не имели возможности создавать новые правовые рамки, решали свои проблемы с властью в частном порядке. К тому же, как считает А. Л. Андреев³, определенную роль играла русская православная традиция рассматривать богатство как средство достижения возвышенных целей (благотворительность), в отличие от протестантизма, рассматривавшего хозяйственный успех мирян как угодный Богу⁴.

Земства явились одной из важнейших национальных форм децентрализации власти. В 60-х гг. XIX в. на волне демократического движения в России Александр II смягчил политический кризис с помощью привлечения общества к местному самоуправлению. И хотя земская и городская реформы остались не завершенными, а затем и вовсе были искажены введением в 1889 г. Александром III института земских начальников, они выглядят попыткой в тех условиях реализовать идею формирования гражданского общества «по-русски»⁵. Возможность вообще говорить о гражданском обществе в связи с земством появилась, поскольку в основу реформ их авторами – Н. А. Милютиним и С. С. Ланским – были положены принципы выборности и бессловности. Проект реформ в ходе обсуждения был пересмотрен в пользу консерватизма, но в качестве закона – «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (от 1 января 1864 г.) – сыграл большую роль в активизации общественных сил и приближении конституционных перемен.

Земства находились под постоянным контролем властей, многие решения собраний и управ должны были утверждаться министром или губернатором, а с 1866 г. должностных лиц земских учреждений стало возможным отстранять за «неблагонадежность»⁶. Несмотря на ограниченность в правах, земства сыграли большую роль в просвещении огромной массы крестьянства, стали

первыми учреждениями, где крестьянство получило право выбора и где, несмотря на запреты, складывалась либеральная оппозиция самодержавию. Как справедливо считает Б. Н. Миронов, реформы, размежевавшие управление и общественное самоуправление, стали и фактом, и фактором становления гражданского общества в России⁷.

Однако препятствием для развития гражданского общества оставалась община, которую требовалось преобразовать в организации всего общества, а человека-общинника убедить принять в них участие, преодолев патриархальные соседско-родственные связи. Реформа П. А. Столыпина, которую многие считают несостоявшейся, как раз и была попыткой движения в этом направлении.

Земские службы стали центром притяжения интеллигенции, специалистов, которые, получая весьма скромную оплату, самоотверженно трудились во имя улучшения жизни крестьянского населения. Земскими работниками было сделано чрезвычайно много на ниве народного образования. За полвека земство открыло более 30 тыс. народных школ, где обучались 2 млн человек⁸. Были созданы также специальные учительские школы, выдавались стипендии на подготовку учителей. Развивалась и система внешкольного образования – народные чтения, подготовительные классы для взрослых, книжная торговля. «Земский учитель» – эта характеристика подразумевала высокую профессиональную и нравственную репутацию. Не меньшим уважением пользовался и земский врач. Шло активное строительство земских больниц и амбулаторий с бесплатным лечением, были организованы училища фельдшеров.

Земство также сумело создать разветвленную агрономическую службу. Земские агрономы консультировали крестьян, демонстрировали сельским хозяевам новые технологии, проводили сельскохозяйственные выставки, открывали лаборатории и опытные станции. Чрезвычайно плодотворной была и деятельность земских статистиков, изучавших народное хозяйство и жизнь широких масс населения. Земская статистика в дореволюционной России отвечала мировым стандартам.

Наконец, земство способствовало организации политических сил в стране. В его недрах зародилась группировка «Освобождение», на базе которой возникла конституционно-демократическая партия. Правда, в целом земское движение не отличалось высокой политической активностью.

В пореформенные годы были возвращены и расширены права университетов. Преподавательский коллектив выбирал свою администрацию, определенные функции самоуправления получило и студенчество. Тем не менее с 1880-х гг. власть попечителей и Министерства просвещения опять была усилена.

С 60-х гг. XIX в. в России значительно расширились контингент и типы общественных организаций. Почти во всех губерниях были созданы

сельскохозяйственные общества. В них входили не только помещики, но и – на уездном уровне – состоятельные крестьяне. Попытка создания общероссийского союза сельских хозяев в 1898 г. была блокирована правительством.

Наиболее заметным был рост разного рода предпринимательских организаций. В 1867 г. возникло общество для содействия русской промышленности и торговле с отделением кустарной и ремесленной промышленности. Во многих городах создавались биржевые комитеты, число которых неуклонно росло.

В том же русле проводилась и городская реформа. Сословные органы городского самоуправления, существовавшие еще с 1785 г., заменялись всеобщими на основе имущественного ценза. «Городовое положение» прошло долгое восьмилетнее обсуждение и было принято в июне 1870 г. сначала в 509, затем в 621 городе. Но в отличие от земского самоуправления по всей России, кроме Средней Азии, Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское управление, путем бессловных выборов на 4 года создавались городские думы, из состава которых избирались исполнительные городские управы – городской голова, его «товарищ» – заместитель – и несколько членов.

Однако в отличие от земского самоуправления в городское управление не было доступа основной массе горожан – рабочим, служащим и интеллигенции, – ибо согласно заимствованной прусской системе выборов имущественный ценз был связан с налогами с городских учреждений и недвижимости. Частные плательщики налогов (мужчины с 25 лет), разделенные в соответствии с суммами налогов на три класса, а также платившие в бюджет городские учреждения и общества, церкви и монастыри, получавшие по одному месту в думе, представляли незначительную часть горожан. Причем чем крупнее был город, тем меньше удельный вес избирателей в составе населения. Так, например, в городах с численностью 5 тыс. жителей – это было 10,4%; от 20 до 50 тыс. жителей – уже 4%, в Москве – 3,4%, а в Петербурге – около 2%. Велик был разрыв и между классами крупных, средних и мелких налогоплательщиков-избирателей. Так, в Москве первый класс в думе был представлен в 8 раз большим числом гласных, чем второй, и в 40 раз – чем третий. Деятельность городского самоуправления также жестко контролировалась сверху и ограничивалась хозяйственной деятельностью. Впрочем, в силу низкого уровня участия вопрос о городском самоуправлении затрагивается лишь для того, чтобы показать соответственно минимальные возможности горожан в формировании ассоциаций гражданского общества через систему самоуправления.

Следует подчеркнуть еще одну российскую особенность процесса становления гражданского общества. В сравнении с европейскими

формами он шел не «снизу», в основном через экономические объединения граждан, а через предоставлявшиеся «сверху» возможности ассоциаций в самоуправлении: в сельской местности – большие для дворянства, в городе – минимальные. Возможно, в этом кроется одна из причин повышенного интереса городской интеллигенции к земской профессиональной деятельности. Это было «управляемое самоуправление», вряд ли подходившее под мерки европейской идеологии гражданского общества. Б. Миронов назвал эти особенности «асинхронностью и асимметрией» развития⁹.

Судебная реформа 1864 г., установившая равенство всех граждан России перед законом, была проведена наиболее последовательно. Следствием ее стали ликвидация сословных судов, создание мировых и коронных судов, единых для всех сословий. Они функционировали на основе принципов публичности и гласности, состязательности сторон, независимости судей (назначенный императором судья не мог быть без приговора суда освобожден от своей должности). Наконец, учреждался суд присяжных, которому вменялось в обязанность выносить вердикт о виновности или невиновности подсудимого.

Таким образом, значение для российской истории освобождения российского крестьянства от крепостного права трудно переоценить. Освобождение миллионов крепостных, втягивание помещичьих и крестьянских хозяйств в рыночные отношения, расслоение крестьянства, формирование рынка вольнонаемного труда, ускоренное развитие промышленности – все это прямое следствие крестьянской реформы. Реформа 1861 г. дала толчок для проведения в России других либеральных реформ, и, несмотря на то что в целом они получились непоследовательными и половинчатыми, все же российское общество стремилось к статусу «гражданского». В результате крестьянской реформы миллионы крестьян получили юридическое право стать хозяевами своей собственности и судьбы, составив тем самым второе юридически вольное гражданское сословие. Земства лишь закрепили в организационных структурах скрытно формировавшиеся институты гражданского общества. Несмотря на замедленность, которая была вызвана спецификой условий, в России шел процесс становления идеи и формирования реального гражданского общества. Он был прерван революционными событиями октября 1917 г. и установлением режима, который полностью вытеснил теоретические и практические ростки гражданского общества.

Примечания

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 307.

² См.: Чичерин Б. Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. и комментарии А. В. Полякова и Е. В. Тимошиной. СПб., 1998. С. 30.

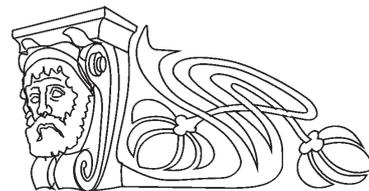
- ³ См.: Андреев А. Л. Становление гражданского общества: российский вариант. М., 1995. С. 22.
- ⁴ См.: Вебер М. Протестантский дух и этика капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁵ См.: Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальной. СПб., 2006. С. 84.
- ⁶ См.: Черных А. И. Гражданское общество в истории России // Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1999. С. 75–77.
- ⁷ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 287.
- ⁸ Пармонов В. Н., Калягин А. В., Коротаева Т. В. Проблемы альтернатив в отечественной истории XIX–XX веков. Самара, 1992. С. 11.
- ⁹ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч.

УДК 321.01(510)

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ МО О ВЗГЛЯДАХ КИТАЯ НА СУВЕРЕНИТЕТ

Е. Г. Богданова

Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ
e-mail: eka.jantoine@mtu-net.ru

В статье автор исследует изменения, происходящие в китайском дискурсе о суверенитете, сравнивает теоретические подходы к вестфальскому идеалу суверенитета на Западе и в Китае, анализирует влияние, которое оказывали исторические условия на понимание Китаем этой нормы международных отношений. Теперь, когда в соответствии с современной теорией международных отношений глобализация вынуждает государства пересматривать свой подход к государственному суверенитету, вызывают интерес пути, по которым идет Китай, чтобы найти компромисс между вопросами государственной безопасности и концепцией абсолютного суверенитета, с одной стороны, и необходимостью отвечать на глобальные вызовы, с другой.

Ключевые слова: суверенитет, вестфальский, Китай, дискурс, глобализация.

Modern IR Theory on Chinese Views on Sovereignty

E. G. Bogdanova

The author examines the changing Chinese discourse of sovereignty, compares Western and Chinese theoretical views on Westphalian ideal, analyses how the historical conditions in China influenced its understanding of this norm in international relations. Now that in accordance with the modern IR theory globalization makes states change their approach to the state sovereignty, it is interesting to see how China reaches a balance between the state security issues and the conception of absolute sovereignty, on one hand, and the necessity to answer to the global challenges, on the other.

Key words: sovereignty, Westphalian, China, discourse, globalization.

Китай часто рассматривают как последний бастион Вестфалии или поборника вестфальской концепции абсолютного суверенитета. Это вполне объяснимо: стремление китайцев закрепить в международной политике принцип приоритета национального государства прослеживается во всех внешнеполитических действиях КНР, будь то борьба за лишение легитимности далай-ламы,

тайваньский вопрос или притязания на владение островами в Южно-Китайском море¹.

В действительности понимание и практика суверенной государственности в Китае исторически были неполными, выборочными, инструментальными и даже противоречивыми. Современный китайский дискурс о суверенитете демонстрирует, что Китай начинает все более неоднозначно относиться к вестфальскому пониманию государственного суверенитета. Риторика Китая по поводу суверенитета и невмешательства во внутренние дела не допускает компромиссов и применялась для отстаивания Китаем своей позиции по Тайваню и Тибету и по правам человека. Но когда речь зашла о вступлении Китая в ВТО, китайское руководство пошло на политические и экономические уступки, что, по сути, нарушало его суверенитет. Защищая собственный суверенитет и территориальную целостность в 1950-х и 1960-х гг., революционный Китай без колебаний поддержал коммунистические восстания в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и делал попытки экспортировать китайскую революцию в соседние страны.

Применение подобных отхождений от норм суверенитета говорит о двух вещах. Во-первых, государственный суверенитет как основной институт и идеал, созданный в Вестфале, видоизменялся в ходе государственной практики. Во-вторых, в то время как вестфальский идеал суверенитета продолжает существовать как системная черта современных международных отношений, на практике государства часто отходят от этого идеала. И Китай здесь не составляет исключения.

Принятие Китаем норм суверенитета в конце XIX в. было вызвано превращением его из империи в нацию-государство, и в этом историческом процессе имперский Китай слабо воспринимал вестфальскую систему международных отношений.

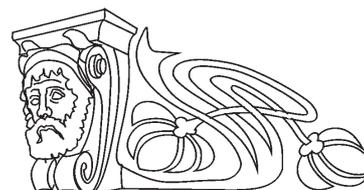
- ³ См.: Андреев А. Л. Становление гражданского общества: российский вариант. М., 1995. С. 22.
- ⁴ См.: Вебер М. Протестантский дух и этика капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁵ См.: Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальной. СПб., 2006. С. 84.
- ⁶ См.: Черных А. И. Гражданское общество в истории России // Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1999. С. 75–77.
- ⁷ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 287.
- ⁸ Парамонов В. Н., Калягин А. В., Коротаева Т. В. Проблемы альтернатив в отечественной истории XIX–XX веков. Самара, 1992. С. 11.
- ⁹ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч.

УДК 321.01(510)

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ МО О ВЗГЛЯДАХ КИТАЯ НА СУВЕРЕНИТЕТ

Е. Г. Богданова

Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ
e-mail: eka.jantoine@mtu-net.ru

В статье автор исследует изменения, происходящие в китайском дискурсе о суверенитете, сравнивает теоретические подходы к вестфальскому идеалу суверенитета на Западе и в Китае, анализирует влияние, которое оказывали исторические условия на понимание Китаем этой нормы международных отношений. Теперь, когда в соответствии с современной теорией международных отношений глобализация вынуждает государства пересматривать свой подход к государственному суверенитету, вызывают интерес пути, по которым идет Китай, чтобы найти компромисс между вопросами государственной безопасности и концепцией абсолютного суверенитета, с одной стороны, и необходимостью отвечать на глобальные вызовы, с другой.

Ключевые слова: суверенитет, вестфальский, Китай, дискурс, глобализация.

Modern IR Theory on Chinese Views on Sovereignty

E. G. Bogdanova

The author examines the changing Chinese discourse of sovereignty, compares Western and Chinese theoretical views on Westphalian ideal, analyses how the historical conditions in China influenced its understanding of this norm in international relations. Now that in accordance with the modern IR theory globalization makes states change their approach to the state sovereignty, it is interesting to see how China reaches a balance between the state security issues and the conception of absolute sovereignty, on one hand, and the necessity to answer to the global challenges, on the other.

Key words: sovereignty, Westphalian, China, discourse, globalization.

Китай часто рассматривают как последний бастион Вестфалии или поборника вестфальской концепции абсолютного суверенитета. Это вполне объяснимо: стремление китайцев закрепить в международной политике принцип приоритета национального государства прослеживается во всех внешнеполитических действиях КНР, будь то борьба за лишение легитимности далай-ламы,

тайваньский вопрос или притязания на владение островами в Южно-Китайском море¹.

В действительности понимание и практика суверенной государственности в Китае исторически были неполными, выборочными, инструментальными и даже противоречивыми. Современный китайский дискурс о суверенитете демонстрирует, что Китай начинает все более неоднозначно относиться к вестфальскому пониманию государственного суверенитета. Риторика Китая по поводу суверенитета и невмешательства во внутренние дела не допускает компромиссов и применялась для отстаивания Китаем своей позиции по Тайваню и Тибету и по правам человека. Но когда речь зашла о вступлении Китая в ВТО, китайское руководство пошло на политические и экономические уступки, что, по сути, нарушало его суверенитет. Защищая собственный суверенитет и территориальную целостность в 1950-х и 1960-х гг., революционный Китай без колебаний поддержал коммунистические восстания в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и делал попытки экспортировать китайскую революцию в соседние страны.

Применение подобных отхождений от норм суверенитета говорит о двух вещах. Во-первых, государственный суверенитет как основной институт и идеал, созданный в Вестфале, видоизменялся в ходе государственной практики. Во-вторых, в то время как вестфальский идеал суверенитета продолжает существовать как системная черта современных международных отношений, на практике государства часто отходят от этого идеала. И Китай здесь не составляет исключения.

Принятие Китаем норм суверенитета в конце XIX в. было вызвано превращением его из империи в нацию-государство, и в этом историческом процессе имперский Китай слабо воспринимал вестфальскую систему международных отношений.

Двадцатое столетие для Китая – это век революций и реформ. Основу переустройства государства составили национализм и коммунизм, основательно трансформировавшие внутреннюю политику Китая и его международные отношения. Его интерпретация идеи суверенитета и практика суверенной государственности зависели от этого особого социального контекста.

В переосмысливании Китая идеи и практики суверенитета как нормы можно выделить три подхода.

Первый подход – националистический. Его разделяли и националистическая, и коммунистическая революции. Это дискурс «века унижений», периода между 1840 г. («Опиумные войны») и 1945 г., когда Китай страдал от империалистической экспансии и захватов, когда неравноправные договоры и экстерриториальные права иностранных держав доминировали в его международных отношениях. Китай не был полностью суверенным до 1943 г., когда Великобритания и США отменили свои экстерриториальные права и привилегии в этой стране. Целью националистической и коммунистической революций было вернуть утраченные территории и восстановить полный суверенитет государства. После 1949 г. сохранение обретенной независимости как суверенного государства и его полноправное членство в международном сообществе приобрело такую же значимость, что и защита завоеваний коммунистической революции.

Второй подход можно назвать революционным. В 1949–1979 гг. Китай выступал за полную трансформацию существующей международной системы и отвергал роль международных институтов, в том числе и ООН. Он открыто противостоял как США, так и СССР. Китай поддерживал идею «мировой революции» и другие радикальные идеи в мировой политике. Его стратегия изменилась от «ворваться в систему» в 1950-х гг. до «разрушить систему» в 1960-х². Некоторые действия революционного Китая вполне подходили под определение Хедли Булла «бунт против Запада»³.

В 1960-е гг. в мире происходит то, что Дэниэл Пилбогг определяет как «революцию в суверенитете»⁴. Китай приветствует идеи равенства и законного требования независимости колониальными народами, оказывает поддержку принципу права наций на самоопределение и движениям за национальное освобождение в Азии, Африке и Латинской Америке. Он спонсирует и поддерживает коммунистические революции и вооруженную борьбу в разных частях света, особенно в Юго-Восточной Азии. Подобные действия, очевидно, противоречат принципу невмешательства во внутренние дела – фундаментальному вестфальскому принципу, принятому в международном сообществе, о принадлежности к которому заявляет Китай.

Третий подход – это подход реализма. Он определяется признанием Китаем точки зрения Гоббса на международные отношения. Китай

негласно признает разделяемую реалистами гоббсовскую логику, согласно которой государства движимы соображениями собственных национальных интересов, международная политика – это состояние войны всех против всех, и эта логика является частью анархии как системного атрибута международных отношений. Война – перманентная черта международных отношений. Государство, чтобы выжить, должно помочь себе само. Маячащая на горизонте угроза ядерной войны, а также территориальное соседство с двумя супердержавами выработали в Китае глубокое ощущение собственной небезопасности как революционной державы и как отдельного государства. В этой атмосфере заявления о священной природе абсолютного суверенитета стали главным принципом в защите государственности Китая.

Здесь пересекаются два подхода Китая к суверенитету – националистического и гоббсовского. Суверенитет и безопасность неразделимы. Должны быть не только удовлетворены все суверенные притязания, но и тщательно соблюдены суверенные права. Только сильное (в военном отношении) государство может эффективно обеспечивать безопасность. Приверженность этой позиции Китай подтверждает ежедневно, так что его растущая военная мощь вызывает серьезную озабоченность как США, так и стран, входящих в зону его экономических интересов, в первую очередь Индии, а также соперничающих с ним в Южно-Китайском море Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Японии и Южной Кореи, которым Китай постоянно ее демонстрирует. «КНР производит и покупает в пять раз больше новых подводных лодок, чем США. Китайцы предусмотрительно сделали акцент на закупку морских мин, баллистических ракет, способных поражать движущиеся цели на море, а также аппаратуры, которая глушит сигналы, поступающие со спутников глобальной системы навигации, от которых зависят американские военно-морские силы»⁵. Готовность Китая применить силу в территориальных спорах привела к частым и длительным конфликтам и войнам с соседями. Утверждение, что Китай не только ревностный служитель *realpolitik*, но также хранитель вестфальских принципов, по-видимому, родилось из его решимости защищать свою территориальную целостность любой ценой в случае с Тайванем⁶.

Социальный контекст, в рамках которого в Китае имеет место дискурс о суверенитете, составляет революция. Китайские революции XX в., как националистическая, так и коммунистическая, по-прежнему объясняют легитимность и действия государства в основном в терминах охраны внешних суверенных притязаний Китая и защиты его территориальной целостности. Его восприятие нового подхода к суверенитету с точки зрения уважения прав человека отставало вплоть до конца 1990-х гг. Иными словами, Китай должен был «догонять» современный дискурс меняющейся

моральной цели суверенного государства. И, тем не менее, при том, что экономические интересы требуют от Китая адаптации своей политики к требованиям и ценностям сегодняшнего мира, он остается верным традиционным приоритетам безопасности и необходимости бороться с политическим вмешательством Запада в свои внутренние дела. События 1989 г. на площади Тяньаньмынь, повлекшие за собой санкции Запада против Китая, служат напоминанием Пекину о взаимосвязанности внутренних и внешних проблем, и руководство Китая все последующие годы реагировало на «осуждающее мнение Запада утверждением, что суверенные права государства важнее прав человека. Оно решительно отказалось принимать демократические институты западного типа и утверждало, что никогда не откажется от возможности применить силу в случае, если Тайвань попытается отделиться»⁷.

В 1978 г. состоялось открытие Китая миру, и тогда же китайское руководство начало проводить экономические реформы, осуществлять трансформацию государства и формировать его новую идентичность как современного и глобализованного. Китай приступил к постепенной адаптации к рынку и глобальному капитализму в своей экономической модернизации. История его экономического успеха демонстрирует не только то, как он приспособился к требованиям глобальной рыночной экономики, но и то, как он капитализировал возможности, открываемые глобализацией.

Вовлеченность Китая в глобализацию и трансформация китайского государства означают, что впервые китайские политики и эксперты смогли принять участие в глобальном дискурсе и дебатах по поводу суверенитета. Китайская социальная и интеллектуальная среда, в которой происходят дискуссии о нормах суверенитета, изменилась окончательно и бесповоротно. Важно отметить, что эти дискуссии происходят в период, когда вестфальские нормы суверенитета подтверждаются глобализацией испытанию на прочность и все это время Китай обсуждает, испытывает и принимает целый ряд глобальных норм как на международных форумах, так и внутри страны. Переосмысление Китаем суверенитета в теории и на практике можно лучше всего понять в рамках социального контекста ускоренной глобализации на рубеже XXI в.

Глобализация бросает политический и интеллектуальный вызов руководству и элитам в Китае, но не потому, что она воспринимается как результат развития глобальной капиталистической рыночной экономики, которую революционный Китай полностью отвергал, и не потому, что считается процессом, контролируемым развитыми экономиками, в частности США как основным ее выгодоприобретателем. Общее мнение в Китае таково, что глобализация разрушает государственный суверенитет, особенно

экономический, который страна так ревностно охраняет. Глобализация видится Китаю губительной для государственного строительства, она способствует экономической уязвимости. Участники дискуссии пытаются получить ответ на вопросы о соотношении китайского национализма и глобализации, оценить риск для Китая снова опуститься до статуса «полуколониальной» страны, исполняющей роль периферии в глобальном разделении труда, определить возможное влияние глобализации на китайские традиционные ценности и государственную идентичность.

Громкие эмоциональные дебаты по поводу противоречий глобализации в Китае – это сегодняшняя реальность его политической жизни. Существуют, однако, и доводы в пользу экономической глобализации. Мощные потоки капитала в Китай и рост торговли – два столпа успеха его стратегии экономического развития, и этот успех подводит к осознанию того, что он – победитель в глобализации. Важно и то, что китайское государство играет уникальную регулируемую роль в продвижении Китая по пути глобализации, и эта роль побуждает Китай принимать глобальные нормы и не сопротивляться трансформации государственной идентичности. Все больше глобализация воспринимается как историческая возможность не только для экономического развития Китая, но и для нового взгляда на государство как таковое. В этом смысле успех Китая как участника процесса глобализации, особенно в экономическом развитии, все больше побуждает к переопределению цели государства с точки зрения китайских элит, что приводит к оспариванию традиционных концептов суверенитета и способствует появлению все большего числа вариантов китайской практики суверенной государственности.

В вопросах, связанных с экономическим суверенитетом, Китай постепенно и осторожно продвигается сквозь многочисленные проблемы, находя необходимые компромиссы между традиционными подходами и требованиями сегодняшнего дня. Например, углубление экономических реформ и открытие страны для расширяющихся требований глобального капитала и инвестиций формулируются в терминах слияния с международными практиками, а не эрозии его суверенитета. Политика, направленная на поиск экономической интеграции Китая, которая предполагает ослабление суверенного контроля, считается необходимой как компенсация одного другим и обязательной в его стремлении к статусу великой державы. Экономическая взаимозависимость укрепляет, а не разрушает суверенитет страны. Эти выводы привели к тому, что Китай не явно, но решительно отказался от идеи абсолютного суверенитета в экономических вопросах.

Китай согласился на множество уступок в обмен на членство в ВТО. Четко предписанное следование графику диктует повестку дня реформ. Механизмы мониторинга можно рассматривать

как явное нарушение китайского суверенитета, понимаемого традиционно. В Китае нередко можно услышать заявления о «продаже интересов Китая Западу ради вступления в ВТО» (как когда-то в далекие 20-е гг. XX в. «общественное мнение» обвиняло Чжан Цзолина в том, что он «продал интересы Китая России»⁸). Однако в целом в Китае нет особых волнений по поводу явного компромисса в подходе к суверенитету и передачи части как политического, так и экономического суверенитета, предполагаемой при вступлении Китая в ВТО. Такой подход – свидетельство того, как далеко зашло переосмысление суверенитета, во всяком случае его экономической составляющей, китайскими элитами. Интересно отметить, что китайские аналитики со все большей убежденностью утверждают, что не экономическая глобализация как таковая ослабляет государственный суверенитет. Государственная политика в отношении активного участия Китая в экономической глобализации может как ослаблять, так и усиливать эффект, оказываемый глобализацией на суверенитет.

Вызов традиционному пониманию суверенитета имеет место также в ряде областей политической сферы. Во время последних дебатов о безопасности, особенно после истории с атипичной пневмонией, китайские элиты стали признавать, что новые глобальные проблемы, такие как защита окружающей среды, изменение климата, эпидемии, глобальный терроризм и международная преступность, – это вызовы не отдельным государствам, а всему мировому сообществу и человечеству в целом. Разрешение этих проблем требует консолидации государственной мощи и выхода за пределы государственного суверенитета. Поскольку государство ответственно за создание ситуации небезопасности, постольку оно и его суверенная практика должны подлежать контролю со стороны международного сообщества, Китай стал принимать участие в операциях ООН по принуждению к миру, изменяется его политика в отношении гуманитарных интервенций, он значительно смягчает свое отношение к принципу невмешательства как основополагающему принципу Вестфальского суверенитета. Недавнее принятие Китаем мультилатерализма как фундаментального института глобальной политики также говорит о новом понимании им суверенной государственности.

Вышеупомянутые дискуссии не переходят, однако, границ, в которых Китай готов подвергать испытанию традиционное понимание норм суверенитета. По вопросам, связанным с территориальной целостностью, в частности с Тайванем, Китай утверждает свой абсолютный суверенитет, и применение силы тут не подвергается сомнению.

В настоящее время в теоретических дискуссиях о суверенитете выделяются следующие два

момента: во-первых, внутри Китая имели место широкие дебаты по вопросам суверенитета, вызванные в целом глобализацией и освещенные глобальными дебатами и дискурсом. Во-вторых, вестфальское понимание суверенитета больше не воспринимается как само собой разумеющееся, даже во внешнем измерении, в китайском дискурсе. Иными словами, суверенитет сформулирован как проблема. Все более глубокая интеграция Китая в международное экономическое разделение труда привела к вариациям в практике суверенной государственности. Китай начал применять уступки своих суверенных прав как условие сделки, чтобы продвигать собственные национальные интересы. В новом неореалистском и неолиберальном понимании этой меняющейся практики суверенитета точкой зрения все больше становится утверждение, что «суверенитет больше не является синонимом национальных интересов, скорее он должен работать на благо общих национальных интересов, а не быть объектом защиты любой ценой»⁹. Это негласное признание того факта, что экономическая глобализация переконструирует суверенитет. Однако в китайском понимании смысл этих уступок – служить укреплению государства через укрепление экономики, а усилившееся государство послужит дальнейшему экономическому росту. Это взаимопереплетение политических и экономических целей отразило заявление, сделанное государственным советником Китая по внешним сношениям Дай Бингуо: «...прежде всего, политическая стабильность Китая, то есть стабильность руководства КПК и социалистической системы; далее, суверенная безопасность, территориальная целостность и национальная унификация и, наконец, устойчивое экономическое и социальное развитие»¹⁰.

Суверенитет, как он был определен Вестфалем, для Китая – неоднозначное понятие. Именно его неоднозначность и расплывчатость позволяют Китаю постоянно переосмысливать его значение со времен присоединения к международному сообществу во второй половине XIX в. Вариации и противоречия интерпретаций и практики суверенитета Китаем в международных отношениях невозможно объяснить, не принимая во внимание специфических исторических условий и социальной среды, в которой он взаимодействует с другими членами международного сообщества. И если в конце XIX в. у имперского Китая не было другого выбора кроме как принять правила, нормы и институты, определенные цивилизацией чуждым ему международным сообществом, основанным на Вестфальской модели, то в XXI в. переосмысление им вестфальского идеала должно стать частью процесса переопределения моральной цели государства, осуществляемого глобальным международным сообществом. В этом состоит сегодня фундаментальный вызов Китая.

Примечания

- ¹ Ло Б. «Постоянная перезагрузка» Китая // Россия в глобальной политике. Т. 8, № 5, сентябрь-октябрь 2010.
- ² Yongjin Zhang *Ambivalent Sovereignty: China and Re-Imagining the Westphalian Ideal, Re-Envisioning the Sovereignty. The End of Westphalia?* / T. Jacobsen, Ch. Sampford, R. Thakur. Ashgate, 2008.
- ³ Bull H., Watson A. (eds). *The Expansion of International Society*. Oxford, Clarendon Press. 1984.
- ⁴ Philpott D. *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*. Princeton NJ, Princeton University Press. 2001.
- ⁵ Каплан Р. Центральная арена XXI века. // Россия в глобальной политике. Т. 7, № 2, март-апрель 2009.
- ⁶ Yongjin Zhang *Ambivalent Sovereignty*...
- ⁷ Wang Jisi *China's search for a grand strategy 2011 Council on foreign relations*. URL: <http://www.ihavenet.com/World-China-Search-for-a-Grand-Strategy-Foreign-Affairs.html> (дата обращения: 15.06.2011).
- ⁸ Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923–1926 г. М., 2008.
- ⁹ Gill B., Reilly J. *Sovereignty, Intervention and Peacekeeping : The view from Beijing's*, 43. *Survival*. Vol. 42, № 3. Autumn, 2000. P. 41–59.
- ¹⁰ Wang Jisi *China's search for a grand strategy 2011 Council on foreign relations*.

Слово молодым политологам

УДК 32

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

А. В. Богданов

Саратовский государственный университет
E-mail: selectedman@yandex.ru

В статье рассматривается категория «молодежная политическая культура», понимание которой осуществляется путем интерпретации таких понятий, как «молодежь» и «политическая культура». Автором выделяются ключевые моменты в понимании молодежной политической культуры на основе определения понятий «молодежь» и «политическая культура».

Ключевые слова: молодежная политическая культура, молодежь, политическая культура.

Socio-political Analysis of the Concept «Political Youth Culture»

A. V. Bogdanov

In the article the category «youth political culture», this is accomplished by understanding the interpretation of concepts such as «youth» and «political culture». The author identifies key moments in the understanding of youth political culture based on the definitions of «youth» and «political culture».

Key words: youth political culture, youth, political culture.

Современное российское общество переживает ряд реформ во всех сферах жизни: создание основ рыночной экономики, гражданского общества и правового государства. Масштабность и глубина происходящих в России перемен свидетельствуют о процессах модернизации, затрагивающих интересы всего общества. В связи с этим необходимо рассмотреть вопросы о воздействии этих реформ на положение наиболее динамичной социальной группы населения – молодежи, потому что именно она претерпевает значительное изменение своих интересов, взглядов, ценностей, культуры.

От того, каковы позиции молодого поколения, каков его облик, зависят социальное развитие общества в целом, культура, мировоззрение; нравственное здоровье молодых определяет судьбу, будущее народа.

В связи с этим представляет научный интерес рассмотрение категории «молодежная политическая культура», которая активно влияет на динамику политической системы, реализуемую в

политическом процессе, во многом предопределяет его направленность, ролевые установки участников, воздействует на ценностно-смысловую характеристику целей социального развития, путей их достижения, степень устойчивости развития общества.

Концепт «молодежная политическая культура» принадлежит к числу понятий весьма сложных для анализа. Причина заключается в сущностной и структурно-функциональной многогранности, полиаспектности этого феномена, которая явилась основанием для формирования разнообразных подходов к изучению этого явления.

Мы согласны с В. А. Крикуновой, что понимание молодежной политической культуры как отдельной категории исследования возможно из интерпретации таких понятий, как «политическая культура» и «молодежь»¹.

Переходя к рассмотрению понятия «политическая культура», следует отметить, что многое в современной политологической науке, относящееся к политической культуре, рассматривалось еще философами древности (Платон, Аристотель, Конфуций), но сам термин появляется впервые только в XVIII в. в работах немецкого философа И. Гердера².

В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. в лоне политологической традиции Запада формируется теория, которая описывает этот вид политических явлений. Огромный вклад в ее исследование внесли американские ученые Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, У. Розенбаум, англичане Д. Каванах и Р. Роуз и др.³

Западные политологи пришли к выводу, что политические отношения определяются не только существующим на данный момент соотношением социально-классовых сил, но также собранными в процессе исторического становления и передаваемыми через культуру понятиями о мире, о тех или иных ценностях, об образцах поведения и т. д.

В данном Г. Алмондом и С. Верба определении политической культуры, ставшем классическим, отмечается, что политическая культура

служит образцом индивидуальных позиций и ориентаций в отношении политики, проявляющихся у членов политической системы⁴.

Как можно заметить, данное понимание политической культуры сводит ее к определенной системе ориентаций на политические объекты или политическое действие, но не включает само действие. В этом случае политическая культура – результат общего мнения относительно того, как следует вести себя членам общества в различных ситуациях.

Но существуют и реальные модели поведения, свойственные в той или иной мере отдельным гражданам, их группам или разным странам, отличающим их друг от друга. Признание факта, что поведенческий аспект политической культуры, характеристика особенностей политического поведения обязательно должны присутствовать в ее понятии, свойственно ныне как многим зарубежным авторам, так и большинству отечественных исследователей, например, В. А. Щегорцову, Ю. П. Ожегову, Э. Я. Баталову, К. С. Гаджиеву, Е. Б. Шестоपाल, Ю. П. Пивоварову и др.⁵

Политическая культура неразрывно связана с политикой, политическими отношениями. Будучи стороной политической системы общества, в которую она включается через политическое сознание, отношения, деятельность, политическая культура отражает степень развития человека как гражданина.

Таким образом, под политической культурой мы понимаем систему представлений, убеждений, установок, моделей поведения людей, просматривающуюся в исторически сложившемся, относительно устойчивом опыте предшествующих поколений, проявляющихся во взаимодействии акторов политического процесса и обеспечивающих функционирование политической жизнедеятельности общества на преемственной основе.

Политическая культура, на наш взгляд, имеет ряд характерных черт: закрепляет устоявшиеся, повторяющиеся связи, отношения между составными частями политического процесса, сохраняет стабильные стороны политического опыта; является результатом исторического формирования общества, итогом политического коллективного труда; имеет тотальный характер, политические отношения «пронизаны, насыщены, пропитаны» политической культурой; характеризует политическое поведение и сознание большей части населения и не сводится к сумме политических субкультур.

Мы рассмотрели понятие «политическая культура» – одну из составляющих концепта «молодежная политическая культура». Это поможет нам лучше проанализировать сущность данного концепта, так как политическая культура молодежи является более узким, частным понятием, чем широкая категория «политическая культура». В свою очередь, политическая культура молодежи имеет свои особенности в силу специфики самой категории «молодежь».

Переходя к анализу понятия «молодежь», следует отметить, что, по мнению ряда авторов, молодежь представляет собой социально-демографическую группу, выделяемую по возрастным признакам. Отличить ее от других социальных групп можно по морально-нравственным ценностям, устремлениям, потребностям, интересам и занимаемому положению в социальной среде (обществе)⁶.

Возраст молодежи многие социологи определяют периодом 16–29 лет включительно. Рассматривая молодежь как поколение, С. И. Иконникова считает, что существенной характеристикой данной социальной группы, помимо возраста, является единство интересов, целей, убеждений, общие переживания и взгляды на жизнь. Иконникова отмечает, что «с возрастом поколение не утрачивает социальных черт, воспитанных эпохой... Важный показатель позиции молодежи в обществе – это общность убеждений, интересов, ценностей, стремлений, симпатий»⁷.

Под молодежью в настоящее время в соответствии с действующими нормативными документами Российской Федерации понимаются граждане в возрасте от 14 до 30 лет включительно, то есть социально активная часть населения, которая представляет собой наиболее перспективную часть наших граждан, желающих обеспечить реализацию своих интересов⁸. Для этой социальной группы характерны: физиолого-биологическое формирование; завершение становления личности; вхождение на равноправных основаниях в главные сферы общественной жизни (политику, экономику, семейные отношения).

Молодежь принято делить на четыре возрастные группы: 14–16 лет – подростки; 17–19 лет – юношество; 20–24 года – собственно молодежь; 25–30 лет – старшая молодежь.

Каждая возрастная группа имеет присущие только ей характеристики – физиологические, психологические, морально-нравственные, мировоззренческие или культурные. В различных странах, городах и местностях одни и те же возрастные группы будут иметь свои особенности политической культуры. Так, по мнению С. И. Никулиной, выделяются следующие возрастные группы в России:

– младшая (15–17 лет) – группа молодежи, «очищенная» от какого-либо советского влияния;

– средняя группа (18–24 года) – переходный период от состояния юности к «молодым взрослым». Молодые люди старшего возраста в этой группе отчетливо помнят свое пионерское, комсомольское детство, но относятся к нему неоднозначно и находятся на пути обучения, становления, построения своего жизненного плана;

– старшая группа (25–30 лет) – эта часть молодежи принимает на себя последствия государственных реформ, и справиться с ними удастся не всем⁹.

Таким образом, под молодежью мы понимаем социально-демографическую общность, которая выделяется на основании всей совокупности физиологических, возрастных характеристик, особенностей социального статуса, социально-психологических черт, уровня и особенностей морально-нравственного, культурного восприятия окружающей действительности.

Мы вплотную приблизились к пониманию концепта «молодежная политическая культура» на основе культурологического и политологического синтеза двух понятий – «политическая культура» и «молодежь».

В первую очередь следует отметить, что проведенный анализ исследований политологов показал отсутствие в западной и отечественной литературе системного подхода к определению понятия «молодежная политическая культура». Поэтому, не претендуя на полноту и неоспоримость, мы даем своё понимание молодежной политической культуры.

Под молодежной политической культурой мы понимаем зафиксированный в традициях и нормах политический опыт молодежи; уровень ее морально-нравственных, ценностных представлений о политической власти и взаимоотношениях государства и общества, которые выражаются в соответствующей деятельности институтов власти; совокупность типичных форм мышления и поведения молодежи в публичной сфере, создающих преюбельность политического развития социума, а также способность оценивать явления общественной жизни и занимать определенную политическую позицию, которая выражается в конкретном социально-политическом функционировании (реальные политические действия).

Примечания

- ¹ См.: Крикунова В. А. Формирование молодежной политической культуры в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2009. С. 12.
- ² См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. (Серия «Памятники исторической мысли»). М., 1977.

- ³ См.: Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С.122–124 ; Verba S. Comparative Politics // Political Culture and Political Development / L.W. Pye, S.Verba (eds.). Princeton, 1965 ; Rosenbaum W. Political culture: basic concept in political science. N. Y., 1975. P. 6–9; Kavanagh D. Political Science and Political Behavior. L., 1983 ; Rose R. The Variability of Party Government // Political Studies. 1969. Vol. 17. № 4.
- ⁴ См.: Алмонд Г.А., Верба С. Указ. соч. С. 122–124.
- ⁵ См.: Щегорцов В. А. Политическая культура: модель и реальность. М., 1990 ; Ожегов Ю. П. Политическая культура молодежи. М., 1980 ; Баталов Э. Я. Политическая культура как социальный феномен // Вестн. Моск. ун-та (Социально-политические исследования). М., 1991. № 5 ; Гаджиев К. С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования. 1991. № 6. С. 69–84 ; Шестопал Е. Б. Личность и политика: критический очерк современных западных концепций политической социализации. М., 1988 ; Пивоваров Ю. С. Концепция политической культуры в современной политической науке / отв. ред. Ю. С. Пивоваров // Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования. М., 1996.
- ⁶ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М, 2000 ; Социология молодежи: учебник / отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996.
- ⁷ Иконникова С. Н. Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974 ; Положение молодежи Санкт-Петербурга. Проблемы, тенденции, перспективы. Ежегодный доклад. Части 1–2 / науч. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 2000.
- ⁸ См.: Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р. URL: <http://vmo.rgub.ru> (дата обращения: 22.04.2010) ; О молодежи. Закон г. Москвы от 28.01.2004 № 4 (ред. от 22.11.2006) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 11. 2004.
- ⁹ См.: Никулина С. И. Политическая культура молодежи Российской Федерации и ее развитие в условиях реформ : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 48.

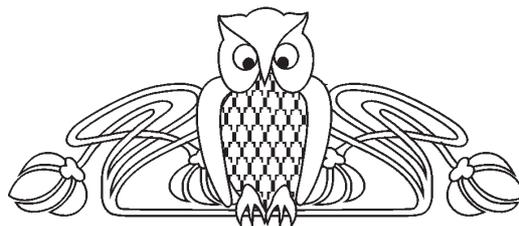

УДК: 321.013

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА УЧРЕЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

В. Е. Бормотов

Саратовский государственный университет
E-mail: victor.bormotov@yandex.ru

В статье анализируются сущностные характеристики политического процесса учреждения государства. Исследуются особенности появления массовых психологических ожиданий относительно политического устройства общества, а также влияние их трансляции к акторам учреждения государства и возникающие в связи с этим противоречия. Формулируется вывод о несоответствии мотиваций массы рядовых граждан и учредителей государства.

Ключевые слова: социальный запрос, учреждение государства, учредительная власть, политический рынок, массовые ожидания, институциональный дизайн.

Features of Formation of the Social Order Establishment of the State

V. E. Bormotov

The publication considers the characteristics of political process of establishment of the state are analyzed. Influence of their translation to actors of establishment of the state, and arising in this connection contradictions is investigated features of occurrence of mass psychological expectations concerning a society political system, and also. The conclusion about discrepancy of psychological motivations of weight of ordinary citizens and founders of the state is formulated.

Key words: social inquiry, state establishment, constituent power, political market, mass expectations, institutional design.

В процессе осознания собственных потребностей у людей формируются запросы – вполне определенный набор требований, воплощение которых должно способствовать их удовлетворению. Соответственно и учреждение государства как всякое социальное изменение является ответом на потребности, которые существуют в обществе. Государство для отправления ряда общезначимых общественных функций материализуется в институтах, берущих на себя их исполнение. В случае неэффективного их функционирования они реформируются, упраздняются, сменяются другими. Особый интерес для изучения представляет ситуация, когда общество не удовлетворено работой государственной системы в целом и требует его замены. В таком случае актуализируется вопрос об обладании властью учредительной как о праве осуществления актов, связанных с реформированием и заменой властных институтов.

Специфика процесса учреждения государства, на наш взгляд, связана именно с особенностями формирования социального заказа на преобразования такого рода. В данной работе главными для нас будут вопросы, каким образом происходит формирование учредительного заказа и как он в конечном счете может влиять на институциональный дизайн государственной системы.

Во-первых, необходимо отметить, что процесс этот длителен, зачастую подспуден, реализация же его происходит довольно быстро, и, как правило, увидеть прямую взаимосвязь массовых ожиданий и социального заказа довольно сложно. Во-вторых, политика начинается именно с рядового человека, с его потребностей, нужд, интересов, выделить же некий общий интерес, к тому же относительно политического устройства, в условиях когда в обществе действует превеликое их множество, как личных, так и групповых, – задача не из легких.

Формирование социального заказа учреждения государства – это всегда результат коллективного творчества, в котором можно выделить несколько элементов, взаимосвязь и взаимодействие которых его порождают и определяют его особенности. От того, каким образом будет протекать это взаимодействие, в конечном итоге зависит характер учреждения государства и определяется конкретный институциональный дизайн государственной системы в дальнейшем. Это массовые ожидания, образующиеся в процессе осознания каждым индивидом собственных потребностей и мотивов, побуждающих его к действиям, в том числе и политическим. Массовые ожидания создают психологический фон отношения общества к государственной системе. Они находят своё рациональное выражение в социальных запросах – конкретных требованиях изменений. Массовые ожидания, выраженные в социальных запросах, образуют своего рода среду политического рынка. Соответственно, на этот рынок выводятся политические товары в виде идей, концепций, идеологий, программ. Социальный запрос остается благим пожеланием, если не подкрепляется определенными ресурсами, главным из которых является поддержка в обществе той или иной

политической силы, и борьба идет прежде всего именно за эту поддержку.

Таким образом, начать необходимо именно с массовых ожиданий как исходного элемента формирования социального заказа. В политической психологии формирование ожиданий связано прежде всего с реализацией потребностей человека, которые дают ему мотивацию к деятельности. Например, А. Маслоу предлагает пятиступенчатую иерархию потребностей: 1) материальные, 2) потребность безопасности, 3) потребность любви, 4) потребность самореализации, 5) потребность самоактуализации¹. Ущемление элементарных материальных потребностей в пище, воде порождает ожидание их удовлетворения и находит своё выражение в конкретных политических требованиях (запросах). П. А. Сорокин писал об этом как об ущемлении «безусловных» рефлексов (трудовых, половых, безопасности и т. д.) человека, что и вызывает, по его мнению, революции².

Однако рядовой гражданин, стремясь реализовать вышеуказанные потребности, чаще всего далек от мира политики и искусства управления государством. Его кругозор, политическая «оптика» во-многом ограничивается сферой повседневных дел и ближайшего окружения, с которыми индивид имеет непосредственный контакт. Политическую жизнь обыватель воспринимает и оценивает сквозь призму фактов, непосредственно касающихся его личного существования³. Например, проводя исследование образов российской власти, группа питерских ученых обнаружила, «что, выражая приверженность демократии, большинство россиян затрудняются сказать, какими же характеристиками обладает эта форма правления»⁴. То есть на эмоциональном уровне, ожидая от демократии позитивных результатов, граждане не могли сказать, каким образом она выстраивается институционально. Далеко не всегда массовое настроение будет соответствовать реальным потребностям и интересам общества. То, что видят и на что могут повлиять исполнители учреждения государства, например через СМИ, рядовому гражданину абсолютно не заметно.

В периоды стабильности граждане в наибольшей степени удовлетворены политикой, а потому менее склонны ею интересоваться. Соответственно, основным заказчиком и исполнителем преобразований выступает само государство. Именно нехватка реализации потребности самореализации и самоактуализации впоследствии повлияла на формирование учредительного заказа на устранение советского строя.

В демократическом обществе гражданин получает, как минимум, больше возможностей для участия в политике, однако большинство этими возможностями не пользуется, являясь, по выражению М. Вебера, «политиками по случаю», для которых участие в политической жизни ограничено голосованием на выборах⁵. Примерно из

этих же посылов исходит и теоретическая модель демократии Й. Шумпетера, в которой доминирующая роль отводится политическим партиям и лидерам, участвующих в конкурентной, «рыночной» борьбе за голоса избирателей⁶.

На наш взгляд, с большей долей уверенности можно говорить о том, что исходные послы различных моделей поведения человека сходны в любой сфере деятельности и корни их лежат в психологической сфере. В этом ракурсе политику можно рассматривать как своеобразный рынок, где торгуют «товарами» особого типа – разного рода идеями, концепциями, в том числе и относительно государственного переустройства, – однако прибыль здесь далеко не всегда выражается в денежной форме. Классическая триада Т–Д–Т (товар – деньги – товар) трансформируется в формулу П–В–П (политика – власть – политика)⁷. Люди здесь выступают в качестве потребителей, Главный вопрос заключается в том, насколько политики способны адекватно ответить массовым ожиданиям и запросам, не обмануть их, манипулируя ими в собственных интересах.

Исходным моментом для нас являются массовые ожидания как основа психологического климата в обществе, формируемые в процессе осознания потребностей и интересов. Эти ожидания выражаются, как правило, в произведениях художественной культуры. Однако, являясь мощным каналом передачи психологического настроя относительно складывающейся ситуации, деятели искусств обычно не предлагают конкретной модели изменений.

В обществе на психологическом уровне восприятия политики каждым индивидом в отдельности формируется представление о том, что действующие институты не способны обеспечить реализацию потребностей человека или же не способствуют этому в должной мере. На этом можно провести границу участия общества в формировании учредительного заказа. Как нами уже было отмечено выше, понимая необходимость изменений, массовое сознание не может предложить конкретных способов и механизмов этих изменений. Ситуация, в которой требуется учреждение новой государственной системы вместо прежней, свидетельствует о глубоком кризисе общества, в том числе и социокультурном. Неопределенность, переходность – основные характеристики учредительной ситуации, которые в том числе касаются и мотивов и потребностей, а как следствие, и ценностей ориентиров общества. Граждане отчетливо ощущают неэффективность прежней системы, требуют нововведений, однако о том, каковы они должны быть на практике, имеют представление довольно-таки смутное. Неспособность политической системы давать адекватные ответы на общественные запросы усиливает состояние массовой психологической неуверенности в будущем. Такая ситуация наиболее благоприятствует появлению на рынке по-

литических мошенников, предлагающих панацею от назревших проблем в обмен на политическую поддержку.

К тому же учредительная ситуация, будучи хронологически кратковременной, является одной из самых насыщенных в политическом отношении. И это вполне объяснимо, ведь тот, кто получает право учреждать государство, фактически и берет власть в свои руки, другими словами, возможная прибыль наиболее максимальна, ведь в доход пойдет не часть власти, как, например, в случае избрания представителей партии в парламент, а вся ее полнота. Если в экономическом отношении учредительная ситуация – это, как правило, период кризиса, то в отношении политическом – период расцвета. На рынок выводится максимальное количество товаров, даже тех, которые долгое время «лежали на полке», и все они в той или иной степени находят своих потребителей, готовых активно поддерживать их реализацию.

Именно неопределенность дальнейшего развития учредительной ситуации порождает большое количество предложений, притом в большинстве созданных политическими теоретиками применительно к другим условиям и совсем в другое время, в основном в идеализированной форме. Исполнители всегда оставляют за собой право трансформировать товар применительно к тем условиям рынка, в которых они его продают. Соответственно, создатель политического товара и исполнители – два субъекта, имеющих друг к другу, как правило, опосредованное отношение. Так было, например, с реализацией демократической идеи в странах посткоммунистической Европы.

Политическая практика показывает, что реализация политической идеи намного эффективней и ближе к ее подлинному смыслу, если исполнитель и создатель являют собой один и тот же субъект, как в случае с американской революцией. Почему так происходит? Исполнитель – политическая сила, осуществляющая учреждение, – состоит из людей особого психологического склада, для которых на первое место выходит именно потребность самореализации и самоактуализации, то, что Ф. Ницше называл «волей к власти»⁸. Соответственно, они берутся за учредительство, зачастую следуя собственным амбициям, политической конъюнктуре, массовому психологическому настрою, не учитывая реальных потребностей и нужд населения.

Главной особенностью формирования социального заказа учреждения является то, что более-менее последовательные представления о том, что именно и каким образом будет учреждаться, имеют, как правило, исполнители, они и формируют социальные запросы, на которые сами же пытаются ответить. На наш взгляд, процесс формирования социального заказа, начинаясь с оформления необходимого массового психо-

логического фона, заканчивается осознанием какими-либо политическими силами необходимости замены, модификации, реформирования политического института или же государственной системы в целом и поиском соответствующих ресурсов на их осуществление. Чем шире круг тех, кто понимает необходимость таковых изменений, тем, во-первых, они эффективнее, а во-вторых, менее болезненны для общества. Вторая предпосылка социального заказа заключается в том, что само функционирование государства или же его отдельных элементов перестает отвечать новым запросам общества, в основе которых лежат потребности. Рядовой человек, сталкиваясь в различных повседневных ситуациях с государством в лице госчиновников и не получая ожидаемого результата от этого взаимодействия, чувствует психологический дискомфорт. Высокий уровень массового психологического дискомфорта формирует ожидание изменений.

Из изложенного выше мы можем выделить следующие особенности формирования социального заказа учреждения государства. Во-первых, политический рынок учредительных предложений формируется на массовом ожидании изменений. Их возможность быть востребованными зависит именно от массовых предпочтений. Имеет место и конкуренция за право выживания на этом рынке, и ее мы именуем политической борьбой. Борьба между проектами-товарами идет именно за получение заказа – конкретных материальных, информационных и других ресурсов на его воплощение в жизнь. Соответственно, тот, кто выигрывает на рынке, и получает учредительную власть для осуществления трансформации государственного устройства. Во-вторых, несоответствие потребностных устремлений рядового гражданина, с одной стороны, заказчика и исполнителя, с другой, ведет к формированию заказа на создание институтов, выгодных в большей степени двум последним из вышеозначенных элементов его формирования в силу преимущественной осознанности их действий, так как они в большей степени представляют контуры предстоящих конкретных институциональных преобразований. В-третьих, заказчики и исполнители, как правило, реализуют товар, к созданию которого не имеют отношения, что зачастую ведет к неверному толкованию идеи в угоду сиюминутным политическим задачам, а соответственно, и к неэффективному, конъюнктурному ее исполнению. В-четвертых, довольно трудно документально подтвердить наличие учредительного заказа. В отличие от экономики, где в основном фигурирует смета расходов, намечаются доходы и т. д., в политике все это остается за кадром, поскольку субъекты, выдающие социальный заказ, стремятся завуалировать, а то и скрыть его, так как их интересы могут и зачастую не совпадают с общественными. В-пятых, реализуют учредительный заказ люди, в харак-

теристике которых понятия «беспринципность», «признание насилия в качестве способа решения проблем», «отрицание права» занимают далеко не последнее место. В-шестых, исполнитель в силу уже названных причин чаще всего стремится к самостоятельному захвату ресурсов и не расположен признавать доминирующего положения заказчика, то есть того, в чьих интересах он действовал, учреждая государство, собственно после получения государственной власти. Соответственно, при учреждении государства велика вероятность построения институциональной системы, далекой от реальных нужд общества, поскольку их очень сложно вычленишь и определить. К тому же интересы сил, осуществляющих учреждения, могут не совпадать с массовыми ожиданиями и находиться в состоянии манипулятивного воздействия со стороны первых на последних. Таким образом, институциональный дизайн, как правило, находится вне прямой связи с массовыми ожиданиями и запросами.

Потенциально такого рода заказчики и исполнители всегда присутствуют в обществе, выход их на политическую сцену во многом зависит от эффективности действующей политической системы. Ждать от рядовых граждан проявления рациональности вряд ли приходится ввиду их очевидной некомпетентности в данной сфере. Общество всегда ожидает от государства,

как минимум, невмешательства в поиск каждым его членом собственного счастья, а как максимум – помощи в этом. Задачи достижения этого результата ложатся на плечи государственной власти. Соответственно, при изучении вопросов, связанных с учредительной властью, повышенное внимание необходимо уделить морально-психологическим, профессиональным качествам, интересам именно исполнителей и заказчиков подобного рода сложных социальных изменений.

Примечания

- 1 См.: Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 1999.
- 2 См.: Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005.
- 3 См.: Баталов Э. Я. Человек, мир, политика. Топология политических отношений. М., 2008. С. 77.
- 4 Образы российской власти: От Ельцина до Путина / под. ред. Е. Б. Шестопаля. М., 2009. С. 32.
- 5 См.: Вебер М. Политика как профессия и призвание. Политические работы, 1895–1919. М., 2003.
- 6 См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- 7 См.: Баталов Э. Я. Указ. соч. С. 60.
- 8 См.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.

УДК 32.019.5 – 053.81

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ

С. Ф. Некрасов

Сибирская академия государственной службы, г. Новосибирск
E-mail: bondar4455@rambler.ru

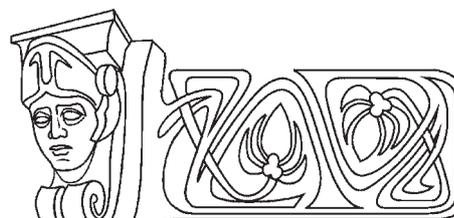
В статье проводится теоретический анализ политической результативности деятельности СМИ по воспроизводству общественного мнения молодежи. Автор утверждает, что результативность деятельности СМИ зависит от политического интереса молодежи и выражается в ее политическом поведении.

Ключевые слова: политическая результативность, эффективность и действенность, деятельность СМИ, воспроизводство общественного мнения, политический интерес, политическое участие, молодежь.

Political Efficiency of Mass Media Activity

S. F. Nekrasov

The article gives a theoretical analysis of political efficiency of mass media activity in reproducing the public opinion of the youth. The author

argues that the efficiency of mass media depends on the political interest of young people and is expressed by their political behavior.

Key words: political efficiency, efficacy and performance, mass media activity, reproduction of public opinion, political interest, political involvement, youth.

При оценке итогов деятельности средств массовой информации исследователи используют понятие «результативность». Результативность – характеристика принципиально относительная, зависящая от того, какие показатели с какими соотносятся. Результативность всегда конкретна, и надо знать, о каком ее виде идет речь в каждом конкретном случае или какой ее вид наиболее важен применительно к конкретной исследовательской ситуации и задаче. Следует помнить,

теристике которых понятия «беспринципность», «признание насилия в качестве способа решения проблем», «отрицание права» занимают далеко не последнее место. В-шестых, исполнитель в силу уже названных причин чаще всего стремится к самостоятельному захвату ресурсов и не расположен признавать доминирующего положения заказчика, то есть того, в чьих интересах он действовал, учреждая государство, собственно после получения государственной власти. Соответственно, при учреждении государства велика вероятность построения институциональной системы, далекой от реальных нужд общества, поскольку их очень сложно вычленишь и определить. К тому же интересы сил, осуществляющих учреждения, могут не совпадать с массовыми ожиданиями и находиться в состоянии манипулятивного воздействия со стороны первых на последних. Таким образом, институциональный дизайн, как правило, находится вне прямой связи с массовыми ожиданиями и запросами.

Потенциально такого рода заказчики и исполнители всегда присутствуют в обществе, выход их на политическую сцену во многом зависит от эффективности действующей политической системы. Ждать от рядовых граждан проявления рациональности вряд ли приходится ввиду их очевидной некомпетентности в данной сфере. Общество всегда ожидает от государства,

как минимум, невмешательства в поиск каждым его членом собственного счастья, а как максимум – помощи в этом. Задачи достижения этого результата ложатся на плечи государственной власти. Соответственно, при изучении вопросов, связанных с учредительной властью, повышенное внимание необходимо уделить морально-психологическим, профессиональным качествам, интересам именно исполнителей и заказчиков подобного рода сложных социальных изменений.

Примечания

- 1 См.: Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 1999.
- 2 См.: Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005.
- 3 См.: Баталов Э. Я. Человек, мир, политика. Топология политических отношений. М., 2008. С. 77.
- 4 Образы российской власти: От Ельцина до Путина / под. ред. Е. Б. Шестопаля. М., 2009. С. 32.
- 5 См.: Вебер М. Политика как профессия и призвание. Политические работы, 1895–1919. М., 2003.
- 6 См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- 7 См.: Баталов Э. Я. Указ. соч. С. 60.
- 8 См.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.

УДК 32.019.5 – 053.81

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ

С. Ф. Некрасов

Сибирская академия государственной службы, г. Новосибирск
E-mail: bondar4455@rambler.ru

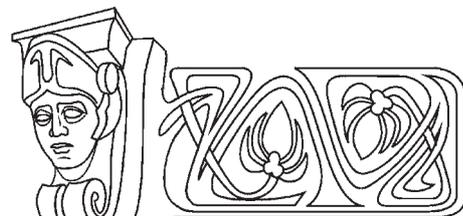
В статье проводится теоретический анализ политической результативности деятельности СМИ по воспроизводству общественного мнения молодежи. Автор утверждает, что результативность деятельности СМИ зависит от политического интереса молодежи и выражается в ее политическом поведении.

Ключевые слова: политическая результативность, эффективность и действенность, деятельность СМИ, воспроизводство общественного мнения, политический интерес, политическое участие, молодежь.

Political Efficiency of Mass Media Activity

S. F. Nekrasov

The article gives a theoretical analysis of political efficiency of mass media activity in reproducing the public opinion of the youth. The author

argues that the efficiency of mass media depends on the political interest of young people and is expressed by their political behavior.

Key words: political efficiency, efficacy and performance, mass media activity, reproduction of public opinion, political interest, political involvement, youth.

При оценке итогов деятельности средств массовой информации исследователи используют понятие «результативность». Результативность – характеристика принципиально относительная, зависящая от того, какие показатели с какими соотносятся. Результативность всегда конкретна, и надо знать, о каком ее виде идет речь в каждом конкретном случае или какой ее вид наиболее важен применительно к конкретной исследовательской ситуации и задаче. Следует помнить,

что нет результативности «вообще» – ее содержание всегда конкретно в ее относительности. В случае с молодежными СМИ это обстоятельство особенно важно.

Исследуя средства массовой информации, следует иметь в виду два типа результатов их деятельности. Они напрямую связаны с двумя типами стоящих перед ними целей: 1) последовательно добиваться положительных результатов при воздействии на мнение студенческой молодежи; 2) целенаправленно отстаивать политические интересы молодежи при влиянии на политические институты. В связи с этим в науке различают понятия «эффективность воздействия СМИ на аудиторию» и «действенность публикаций прессы при влиянии на органы власти».

Таким образом, результативность СМИ складывается из эффективности и действенности. В эти синонимичные, на первый взгляд, понятия исследователи вкладывают разный смысл. Журналистский текст может быть обращен и к студенческой аудитории, и к политическому институту. Об эффективности СМИ говорят, когда речь идет о воздействии на молодежную аудиторию. Под действенностью понимают воздействие на принятие решений и мер различными социальными институтами. Практика показывает, что большая часть материалов СМИ обращена в оба «адреса», и таким образом они обладают тем или иным уровнем и эффективностью, и действенностью.

Следует отметить, что деятельность по воспроизводству общественного мнения является деятельностью целеполагающей. Редакции средств массовой информации всегда ставят перед собой определенную цель, причем успех деятельности определяется степенью реализации этой цели. Поэтому результативность можно определить как отношение результата к цели (результативность = результат / цель). Следовательно, эффективность деятельности СМИ – это результат достижения цели при воздействии на общественное мнение молодежи (эффективность = результат формирования общественного мнения / цель формирования общественного мнения). Эффективность воздействия СМИ на молодежь тем выше, чем в большей степени результаты соответствуют целям.

В свою очередь, действенность – это результат реализации государственными и политическими институтами политических требований студенческой молодежи, которые нашли свое выражение в публикациях периодических изданий (действенность = результат выражения общественного мнения / цель выражения общественного мнения). Действенность выступления прессы тем выше, чем в большей степени полученный результат соответствует поставленным целям. Средства массовой информации, в отличие от первых трех ветвей власти, обращает внимание П. Н. Киричк, «не могут кому-либо указать или

приказать, что-либо дать или отобрать. Они могут публицистическими средствами одобрить или осудить политические факты, события, явления и морально-побудительными настояниями понудить властный институт к разумному, с ее точки зрения, действию. Оружие прессы – авторитет публицистического слова»¹. Содержащиеся в материалах СМИ предложения, советы, рекомендации и требования не должны «пропадать» для социальной практики. Их изучение и реализация должностными лицами и организациями, ответственными за конструктивное реагирование на выступление прессы, – это ответная реакция на обращения молодежной аудитории.

Отправной точкой теоретического анализа и практического измерения политической результативности, как мы склонны полагать, является определение цели деятельности редакций газет и журналов по воспроизводству общественного мнения. Вне определения цели постановка вопроса о результативности бессмысленна. Высокий уровень результата и, соответственно, высокая степень политической результативности в значительной степени зависят от верной, четкой, реалистической постановки политической цели, которая решается средствами массовой информации в течение определенного времени с ориентацией на данную студенческую аудиторию. Поэтому с определения цели начинается всякая деятельность по результативному журналистскому воздействию на общественное мнение и поведение молодежи и политиков.

Важным моментом в определении окончательной цели является вопрос о масштабе, иерархии, соотношении возможных целей. И. Фомичёва писала: «Цели деятельности СМИ в целом и цель отдельного журналистского выступления не однопорядковы. В зависимости от масштаба деятельности оказывается конкретность, длительность цели, ее соотношение с целями других уровней, субординация с одновременными целями»². Следовательно, характеризуя политическую эффективность деятельности СМИ, можно вести речь как о промежуточных целях журналиста, связанных с созданием отдельного произведения, так и о стратегических целях всей системы СМИ по формированию общественного мнения и направленности поведения студенческой молодежи.

В практической работе перед средствами массовой информации неизменно возникает необходимость формулирования цели, то есть оптимального словесного выражения объективной потребности и студенческой молодежи, и политических институтов. Цель, будучи субъективным предвосхищением желаемого результата, вырабатывается и формируется субъектами политики. Если при этом недостаточно ясны объективные основы целеполагания или недостаточно уточнены реальные предпосылки, выдвигаемая цель может иметь в своем содержании те или иные неточности или даже носить субъективный характер. Поэтому

сама постановка цели нуждается в серьезном обосновании и проверке точности ее определения.

Следует подчеркнуть, что цели деятельности печатных СМИ по воспроизводству общественного мнения производны от лежащих в их основе интересов как объекта, так и субъекта. Рассуждая о механизме влияния интереса на выработку цели общественно-политической деятельности, Л. Е. Ильичёва подчеркнула: «...политический интерес – это избирательное отношение человека к каким-либо политическим явлениям, событиям, процессам, политической деятельности, основанное на его мировоззренческих принципах, убеждениях, установках. Это тот внутренний осознанный источник политического поведения, который побуждает человека к постановке определенных политических целей и конкретным политическим действиям для их достижения»³.

В связи с этим результативность периодических изданий определяется соотношением цели их деятельности с интересами и субъекта, и объекта. «Появление у социального субъекта интереса к кому-либо или к чему-либо, – заметила А. Н. Гончарова, – создает основу для постановки промежуточных и конечных целей его деятельности, оценки окружающей действительности с позиции поиска оптимальных условий реализации целей и удовлетворения имеющихся потребностей»⁴. СМИ имеют дело с большим количеством разнообразных носителей интересов (государственные структуры, политические партии, общественные организации, группы интересов), которые имеют сложно переплетенные разноуровневые и разнокачественные интересы. Отсюда и многообразие целей, которые стоят перед редакциями периодических изданий.

Подчеркнем, что, определяя цель как основание для расчета эффективности и действенности выступлений периодических изданий, необходимо учитывать интересы субъектов политики, прежде всего в политической информации, а также реальную возможность удовлетворения этих интересов в данное время. В аналитическом докладе Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия по этому поводу говорится: «Применительно к журналистской деятельности эффективность СМИ определяется степенью реализации поставленных общезначимых целей с учетом объективных информационных потребностей аудитории»⁵. Если учитывать современную реальность, утверждает А. Е. Зимин, «пресса в подавляющем большинстве случаев – представитель интересов, посредник в большой политической игре за власть. Она может отражать интересы государства, являясь его собственностью, либо выражать политические амбиции кругов, стремящихся к власти и обладающих достаточным капиталом для реализации своих намерений...»⁶. В такой ситуации моло-

дежи остается довольствоваться лишь тем, что ей «перепадет» от общего «информационного пирога».

Результатом, которого добиваются средства массовой информации в своей деятельности, являются эффекты – конкретные изменения в сознании и поведении и молодежи, и представителей властных структур. Каждое воздействие СМИ дает определенный эффект – больший или меньший, положительный или отрицательный, преднамеренный или непреднамеренный, прямой или косвенный результат. Среди последних особое место занимают нежелательные эффекты, как отмечал Е. Прохоров, «...результат журналистской деятельности при рассмотрении ее эффективности характеризуется объемом реальных позитивных изменений в состоянии сознания и определяемого им поведения аудитории. При этом под позитивными изменениями надо понимать и формирование новых элементов, и преобразование, развитие, обогащение в необходимом направлении уже имеющихся, и ликвидацию негативных, вредных, тормозящих развитие данного слоя аудитории»⁷. Аналогичные изменения происходят в сознании и поведении представителей властных структур.

Для СМИ очень важно определить точно полученный результат. Подчеркнем, что главным показателем продуктивной деятельности СМИ является конечный, а не промежуточный результат. К сожалению, сегодня А. А. Вилков замечает: «Реальные результаты заменяются постоянными технологическими коммуникационными эффектами, которые превращаются в самоцель, скрывают нереализованные программы, лозунги и обещания, отвлекают людей от действительных причин их бедственного положения и постоянных трудностей»⁸. И такая ситуация будет продолжаться, пока в обществе не назреет потребность в социально ответственной журналистике.

Итог воздействия средств массовой информации может зависеть от многих обстоятельств. «Каков бы ни был результат (позитивный, негативный, закономерный, случайный, задуманный или возникший под влиянием каких-то обстоятельств), – пишет Г. В. Атаманчук, – следует выявить условия, факторы, ресурсы и все иное, что способствовало его возникновению»⁹. Среди условий и факторов, определяющих эффективность и действенность воздействия СМИ, мы выделяем: социально-политическую позицию самого информационного средства и характер содержания его сообщений; круг авторов из молодежной среды и органов государственной власти; общественно-политические и социально-демографические характеристики аудитории, ее информационные потребности, интересы и предпочтения; социальные условия, в которых происходит коммуникация. На наш взгляд, действие этих условий и факторов в современных условиях

проявляется не в повышении, а в снижении результативности деятельности СМИ.

Так, в аналитическом докладе Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия оценка экспертами деятельности российских СМИ несет негативную окраску. В докладе подчеркивается: «Среди главных факторов, влияющих на эффективность функционирования СМИ, эксперты выделили невысокий уровень профессионализма журналистов, влияние политической цензуры на объективность предоставляемой информации, заказной характер статей и телевизионных передач, отсутствие альтернативных точек зрения, однонаправленность информации и т.д.»¹⁰. Согласимся, что низкий уровень профессионализма журналистов, отсутствие всестороннего анализа проблем, односторонняя подача материала и другие факторы отрицательно влияют на эффективность деятельности СМИ.

Изучение проблем политической результативности функционирования СМИ одним из важнейших «выходов» имеет практическое значение: разработку общих требований к журналистской деятельности и формирование конкретных рекомендаций применительно к определенным социально-политическим условиям, состоянию аудитории, кадров журналистики и т. д. Знание потребностей и интересов аудитории, ее стремления получать информацию определенной проблематики, типа повествования, круга авторов, направленности дает основания для программирования эффективной работы по достижению высоких конечных результатов. Близость публикуемых материалов потребностям и интересам студенческой аудитории позволит установить и поддерживать с ней продуктивный контакт.

Примечания

- ¹ *Киричек П. Н.* Публицистика и политика: природа альянса. Саранск, 1995. С. 12.
- ² *Фомичёва И.* Социальные потребности и интересы – основа определения эффективности СМИ / Проблемы эффективности журналистики / под ред. Я. Засурского, З. Шумберы. М., 1980. С. 27.
- ³ *Ильичёва Л. Е.* Лоббизм и интересы предпринимательства. М., 2000. С. 12.
- ⁴ *Гончарова А. Н.* Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. М., 2001. С. 10.
- ⁵ Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия / Аналит. докл. Науч. центра соц.-экон. мониторинга Респ. Мордовия [О. А. Богатова, О. В. Белянина, А. А. Зинин и др.]. Саранск, 2008. С. 28.
- ⁶ *Зимин А. Е.* Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005. С. 23.
- ⁷ *Прохоров Е.* Понятие эффективности журналистики / Проблемы эффективности журналистики / под ред. Я. Засурского, З. Шумберы. М., 1980. С. 23.
- ⁸ *Вилков А. А.* Мифологический фактор в современной российской политике // Мифология политической власти : материалы науч. семинара, 18–19 нояб. 2002 г. / редкол.: Н. И. Шестов (отв. ред.) [и др.]. Саратов, 2003. С. 13.
- ⁹ *Атаманчук Г. В.* Управление: сущность, ценность, эффективность. М., 2006. С. 375.
- ¹⁰ Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия... С. 30.

УДК 316.344.42

О ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

А. В. Юдин

Саратовский государственный университет
E-mail: yudinav86@list.ru

В предлагаемой статье определяется понятийно-категориальный аппарат социально-философской концептуализации геополитического риска. Особое внимание уделяется понятиям «коллективное сознание», «социальное пространство» и «социально-политическая деятельность».

Ключевые слова: политика, геополитика, риск.

About Conceptual and Categorical Apparatus of the Socio-philosophical Conceptualization of Geopolitical Risk

A. V. Yudin

In this article we defined concepts and categorical apparatus of the socio-philosophical conceptualization of geopolitical risk. Particular

проявляется не в повышении, а в снижении результативности деятельности СМИ.

Так, в аналитическом докладе Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия оценка экспертами деятельности российских СМИ несет негативную окраску. В докладе подчеркивается: «Среди главных факторов, влияющих на эффективность функционирования СМИ, эксперты выделили невысокий уровень профессионализма журналистов, влияние политической цензуры на объективность предоставляемой информации, заказной характер статей и телевизионных передач, отсутствие альтернативных точек зрения, однонаправленность информации и т.д.»¹⁰. Согласимся, что низкий уровень профессионализма журналистов, отсутствие всестороннего анализа проблем, односторонняя подача материала и другие факторы отрицательно влияют на эффективность деятельности СМИ.

Изучение проблем политической результативности функционирования СМИ одним из важнейших «выходов» имеет практическое значение: разработку общих требований к журналистской деятельности и формирование конкретных рекомендаций применительно к определенным социально-политическим условиям, состоянию аудитории, кадров журналистики и т. д. Знание потребностей и интересов аудитории, ее стремления получать информацию определенной проблематики, типа повествования, круга авторов, направленности дает основания для программирования эффективной работы по достижению высоких конечных результатов. Близость публикуемых материалов потребностям и интересам студенческой аудитории позволит установить и поддерживать с ней продуктивный контакт.

Примечания

- ¹ *Киричек П. Н.* Публицистика и политика: природа альянса. Саранск, 1995. С. 12.
- ² *Фомичёва И.* Социальные потребности и интересы – основа определения эффективности СМИ / Проблемы эффективности журналистики / под ред. Я. Засурского, З. Шумберы. М., 1980. С. 27.
- ³ *Ильичёва Л. Е.* Лоббизм и интересы предпринимательства. М., 2000. С. 12.
- ⁴ *Гончарова А. Н.* Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. М., 2001. С. 10.
- ⁵ Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия / Аналит. докл. Науч. центра соц.-экон. мониторинга Респ. Мордовия [О. А. Богатова, О. В. Белянина, А. А. Зинин и др.]. Саранск, 2008. С. 28.
- ⁶ *Зимин А. Е.* Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005. С. 23.
- ⁷ *Прохоров Е.* Понятие эффективности журналистики / Проблемы эффективности журналистики / под ред. Я. Засурского, З. Шумберы. М., 1980. С. 23.
- ⁸ *Вилков А. А.* Мифологический фактор в современной российской политике // Мифология политической власти : материалы науч. семинара, 18–19 нояб. 2002 г. / редкол.: Н. И. Шестов (отв. ред.) [и др.]. Саратов, 2003. С. 13.
- ⁹ *Атаманчук Г. В.* Управление: сущность, ценность, эффективность. М., 2006. С. 375.
- ¹⁰ Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия... С. 30.

УДК 316.344.42

О ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

А. В. Юдин

Саратовский государственный университет
E-mail: yudinav86@list.ru

В предлагаемой статье определяется понятийно-категориальный аппарат социально-философской концептуализации геополитического риска. Особое внимание уделяется понятиям «коллективное сознание», «социальное пространство» и «социально-политическая деятельность».

Ключевые слова: политика, геополитика, риск.

About Conceptual and Categorical Apparatus of the Socio-philosophical Conceptualization of Geopolitical Risk

A. V. Yudin

In this article we defined concepts and categorical apparatus of the socio-philosophical conceptualization of geopolitical risk. Particular

attention is paid to the concepts of «collective consciousness», «social space» and «socio-political activity».

Key words: politics, geopolitics, risk.

Интерес к социально-философскому осмыслению концепта «геополитический риск» обусловлен структурными сдвигами глобального геополитического пространства на рубеже XX–XXI вв., возрастанием роли национального фактора в культурной жизни этносов и наций, возникающими геополитическими опасностями при передвижке государственных и цивилизационных границ национальных социумов.

Цель настоящей работы – определить понятийно-категориальный аппарат концептуализации, проанализировать одно из его генерализирующих понятий.

Чтобы понять явление, необходимо понять способ его происхождения и развития, воссоздать и реконструировать систему «органическое целое» (понятие, разработанное в немецкой классической философии), внутри которой концепт с необходимостью возникает. В процессе «погружения в основания» (Гегель) допускается, что «геополитическое» метафизически зиждется на восприятии индивида (группы индивидов) перманентного противостояния Больших пространств. Система пространства как «органическое целое» внутри себя культивирует противостояние и противоположность пространственных целостностей. Проблема специфического восприятия пространства, особого отношения к нему индивида (группы индивидов) в конечном итоге сводится к проблеме сознания, которая основана на объединяюще-разъединяющем принципе восприятия¹.

Любое противостояние предполагает активность, а значит, деятельность. Кроме того, само сознание выступает в качестве функционального органа деятельности. Структурирование пространства возможно через внутренние структуры сознания индивида (-ов) и через их внешнюю пространственно-практическую деятельность. В философском концепте геополитического риска «деятельность» выступает как органическое целое, позволяющее общественному феномену «прорасти» в социальной реальности.

В теоретико-познавательный оборот концепт-проблемы риска введены социально-философские понятия «коллективное сознание», «социальное пространство», «социально-политическая деятельность», выступающие как органически цельные системы, задающие универсум понятийно-категориального аппарата социально-философской концептуализации. В единстве этих понятий основным производителем геополитического риска (человеку и обществу) приписывается принципиально важная функция – через способность человеческого сознания и социально-политическую деятельность качественно

«проработать» и трансформировать социальное пространство, существенно отредактировать его «идентификационные» характеристики, придав ту форму, которая изначально ставилась субъектом риска в качестве цели².

Изложенные суждения позволяют сформулировать одно из «родовых» положений социально-философской концептуализации – происхождение и возникновение геополитического риска модулируется в единстве понятий «коллективное сознание», «социальное пространство», «социально-политическая деятельность». В теоретическом смысле они представляют собой смыслообразующие формы мысли о геополитическом риске, его субъекте и объекте, одновременно являясь и категориями для определения его истоков.

Одним из генерализирующих понятий здесь выступает понятие «социально-политическая деятельность». Как полагает В. Лекторский, «коллективный субъект выявляет себя... не столько через внутренние структуры сознания, сколько через внешнюю предметно-практическую коллективную деятельность»³. Она в геополитическом риске есть не что иное как социальная деятельность в ее геополитической специфике.

По словам В. Устьянцева, «риск всегда опосредован человеческой деятельностью и, обретая устойчивые формы, способен превратиться в территорию риска»⁴.

Предлагаемый нами структурно-функциональный анализ понятия «социальная деятельность» позволит обозначить территорию геополитического риска, определяя, тем самым, социально-философский «каркас» его теоретической матрицы. Философское развертывание этого понятия полагается на многоуровневую систему анализа. Первый уровень, где социально-философский подход в соответствии с психологической теорией деятельности (основоположники теории – С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев) выделяет в структуре социального действия (как изначальной формы социальной деятельности) «цель» и «мотив». Цель – это образ желаемого результата, на достижение которого непосредственно направлено действие; мотив – это то, что побуждает субъекта риска достигать данную геополитическую цель, то есть совершать геополитическое действие. Единство геополитического риска в качестве социального действия выступает как единство тех геополитических целей, на которые он направляется, и социальных мотивов, из которых он исходит.

Второй уровень, – тот, где социально-философский подход в соответствии с геополитическими теориями выделяет в структуре деятельности «общественные потребности» и «национальный интерес». Первое – это образ «нужды», ибо, как полагает В. Давыдов, «без понимания того, что такое нужда, органическая и

духовная, и как она превращается в потребность, ничего о деятельности сказать нельзя»⁵. Нужда и потребность в дополнительном жизненном пространстве, сырьевых ресурсах, в национализме⁶ для обеспечения жизнеспособности нации, для реализации ее «политических устремлений» (К. Хаусхофер). Второе – потребность и интерес национальных сообществ в обеспечении безопасности и сохранении территориальной целостности собственного жизненного пространства, а также, по словам З. Бжезинского, «...в удовлетворении своих национальных устремлений, направленных на получение больших территорий, либо чувства национальной утраты, в связи с потерей “священной” земли»⁷.

Потребности предпосланы целевым причинам геополитической деятельности. Они стоят за желаниями политических элит, стремлениями наций и этносов, определяют их, «дают» на коллективное сознание, ориентируют его в соответствующем направлении, заставляют делать то, что, возможно, не нужно делать. Другой фактор деятельности – интерес – это и свойство субъекта, выражающее его отношение к необходимым средствам удовлетворения потребности, а также и явление человеческого сознания, соотносимое с целями, мотивами геополитической рискодеятельности. Сознание переводит потребность в осмысленную цель этой деятельности. А осознанные потребности выражаются в системе либо национальных, либо частных интересов политической элиты.

Третий уровень – тот, где социально-философский подход в соответствии с коммуникативными теориями (Ю. Хабермас, Н. Луман, Т. Парсонс) выделяет в структуре социального действия формы организации совместной деятельности субъектов геополитики как основных политических «игроков» социального пространства, каналы и способы коммуникации между нациями, этносами, политическими элитами как основными производителями и потребителями геополитического риска. В этом случае социальное действие обретает функциональный характер, встраиваясь в сложную систему взаимодействия субъектов геополитики, интеракций между ними, координирующих совместные геополитические проявления. «Так в действия втягиваются не только потребности и интересы, цели и мотивы, но и отношения с другими субъектами взаимодействия, стремящиеся упорядочить эти отношения и создающие возможность коллективных действий»⁸.

В теоретической матрице геополитического риска «социальное действие становится бесконечно расширяющимся конструктом»⁹. Здесь формируются культурно-исторический и социокультурный пласты концепта «геориск» – различительные особенности социальных пространств, стандартизация и типизация геополитических действий, – устанавливаются необ-

ходимые коммуникативные связи, регулируемые социальным управлением.

Четвертый уровень – тот, где социально-философский подход в соответствии с институциональным аспектом анализа выделяет в структуре социального действия нормы и правила, функционирующие в общественных устройствах социумов. Они закрепляются как легитимно, так и неформально в деятельности различных институтов и организаций (ООН, НАТО, ОВД, Группа восьми, террористические организации). По мысли В. Устьянцева, «в самой действительности риски выступают состоянием человеческой деятельности, состояниями развития различных институтов или организаций, могут выступать в качестве объектов управления»¹⁰.

Пятый уровень – тот, где социально-философский подход в соответствии с ценностным аспектом выделяет в структуре социального действия общественные ценности, геополитические идеи, идеологические программы и планы (перцептивные, креативные и мыслительные) в соответствии с волей и желанием субъектов, формируя через социоинтеллектуальную деятельность духовно-ценностное, идеологическое пространство геополитического риска.

В теоретической матрице риска социальная деятельность определяется как системно-целостный процесс во времени и социальном пространстве с выделением следующих функциональных подсистем: причиняющей, образующейся из потребностей и жизненно значимых интересов; идеально-регулятивной, которую образуют механизмы сознания – геополитические цели, программы, мотивы; операциональной как совокупности взаимодействия геополитических субъектов, их активности, направленной на пространственные преобразования социального мира; результативной, состоящей из последствий рискодеятельности субъектов. Развитие этого системно-целостного и функционального комплекса полагается на социальную регуляцию и политическое управление. И здесь под регуляцией понимаются обеспечение соответствующей коммуникации, установление необходимых связей и координация действий социальных субъектов, поддержание определенного уровня организации в осуществлении пространственного преобразования социального мира. Политическое управление претендует на регулирование связей и отношений между субъектами геополитических действий. Социальное управление есть регуляция совместным поведением геополитических субъектов.

Таким образом, коллективное сознание, социальное пространство и социально-политическая деятельность формируют особую территорию геополитического риска со своими целями, мотивами, потребностями, интересами и желаниями, «внутренней деятельностью воли» (Дильтей), ценностными ориентациями, взаи-

моотношениями и взаимодействием. Основными типами взаимосвязи территорий геополитического риска выступают пересечение и взаимопроникновение, раскрываемые через категории «инверсия», «различение», «регуляция» и «управление».

Примечания

- ¹ «Объединяющее» исходит из самого древнейшего взгляда человека на пространство в целостном, нерасчлененном, как неизменно данном восприятии мира в целом. «Разъединяющее» культивировалось по мере возрастания адаптации архаичного индивида к окружающему пространству. Маршруты охоты и собирательства, поиск и освоение удобных природных условий для стоянок, раздела и хранения добычи – все это включало в себя углубляющее психологическое освоение пространственных отношений среды обитания как предпосылку их изменения, реконструкции и структурирования.
- ² Последний представлен дифференциями субъектных типологий: индивид (группа индивидов), государство,

объединения и блоки государств (принятые в геополитике).

- ³ Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1981. С. 283.
- ⁴ Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. С. 150.
- ⁵ Давыдов В. В. Последние выступления. М., 1998. С. 9.
- ⁶ Потребность в национализме выделяет отечественный философ Л. Бляхер, понимая под ним «реакцию на незавершенный и/или подвергшийся деструкции процесс национальной самоидентификации, своеобразный механизм ее восстановления и завершения» (см.: Л. Бляхер. Потребность в национализме или национальном самосознании на Дальнем Востоке России // Полис. 2004. № 3. С. 44).
- ⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска // Геополитика. Антология. М., 2006. С. 454–455.
- ⁸ Чеснокова В. Предисловие // Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 11–12.
- ⁹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 12.
- ¹⁰ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 152.

УДК 329 (470)

«ПАРТИЯ ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДОВ

А. Е. Домашенко

Ульяновский государственный университет
E-mail: dom-andrey@yandex.ru

В статье рассматриваются различные подходы к исследованию феномена «партия власти» в современной российской политике. Отмечено, что наличие различных позиций по данной проблеме может служить продуктивным стимулом для дальнейшего анализа этого политического явления.

Ключевые слова: партия власти, политический процесс, политический режим.

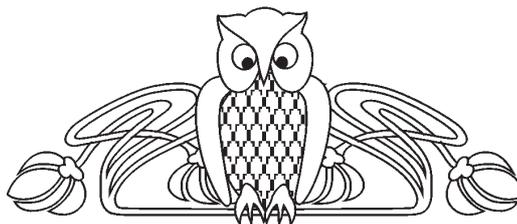
«Party of Power» in the Modern Russia Political Science: the Problems of Approaches Development

A. E. Domashenko

The author analyzes some major point of views on features of modern Russian "party of power". Special emphasis is placed on the conceptual framework generated by productive and high promising discussion process.

Key words: party of power, political process, political regime.

Под понятием «партия власти» мы подразумеваем партию, движение или блок, создаваемый

правящей группой для реализации определенных политических целей. В качестве «партий власти» в данной статье упоминаются: блок «Выбор России», движение «Наш дом – Россия» (НДР), межрегиональное движение «Единство», политическая партия «Единая Россия».

Феномен «партия власти» стал одним из основных элементов политической реальности в современной России. В связи с исключительной важностью данной политической структуры для политического процесса в России «партия власти» находится в фокусе пристального внимания многих ученых, политиков, журналистов и общественных деятелей. В этой статье мы рассмотрим основные точки зрения, посвященные «партии власти», и попробуем разобраться в современном состоянии проблематики данного феномена.

При всем разнообразии работ политологов, социологов, публицистов, политиков и политических консультантов, посвященных «партии власти», их объединяют, как минимум, два общих

моотношениями и взаимодействием. Основными типами взаимосвязи территорий геополитического риска выступают взаимопересечение и взаимопроникновение, раскрываемые через категории «инверсия», «различение», «регуляция» и «управление».

Примечания

- ¹ «Объединяющее» исходит из самого древнейшего взгляда человека на пространство в целостном, нерасчлененном, как неизменно данном восприятии мира в целом. «Разъединяющее» культивировалось по мере возрастания адаптации архаичного индивида к окружающему пространству. Маршруты охоты и собирательства, поиск и освоение удобных природных условий для стоянок, раздела и хранения добычи – все это включало в себя углубляющее психологическое освоение пространственных отношений среды обитания как предпосылку их изменения, реконструкции и структурирования.
- ² Последний представлен дифференциями субъектных типологий: индивид (группа индивидов), государство,

объединения и блоки государств (принятые в геополитике).

- ³ Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1981. С. 283.
- ⁴ Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. С. 150.
- ⁵ Давыдов В. В. Последние выступления. М., 1998. С. 9.
- ⁶ Потребность в национализме выделяет отечественный философ Л. Бляхер, понимая под ним «реакцию на незавершенный и/или подвергшийся деструкции процесс национальной самоидентификации, своеобразный механизм ее восстановления и завершения» (см.: Л. Бляхер. Потребность в национализме или национальном самосознании на Дальнем Востоке России // Полис. 2004. № 3. С. 44).
- ⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска // Геополитика. Антология. М., 2006. С. 454–455.
- ⁸ Чеснокова В. Предисловие // Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 11–12.
- ⁹ Парсонс Т. Указ.соч. С. 12.
- ¹⁰ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 152.

УДК 329 (470)

«ПАРТИЯ ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДОВ

А. Е. Домашенко

Ульяновский государственный университет
E-mail: dom-andrey@yandex.ru

В статье рассматриваются различные подходы к исследованию феномена «партия власти» в современной российской политике. Отмечено, что наличие различных позиций по данной проблеме может служить продуктивным стимулом для дальнейшего анализа этого политического явления.

Ключевые слова: партия власти, политический процесс, политический режим.

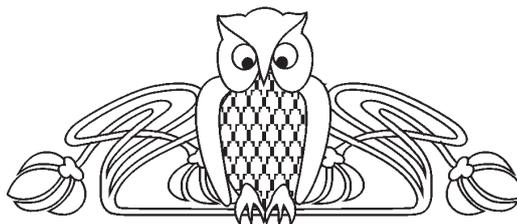
«Party of Power» in the Modern Russia Political Science: the Problems of Approaches Development

A. E. Domashenko

The author analyzes some major point of views on features of modern Russian "party of power". Special emphasis is placed on the conceptual framework generated by productive and high promising discussion process.

Key words: party of power, political process, political regime.

Под понятием «партия власти» мы подразумеваем партию, движение или блок, создаваемый

правящей группой для реализации определенных политических целей. В качестве «партий власти» в данной статье упоминаются: блок «Выбор России», движение «Наш дом – Россия» (НДР), межрегиональное движение «Единство», политическая партия «Единая Россия».

Феномен «партия власти» стал одним из основных элементов политической реальности в современной России. В связи с исключительной важностью данной политической структуры для политического процесса в России «партия власти» находится в фокусе пристального внимания многих ученых, политиков, журналистов и общественных деятелей. В этой статье мы рассмотрим основные точки зрения, посвященные «партии власти», и попробуем разобраться в современном состоянии проблематики данного феномена.

При всем разнообразии работ политологов, социологов, публицистов, политиков и политических консультантов, посвященных «партии власти», их объединяют, как минимум, два общих

взгляда на эту политическую структуру. Во-первых, несмотря на степень ангажированности авторов, все они признают зависимость «партии власти» от правящей группировки, что в определенной степени противоречит идее демократии. Во-вторых, авторы признают современное состояние «партии власти» как переходное в силу недостаточной развитости отечественных политических институтов.

Если говорить коротко, а потому неизбежно схематично, работы, исследующие феномен «партия власти», можно классифицировать следующим образом.

1. Исследование «партии власти» сквозь призму концепции Русской Власти: И. Глебова, О. Иванова, Ю. Пивоваров, Н. Седых, А. Федотов, А. Фурсов и др.

2. Исследование институциональных условий для становления и развития «партии власти»: Г. Голосов, А. Лихтенштейн и др.

3. Работы, изучающие «партию власти» в разрезе политических элит и партийной системы: Л. Андрусенко, С. Васильцов, О. Гаман-Голутвина, Д. Лайпанова, Н. Медведев, С. Обухов, А. Рябов, А. Соловьёв, С. Устименко, С. Хенкин и др.

4. Исследование «партии власти» через установившийся политический режим: В. Гельман, В. Лоскутов, Т. Становая и др.

5. Исследование электоральных практик «партии власти»: В. Кувалдин, А. Макаркин, М. Малютин и др.

Отправной точкой абсолютного большинства исследований «партии власти» является тезис о том, что главной целью этой партии является сохранение власти правящей группы, а все остальные политические действия «партии власти» – производные от этой цели.

Одним из первых исследований «партии власти» были работы С. Хенкина, изучавшего партию «НДР» как элемент сложившейся партийной системы. Согласно мнению данного исследователя, появление первой «партии власти» было обусловлено необходимостью для правящей группы перед выборами сформировать лобби в правительстве и укрепить связь с региональными элитами. Однако «НДР» не стала успешной «партией власти», так как не смогла справиться со своим главным предназначением – обеспечить сближение общества и исполнительной власти и способствовать структурированию политического пространства¹.

Позднее А. Лихтенштейн и Г. Голосов в своих публикациях анализировали влияние «институционального дизайна» на появление и развитие «партий власти», роль этого института в политической системе современной России. Согласно их исследованиям, «партия власти» предстает институтом, формирование и функционирование которого усиливают президентскую власть и способствует бесконфликтному взаимодействию ветвей власти². Авторы концентрируются лишь

на институциональных факторах, повлиявших на становление и эволюцию «партии власти», что существенно ограничивает теоретическую значимость данного подхода.

Одним из наиболее популярных в исследовании «партии власти» стал подход Ю. Пивоварова – он изучает этот политический феномен через выявление сущности «русской власти». По его мнению, русская система власти моноцентрична и несовместима с публичной политикой. Однако власти для осуществления своей политики необходимы посреднические структуры, такие как «партия власти». «Партия власти» в рамках этого подхода предстает в виде некоего новообразования, «властной плазмы»³, в границах которой могут происходить различные конфликты, не разрушая при этом общества. А. Фурсов, используя концепцию Русской Власти, отмечает две главные функции «партии власти» – регулирую отношения между господствующими группами и воздействие на элиты и общество⁴. К этой же категории относятся работы И. Глебовой, соединившей исторический и субстанциональный подход для создания теоретической модели «партии власти». По ее мнению, «партия власти» выполняет главным образом функции легитимации и контроля политического пространства в регионах⁵. Продолжая логику концепции «русской власти»⁶, О. Иванова и А. Федотов приходят к выводу, что «партия власти» не является чем-то новым для России, она – лишь форма контроля государством общественных процессов, соответствующая условиям демократической ситуации⁷. Исследует «партию власти» через фундаментальные свойства Русской Власти также Н. Н. Седых. Отмечая авторитарно-монологическую рассогласованность власти и общества, он характеризует «партию власти» как надежное средство уменьшения рисков власти и инструмент нейтрализации (или минимизации) влияния электората на политику в России⁸.

Думается, концепция Русской Власти правильно устанавливает приоритеты при исследовании «партии власти»: ключ к пониманию этого феномена находится в природе действующей власти, а не в партийном или электоральном поле.

Исследование «партии власти» как элемента партийной системы и в разрезе установившихся политических элит дает много интересных выводов, которые, впрочем, вписываются в одну общую картину и сущностно не противоречат друг другу. Однако среди исследователей есть и определенные расхождения во взглядах на эту тему.

С. Устименко и А. Иванов, используя субстанциональный и структурно-функциональный подходы, выделяют, помимо функций консолидации элит, легитимации власти и контроля над парламентом, еще и функцию кадрового резерва⁹. А. Соловьёв, анализируя феномен «партия власти» через формат сложившейся партийной системы, выделяет те же функции «партии вла-

сти» – управление электоральным процессом, представительство в парламенте, оттеснение конкурентов бюрократии, контроль над политическими силами в регионах¹⁰. Однако данный автор выделяет новую модель взаимосвязи «партии власти» с правительством. В партии «Единая Россия» партийная верхушка перемещается непосредственно в элиту исполнительной власти, что, по сути, «встраивает» партийные механизмы в структуру правительства.

Анализ «партии власти» в рамках структурно-функционального подхода представлен в работах О. Гаман-Голутвиной. Исследователь подчеркивает, с одной стороны, полную зависимость «партии власти» от правящей элиты и отмечает ряд функций, возложенных на нее: представление интересов власти в парламенте, роль электоральной машины на выборах, ограничение власти региональных лидеров¹¹. С другой стороны, эффективность выполнения этих функций «Единой Россией» осложняется ее внутренним составом: в нее входят не только люди с разными политическими взглядами, но и различные финансово-промышленные группы, конкурирующие между собой. В этой ситуации роль «партии власти» как средства сохранения и обеспечения моноцентризма существенно осложняется.

Л. Андрусенко также отмечает слабую управляемость последней версии «партии власти», что является следствием масштабы и разнородности «Единой России». По мнению автора, роль «партии власти» как выразителя воли правящей группы зависит от количества и качества чиновников, имеющих к этой партии отношение. «Партия власти» исключительно важна для правящей группы, так как обеспечивает контроль парламента и служит электоральной машиной¹². По логике данного исследователя, причина существования «партии власти» заключается в рентоориентированном поведении правящей группы, в ее нежелании модернизировать политическое пространство России, а также стремлении максимально снизить риски дестабилизации своего положения.

Ключевой тезис перечисленных концептуальных построений подтверждается и в работах С. Васильцова, С. Обухова, посвященных анализу законодательной деятельности «Единой России» и ее внутренней структуры. Исследователи отмечают преемственность «партии власти» от КПСС в методах, составе, внутренней структуре и подтверждают полную зависимость последней «партии власти» от Администрации президента в вопросах законодательства¹³.

Одним из исследователей, наиболее подробно изучавших эволюцию «партии власти» в политическом процессе в современной России, стал А. Рябов. Признавая сохранность суперпрезидентского режима как главную гарантию существования «партии власти», автор отмечает две ее ключевых функции: согласование

интересов разрозненных элит и контроль поведения значимых для власти групп¹⁴. Однако роль «партии власти» в политическом процессе ограничивается другими факторами: она не стала каналом рекрутирования политической элиты и неспособна достичь широкого социального консенсуса ввиду наличия глубоких различий в политических установках разных социальных групп.

Д. Лайпанова и Н. Медведев изучали «партию власти» через стратегию правящей группы и отмечали, что она способна минимизировать нестабильность президентско-парламентской системы правления¹⁵. Создание «партии власти» приводит к увеличению политического влияния президента и выгодно с точки зрения минимизации затрат на сохранение доминирующего положения правящей группы.

В. Гельман, рассматривая «партию власти» сквозь призму установившегося политического режима, напротив, утверждает, что использование стратегии доминирования «партии власти» приводит к большим краткосрочным издержкам, однако сулит правящей группе долгосрочные выгоды. Исследователь подчеркивает, что роль «партии власти» в принятии политических решений на всех уровнях власти незначительна. К тому же у этой партии нет рычагов влияния на общественность и административный аппарат. Характерно, что в превращении «партии власти» во влиятельный субъект политики не заинтересованы ни административный аппарат, ни правящая группировка, которой выгодно видеть в ней лишь электоральный и законодательный придаток исполнительной власти¹⁶.

В. А. Лоскутов, рассматривая различные попытки построения «партии власти» через их историческое предназначение и важность этих политических образований для самой власти, наделяет последний проект «партии власти» гораздо большим уровнем свободы и субъектности. Согласно его мнению, «Единство» стало наиболее успешной «партией власти», потому что создавалось не только для сохранения власти, но и для ее развития и совершенствования¹⁷. «Единая Россия», по мнению данного автора, – партия, обеспечивающая власть. Помимо задач легитимации и сбора голосов, В. А. Лоскутов выделяет для «Единой России» задачу кадровую и идеологическую, в чем другие авторы, в частности В. Гельман и А. Рябов, «партии власти» отказывают.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Научные работы, посвященные «партии власти», конструируют модель политической организации, которая создается правящей элитой для сохранения своей власти. «Партия власти» призвана выражать позиции власти в парламенте, упрощая процесс принятия и реализации политических решений, объединять электорат вокруг находящейся у

власти группировки, а также консолидировать политические и экономические элиты на федеральном уровне и в регионах. К тому же «партия власти» – инструмент управления властью обществом в условиях демократизации и сохранения доминирующего положения правящих элит.

Наращение противоречий во мнениях исследователей «партии власти» по мере развития и укрепления этой политической организации свидетельствует о том, что в дальнейшем исследование «партии власти» может дать толчок к потенциально плодотворному анализу.

Примечания

- ¹ См.: *Хенкин С.* «Партия власти»: российский вариант // *Pro et Contra: Властители России.* 1996. С. 32–45.
- ² См.: *Голосов Г. В., Лихтенштейн А. В.* «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // *Полис.* 2001. № 1.
- ³ См.: *Пивоваров Ю.* «Партия власти: от идеи к воплощению» // *Независимая газета.* 2005. 12 окт.
- ⁴ См.: *Фурсов А.* «Продукт смуты» // Приговоренные к власти : материалы совместного заседания Экспертного совета политической науки и клуба «Свободное слово» на тему «Партии власти и контрвласти в России». URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=1584&issue=42> (дата обращения: 21.06.2011).
- ⁵ См.: *Глебова И. И.* Партия власти // *Полис.* 2004. № 2. С. 85–92.
- ⁶ Пишется с большой буквы, так как, согласно концепции Ю.Пивоварова, Русская Власть является тотальной и всеобъемлющей; она является доминирующим субъектом всей русской истории.
- ⁷ См.: *Иванова О. В., Федотов А. С.* «Партия власти» как выражение «Русской системы» в современных условиях // *Власть.* 2006. № 12.
- ⁸ См.: *Седых Н.* «Партии власти» как особое явление политической жизни современной России // *Власть.* 2003. № 12.
- ⁹ См.: *Устименко С., Иванов А.* «Партия власти» в современной России: ретроспектива и перспектива // *Власть.* 2003. № 8.
- ¹⁰ См.: *Соловьёв А. И.* Квазипартийные образования в поле российской политики : Конференция «Формирование партийных систем в современной России и послевоенной Германии: сходства и различия» // *Власть.* 2003. № 12.
- ¹¹ См.: *Гаман-Голутвина О. В.* Российские партии на выборах: картель «хватай всех» // *Полис.* 2004. № 1. С. 22–25.
- ¹² См.: *Андрусенко Л.* Момент истины для «партии власти», 2009. URL: www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=156&tek=8412&issue=225 (дата обращения: 21.06.2011).
- ¹³ См.: *Васильцов С., Обухов С.* «Единая Россия»: попытки превратиться из «партии власти» в «партию для власти», 2007. URL: <http://www.cipkr.ru/research/ind/08042007vlast.html> (дата обращения: 21.06.2011).
- ¹⁴ См.: *Рябов А.* Пока не началось // *Апология.* 2005. № 8.
- ¹⁵ См.: *Лайпанова Д., Медведев Н.* «Партия власти»: российская специфика, 2009. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2007/polit26.html> (дата обращения: 21.06.2011).
- ¹⁶ См.: *Гельман В.* Тупик авторитарной модернизации / *Pro et contra.* 2009. № 5–6.
- ¹⁷ См.: *Лоскутов В. А.* Партия власти или краткий курс политологии для начинающих партийных функционеров // *Чиновник.* 2002. № 12.

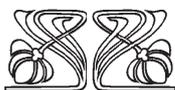
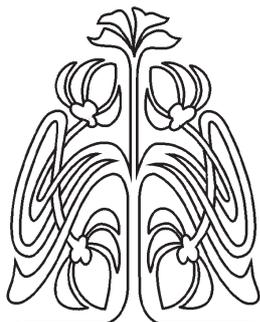
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

23 марта 2011 г. в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского прошло очередное заседание теоретического семинара Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН), посвященное обсуждению научного доклада доцента кафедры политических наук СГУ Г. М. Барашкова «Гражданское общество и его аналоговые формы».

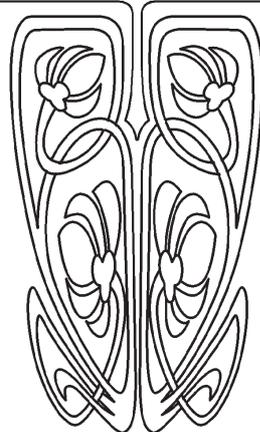
В семинаре приняли участие: *Шестов Николай Игоревич*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ, председатель Саратовского регионального отделения РАПН; *Барашков Григорий Михайлович*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Данилов Михаил Викторович*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Сергеев Сергей Геннадьевич*, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Овчарова Ольга Геннадьевна*, д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной академии права (СГАП); *Труханов Виктор Александрович*, д-р полит. наук, профессор кафедры истории и социологии политики СГАП; *Тарасов Илья Николаевич*, д-р полит. наук, профессор кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета; *Митрохин Владимир Алексеевич*, д-р ист. наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Мишин Кирилл*, магистрант СГУ направления подготовки «Государственная политика и управление»; *Кичигин Григорий Алексеевич*, аспирант СГАП.

Ниже прилагается стенограмма обсуждения научного доклада:

Шестов Н. И. Добрый день, уважаемые коллеги! Для сегодняшнего очередного заседания нашего семинара заявлена тема «Гражданское общество и его аналоговые формы». Григорий Михайлович подготовил обстоятельный научный доклад, по которому я ему высказал свои предварительные соображения, и некоторые из них были включены в текст доклада. Хотелось бы специально остановиться на том формате, в котором, как мне кажется, обсуждение этой темы могло бы в дальнейшем выйти за рамки нашего семинара и послужить, например, основой хорошей докторской диссертации или сетевого научного проекта. Тема научного доклада подсказана противоречивой логикой дискуссий, которые сегодня идут по вопросу о перспективах построения гражданского общества в России, перспективах либеральной демократии в мире вообще. Оценки перспектив аналитиками даются разные, часто противоположные. Но все они основаны на представлении, что был в прошлом или есть сегодня некий идеал (эталон) гражданских отношений, к которому надо всеми силами стремиться по «магистральной дороге цивилизации», проложенной «западными» демократиями. В роли «идеала» чаще всего фигурирует современная либеральная демократия в ее европейских и американских вариациях, или российский опыт рубежа XIX–XX столетий. Даже противники внедрения этого «эталона» в российскую практику de facto исходят из признания его существования и реальной угрозы его материализации в российских условиях. В итоге, по истечении не одного десятка лет научного обсуждения вопроса о перспективах демократии в России, мы относительно четко представляем себе, что в идеале мы хотели бы получить или чего нам следует опасаться. Но очень смутно представляем себе, что делать, если мы этого не получим. Если, как это наглядно показал

ПРИЛОЖЕНИЯ

последний мировой кризис, демократический процесс в отдельно взятой стране, осуществляющей либеральную модернизацию, уже необратим, но довести его до идеального результата в виде образцового гражданского общества, построенного по западной или почвенной модели, невозможно. Невозможно, скажем, по причине нехватки внутренних ресурсов или в результате влияния внешнеполитических обстоятельств. Нетрудно спрогнозировать по аналогии с тем, как сегодня научно и публицистически осмысливаются другие ключевые проблемы отечественной истории и современности (перспективы развития государства, права, экономических отношений, культуры), что в такой ситуации нацеленность на идеальные образцы приведет политическую мысль в вопросе об итогах гражданского строительства к банальному выводу, что «жить как все нормальные люди» российскому обществу, в принципе, не дано, но и жить так, как оно живет, тоже нельзя. И, соответственно, нужна очередная ломка политической системы под лозунгом: «Так жить нельзя!» – и расчистка стройплощадки под очередной эксперимент с очередным идеалом, который позволил бы России вырваться из «оков» собственной истории. Мы сегодня сталкиваемся с каким-то внутренним протестом исследователей против признания того достаточно очевидного факта, что все идеальные модели социально-политических отношений и институтов создают они сами. А политическая практика постоянно рождает модели крайне несовершенные, но именно потому и способные к саморазвитию на основе внутренних противоречий. И в реальном мире этих «несовершенных» и быстро развивающихся моделей, в частности моделей «гражданских обществ», гораздо больше, чем тех, которые среди аналитиков принято считать образцово-показательными. Сам по себе возникает вопрос: что в данном случае – совершенство или несовершенство – определяет ту самую «магистральную дорогу современной цивилизации», о которой часто рассуждают политологи и публицисты? Проблема в том, что процедуры сравнения исследуемых объектов с эталонами проще, а потому вроде бы эффективнее: результат получаем быстро. Вопрос лишь в качестве результата. А результат таков, что на вопрос, что делать, чтобы создать в России гражданское общество, наука отвечает: «А делать нечего, кроме как продолжать решать нерешаемые задачи!». Тут проблема качества результата, как мне кажется, вытекает из общей стилистики нашего политологического мышления. Мы привыкли мыслить так, что у каждой вещи есть определенное предназначение. Каждый политический институт создается для того, чтобы выполнять определенные функции. Мы ориентируем научный поиск на эти функции и если их не находим или находим не там, то говорим о неполноценности системы, в которую институт входит. В этом смысле демократия в мире существует уже двести

лет как доминирующая сила в весьма корявом формате. Почти нигде институты демократии не выполняют в полном объеме тех функций, которые им предписаны теорией, а эти функции берут на себя «недемократические» институты. Почему бы не признать эту ситуацию естественной и допустить, что, даже зная, для чего предназначены конкретные институты, люди могут создавать их для решения совсем других задач, чем те, которые им предписаны теорией. Мы упрощенно смотрим на творческие возможности обществ, полагая, что они могут действовать только в пределах готовых рецептов. А общества просто приспособливают известный им институциональный и процедурный инструментарий для решения других задач по аналогии с уже решенными. В результате мы имеем устойчивую форму, наполненную вариативным содержанием. Имеем инструмент, используемый по разным назначениям. Это можно определить как процесс выработки аналоговых форм и процедур в современной политике, благодаря которым социально-политические системы, очень разные по направленности и свойствам развития, удерживаются в одном политическом пространстве и опознают в других себе подобных. По сути, именно эти аналоговые формы позволяют протекать политическим процессам параллельно на самых различных уровнях и позволяют архаичным и новаторским моделям политической организации сосуществовать в этих процессах.

Этот подход нам позволяет свести воедино некоторые нестыкующиеся концы. Почему демократия есть в разных странах, но она везде разная? Почему практика демократического развития почти повсеместно отклоняется от нормальных норм этого развития? Почему мы говорим, что перспективой будет демократия мирового развития, но как-то не видим особого энтузиазма у многих политических сообществ в продвижении этого проекта? Современные общества одолевают, скорее, другие, более практические, более жизненные проблемы, связанные с сохранением своей культуры, самобытной экономической, политической, правовой идентичностью, то, что объединяют понятием «глокализация», – альтернативные процессы, протекающие на фоне глобализации. И, может быть, этот подход и позволяет подойти к пониманию феномена стабильности современного политического пространства, в котором разные по динамике и развитию политические системы, продуцируя такие аналоговые формы, как маячки, по которым они распознают своих и чужих. Они, в общем-то, сохраняют свое положение в едином политическом пространстве, они опознают себя именно как партнеров по современному политическому процессу, поверх каких-то формальных международных соглашений, договоров. Сейчас по ситуации в Ливии быстро опознали и своих, и чужих конфликтующие стороны поверх всех формальных соглашений. Казалось бы, Лига арабских государств гораздо ближе к той же Ли-

вии по формальным каким-то показателям, чем США, но конфигурация интересов выстроилась совершенно по другим линиям. Своих опознали не по признакам каким-то вот формальным, институциональным, а именно по смыслу, заложенному в эти институты. Как было бы важно, чтобы в Египте была демократия, но когда зашел разговор о союзнических отношениях, сразу сказали, ну а почему бы и нет, почему бы существующие там институты не признать демократическими. Пусть они отличаются по функциям от классических демократических институтов, но по смыслу, по сути пусть будут демократическими. Мы их признаем таковыми. Вот это общий формат проблемы, а ее конкретный формат, непосредственно касающийся гражданского общества, Григорий Михайлович коротко сейчас обозначит.

(См. статью Н. И. Шестова, Г. М. Барашкова в предыдущем выпуске).

Шестов Н. И.: Из приведенного фактического материала более или менее понятно, что, когда мы говорим о современных обществах, участвующих в мировом политическом процессе, мы имеем ряд форм, которые сложно привести к одной модели, и тем более сложно ассоциировать с нашими теоретическими представлениями о том, какая должна быть «правильная», «настоящая» демократия. Но, согласитесь, исключать из поля нашего зрения такие сообщества, как Африка, Индия, Китай, Латинская Америка, тоже неправильно. Значит, имеет смысл думать о том, под какой теоретической крышей, в рамках каких теоретических процедур этот материал можно будет скомпоновать, свести, чтобы иметь устойчивые представления о векторе развития.

Уважаемые коллеги! Вам предложен ряд вопросов, вокруг которых можно строить свои размышления, а можно на них не ориентироваться – если есть какие-либо другие соображения, то, пожалуйста.

Данилов М. В.: Насколько понятие демократии способно отразить специфику современных политических процессов? На мой взгляд, понятие демократии должно отразить не столько специфику, сколько общее в разных странах мира, поскольку демократия в общем у нас одна на самом деле – западная демократия. Если мы будем говорить об африканской демократии, то это утопия. Нет там никакой демократии. Навязывание вот этого ярлыка, там нет ничего на самом деле. Демократия – это набор процедур определенных и отражает общее в разных странах мира, а вычленив общее, мы, естественно, оставляем специфику.

Насколько необходима специфика политического процесса в разных странах для будущего прогнозирования их глобального благоустройства? Здесь, безусловно, специфика необходима. Единственное, что будущее глобального устройства, его прогнозирование возможно с двух позиций: линейного и нелинейного развития. Что касается линейного развития из прошлого в буду-

щее, это один вариант прогнозирования участия стран в глобальном благоустройстве. А есть ещё и нелинейная логика. На примере современной Африки, казалось бы, не самые цивилизованные общества – Египет, Ливия, Тунис – оказались способны к совершенно непредсказуемой смене политических режимов.

Третий вопрос – применение понятия аналоговых форм для выявления политических, пространственных и временных характеристик касательно российского политического процесса. Здесь, на мой взгляд, отправной точкой является политико-психологическая позиция автора. Если мы считаем сегодня Россию особым континентом, особой цивилизацией, это одна позиция. Если мы все таки считаем Россию частью западной цивилизации, пусть и не очень передовой ее частью, но, тем не менее, стремящейся именно туда, – другая. И перспективы от этого зависят. Не один проект из тех, которые Григорий Михайлович продемонстрировал, американский или неамериканский и так далее. Уж точно такие отдельные цивилизации успешными не были в бытовом развитии человечества. Поэтому тут надо понять, хотим ли мы дальше подчеркивать самость российской цивилизации либо берем курс на западные ценности, институты, органы, и тогда речь пойдет об аналоговых формах в России, об адаптации, привитии этих форм.

Сергеев С. Г.: Концепт гражданского общества снижал популярность в отечественных общественных науках с конца 1980-х гг. Вплоть до начала 2000-х гг. теория и практика гражданского общества виделась и анализировалась как некая антитеза вездесущему государству, заставляющему жить по навязываемым им правилам. Одновременно гражданское общество представлялось неким идеалом организации политической жизни социума, воплощенным в реальность обществами западных стран.

Безусловно, сам концепт гражданского общества был сформулирован на Западе. Поэтому, обращаясь к соответствующей тематике, российские исследователи вольно или невольно свою рефлексию обращают на социальную, политическую, экономическую и в целом государственную организацию западного мира. «Западное» понимание правового государства, места и роли прав и свобод человека и гражданина, гражданства и гражданственности выступает образцом для более или менее корректного сравнения. При этом зачастую отечественные ученые упускали из виду очевидное обстоятельство: гражданское общество на Западе понималось как не-политический по своей природе феномен. В российском восприятии оно изначально было наполнено политическим смыслом и пафосом.

И в политической, и в политологической отечественной традиции в категорию «гражданское общество» изначально закладывался «антигосударственный» смысл. Гражданское общество, по

мнению его апологетов, должно было выражать собой сферу реализации частных интересов, само-управления и само-определения отдельного человека, семьи, объединения граждан. В таком качестве оно мыслилось как социальная конструкция, противостоящая государству – выразителю всеобщих интересов.

Однако уже в начале 2000-х гг. подход к пониманию предназначения гражданского общества и характера его взаимоотношений с государством кардинально меняется. Политические реалии периода «вертикализации» всяческих сколько-нибудь социально значимых отношений перестраивают концепт гражданского общества из контрагента государства в его же сателлит. Именно этот качественный переход позволяет нам сделать вывод о мифологичности гражданского общества в текущих отечественных реалиях.

Гражданское общество следует анализировать как искусственно наполняемую смыслом мифологему, имеющую несомненный операционализированный практический смысл. При этом важными факторами выступают два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, понятие «гражданское общество» активно применяется не только учеными (как некая теоретическая абстракция), но и действующими политиками и политтехнологами. Во-вторых, оно до сих пор остается категорически неопределенным или хотя бы не консолидированным в понятийном отношении. Как следствие, в концепт могут закладываться если не противоположные, то весьма отличающиеся смыслы.

Под прикрытием «построения гражданского общества» становится возможным результативное применение инструментария политической инженерии, что наглядно продемонстрировала российская власть. Ярким примером этого служит создание и функционирование Общественной палаты РФ, общественных советов в федеральных округах и общественных палат в субъектах Федерации и муниципальных образованиях. Эти органы анонсируются как структуры гражданского общества, хотя являются в чистом виде результатом целенаправленного институционального креатива, осуществленного государством и ничего общего не имеющего ни с гражданской само-деятельностью, ни с общественным самоуправлением.

Искусственное создание властью «российской модели гражданского общества» не только проявляет, но и подчеркивает мифологичность концепта. В то же время данное обстоятельство позволяет нам высказать теоретически значимое предположение о центр-периферийности его структурного построения.

«Центром» концепта в таком случае будут выступать не оспариваемые специалистами принципы организации и функционирования, основные черты и характеристики гражданского общества (например, самоорганизация, самоуправление,

самообеспечение). «Периферией» же должны выступить национально-самобытные проявления и формы (например, особенности взаимодействия с государством и личностью, особенности социального устройства в целом и работы социальных механизмов в частности).

Такой подход позволит дооформить общую теорию гражданского общества и вместе с тем продуктивно анализировать конкретные национальные модели, не увлекаясь идеализированной компаративистикой. Кроме того, обозначенный подход делает возможным понимание гражданского общества как определенной достигнутой социумом стадии социального развития. Нам представляется, что предложенная методология исследования тематики гражданского общества позволяет раскрыть значительный эвристический потенциал рассматриваемого концепта и получить достоверные научные результаты, отсекающие его мифологические и идеологические составляющие. Внеконституционные политические институты в таком случае могли бы выступить своеобразным маркером, позволяющим отделить предмет научного исследования от продукта политтехнологического построения.

Внеконституционные политические образования не могут рассматриваться в рамках теории гражданского общества, поскольку имеют собственную природу и предназначение. Они относятся к сегменту институционального подсистемы, непосредственно связанному с осуществлением публичного управления. Хотя применение внеконституционных структур не носит властного характера, тем не менее оно соответствует столь популярному сегодня манипулятивному тренду, генерируемому властью. И гражданское общество, и внеконституционные политические институты стали востребованными конструктами, позволяющими увеличить ресурсные возможности государства в осуществлении публичного управления на постиндустриальной стадии развития общества.

Овчарова О. Г.: Уважаемые коллеги! Динамика и глубина перемен, которые происходят в настоящее время как на уровне мировых политических процессов, так и практически в каждом конкретном государстве, преобразуют многие устои социально-политической жизни, а следовательно, и привычные парадигмы теоретического мышления политологов. Последние, реагируя на реалии, стараются отыскать адекватные схемы, алгоритмы, понятия, способные объективно интерпретировать политические феномены. И основной трудностью здесь становится не столько интерпретация новых, вызванных трансформациями сегодняшнего дня явлений, сколько объяснение исторически сложившихся и имеющих устоявшиеся теоретические объяснения форм политического взаимодействия, приобретающих в современных условиях специфические черты. Ярким подтверждением таких рефлексий, проис-

ходящих в современной политологии, и выступает сегодняшним докладом.

Проблема, анализируемая в докладе, безусловно, актуальная. Вот уже более двух десятилетий в самом центре политической жизни и теоретических дискуссий находятся вопросы наличия, природы и функциональности гражданского общества в России. Представленные докладчиком рассуждения и непосредственно предлагаемая им теоретическая новация «политический аналог» позволяют приблизиться к их решению. Надо признать, что России исторически не везло с демократией и, соответственно, с такой ее ключевой составляющей как гражданское общество. В силу чего именно эти феномены довольно сложно определять, если отталкиваться при их объяснении от классических понятий и практик, которые заложили основы теоретической классики. И в таком контексте понятие «аналоговые формы» в состоянии отразить то нестандартное содержание, которое имеет российское гражданское общество. Последнее, очевидно, не выступает плотной и разветвленной горизонтальной сетью гражданской общественной самодеятельности. Но как-то же надо характеризовать то, что оно собой сейчас представляет?

Нельзя не согласиться с Григорием Михайловичем в том, что гражданское общество в России, имея, по сути, полноценное институциональное обеспечение для своего функционирования, не обеспечивает решения задач, на него возложенных, в связи с отсутствием понимания своей функциональности в самих институтах, которые чаще всего складываются не на основе гражданской воли, а по заказу государства. Вот отсюда и возникает «аналоговость» как расхождение между заимствованной западной формой, уникальным российским содержанием и итогом деятельности, который опять-таки расходится с эталонным его пониманием.

Вместе с тем хотелось бы услышать от автора доклада ответ на следующее соображение. Несмотря на всю очевидность того, что российские институты гражданского общества в большинстве своем формируются более на основе принципов общества политического, тем не менее и среди них есть те, которые вырастают из чувств социально-политической ответственности. Это, на наш взгляд, комитеты солдатских матерей, общественные организации помощи инвалидам, материнству и детству, противодействия насилию в семье и т. п. Как в отношении подобных организаций действует авторское понятие «аналоговые формы» гражданского общества? И, может, в таком контексте необходимо вести речь об «аналоговой форме» российской демократии, в которой государство слабо реагирует на инициативы именно добровольных объединений граждан, прилагающих все возможные и невозможные усилия для того, чтобы хоть как-то решить проблемы, до которых у государства в силу различных мотивов, в том числе и по причине якобы незначимости

или даже отсутствия этих вопросов в российском обществе, «не доходят руки». Возможно, такое представление российской демократии позволит ответить на вопрос, предлагаемый к обсуждению на настоящем форуме: насколько понятие «демократия» способно отразить специфику современных политических процессов в России? Настолько, насколько оно в состоянии будет эту специфику учесть и интерпретировать. Иными словами, это должно быть модифицированное понятие, способное описать все происходящее с данным типом политического правления в России метаморфозы. Ведь, говоря о демократии, мы каждый раз конкретизируем: полисная демократия античности, представительная демократия, американская демократия. И, значит, целесообразно говорить о российской демократии, в том числе и путем применения характеристик «аналоговости».

И последнее. Введение в научный оборот понятия «политический аналог» выглядит, на наш взгляд, удачным и оптимальным в силу того, что сам термин «аналог» привычен для слуха и понятен для сознания россиян. Мы живем в состоянии перманентного изобретения и применения аналогов: технологические аналоги, аналоги медикаментов, аналоги системы образования, аналоги Силиконовой долины и т. д. И каждый раз, слыша об очередном «аналог», задумываемся, будет ли он эффективен, приживется ли он на российской почве и рационально ли вообще то или иное калькирование в отечественных экономических и культурных условиях. И с таких позиций дефиниция «политический аналог» будет, безусловно, способствовать дальнейшей плодотворной рефлексии отечественных политологов, пытающихся оценить баланс российских достижений и утрат в ходе настоящего социально-политического развития России.

Труханов В. А.: Общественно-политические системы современных демократических стран характеризуются прежде всего развитым гражданским обществом, способным ощутимо влиять на властную элиту. Вопрос о сущности гражданского общества, его функционировании остается во многом дискуссионным, особенно это касается бывших стран с командно-административной системой управления. Мне представляется, что, для того чтобы адекватно оценить реальные перспективы формирования в России гражданского общества, необходимо, во-первых, не только непредвзято определить характер институциональной среды гражданского общества, но и учитывать динамику массовых настроений, в том числе и касающихся отношения к демократическим ценностям и институтам, тем или иным способам и формам гражданской самоорганизации; во-вторых, прекратить списывать все издержки нынешнего положения на наследие коммунистического прошлого или сложности осуществляемых политических и экономических преобразований.

Как отметил в своем выступлении уважаемый Григорий Михайлович, а также вспоминая научную литературу по данной теме, можно заключить, что понятие «гражданское общество» характеризуется многозначностью и недостаточной проработанностью в современных политологических и социологических теориях. Актуальность рассматриваемого понятия и введение его в лексикон многих политических деятелей были обусловлены тем, что в нем в концентрированном виде были сосредоточены многие идеалы, такие как свобода частных лиц, экономический и политический суверенитет граждан, отсутствие давления и насилия над ними со стороны государства. Даже самих определений «гражданского общества» существует большое количество. В данном случае мне ближе определение, которое дала в своей диссертации Андропова Ирина Владимировна: «...гражданское общество – это система негосударственных общественных институтов и отношений, выражающая разнообразные интересы, потребности и ценности членов общества и дающая человеку возможность реализовать его гражданские права».

Рассматривая гражданское общество в России, можно сказать, что аналогов ему в современном мире, пожалуй, нет. То есть, говоря словами доцента Барашкова, аналогии с западными нормами либерально-демократической организации просматриваются вполне очевидные, но, с другой стороны, эти аналоговые модели демократии по результатам функционирования в целом оставляют желать лучшего. В чем же заключаются сложности в становлении гражданского общества? Ведь практически все необходимые институты как в политической, социальной, экономической, так и в духовной сфере в российском социуме имеются. Значит, должны быть в наличии другие составляющие, а не только структурные элементы, что, на мой взгляд, отметил в своем выступлении докладчик. Это отсутствие «граждан» в классическом либеральном смысле этого слова. Вроде бы существует полноценное институциональное функционирование гражданского общества, но для чего нужны эти институты – граждане не представляют, а общественные и политические лидеры не могут четко объяснить. Не говоря уже о том, что эти институты в современной России зачастую выполняют совсем не те функции, ради выполнения которых они в прошлом создавались в европейских и североамериканских социально-политических системах.

Тарасов И. Н.: В докладе Григория Михайловича поставлены важные вопросы поиска концептов политической науки, адекватно фиксирующих социальные реалии современности. В частности автор обратился к проблеме гражданского общества, его теоретического моделирования и эмпирического анализа.

Было поставлено три вопроса: о способности понятия «демократия» отразить специфику современных политических процессов; о необ-

ходимости учета специфики политических процессов в разных странах для прогнозирования; о применимости понятия «аналоговые формы» при изучении политических процессов.

Касаясь первого вопроса, Г. М. Барашков вполне убедительно доказывает, что понятие «демократия» способно отразить специфику современных политических процессов, но лишь при условии нашего сугубо политического понимания демократии как институционального механизма, а не идеологической доктрины. Критикуя транзитологическую концепцию, автор упустил из вида, что сам транзит не противопоставлялся модернизации и не указывает на предопределенный финальный пункт процесса. Демократия, тем более либеральная, редко становится результатом транзита. Более того, транзит обещает не столько смену политического режима, а лишь изменение формы, характера, стиля правления. В этом сугубо институциональном смысле транзит множествен.

Без сомнения, учет специфики политических процессов в разных странах для прогнозирования их развития необходим, что подробно продемонстрировал докладчик многочисленными примерами. В сравнительной политологии выявление специфики всегда сопровождается определением общности черт процессов и явлений. Установление специфики требует введения большого числа переменных при сравнительном анализе, что существенно затрудняет само исследование. Поэтому следует идти, скорее, не от специфики, а от общности при изучении проблем гражданского общества.

Наконец, наиболее интересным представляется вопрос о применимости понятия «аналоговые формы». Г. М. Барашков, как я понимаю, призывает нас изучать конкретно-исторические формы гражданского общества, которые выступают аналогами не вполне определенного теоретического концепта. Докладчик противопоставляет «органичные» и «аналоговые» гражданские общества. Под «органичным» понимается весьма условное западное гражданское общество; гражданское общество вне Запада – его аналог. Греческая этимология аналога («соответствующий», «упомянутый выше») подсказывает, что мы должны обратиться в первую очередь к поиску сходств «органичного» и «аналогового», что логически лишает аналог эвристического смысла. Если мы перейдем к поиску различий «органичного» и «аналогового», то аналог по своему смыслу приближается к терминологии ряда: «эрзац», «подобие» «псевдо-» и т. п. С методологической точки зрения введение понятия «аналоговые формы» ничуть не противоречит методу аналогий в компаративистике, который применяется в отношении малого числа случаев и не приемлет редуccionистской экстраполяции.

Таким образом, при изучении «аналогового» гражданского общества представляется вполне надежным обращение к теории политической де-

мократии для установления критериев общественной гражданственности с учетом многофакторной специфики политических процессов в отношении ограниченного числа рассматриваемых случаев.

Мишин К.: Несмотря на «триумфальное шествие» либеральной демократии, мы можем прийти к выводу, что невозможно экстраполировать демократические принципы на все общества без исключения. Четкое разделение гражданского общества и государства даст нам понять, почему это невозможно. Зачастую в родоплеменных государственных структурах на Ближнем Востоке и в Африке гражданское общество прочно и надежно сформировано, но о демократии не может идти и речи. Разве что без разрушения базовых принципов существования данных государств.

Уместным в данном контексте является вопрос, стоит ли судить о развитии того или иного общества по наличию в нем демократических институтов и сравнивать их с эталонным западным образцом демократии. Отрицательный ответ очевиден. Адекватные критерии оценки функционирования демократических институтов в частности и сравнения демократических форм в целом не созданы, а те, что созданы, отличаются низкой валидностью. Разработка адекватной системы оценок на основе индексного анализа поможет более точно охарактеризовать демократические институты и более наглядно продемонстрировать их надежность и функционирование, проанализировать их работоспособность. Предпосылки для создания такой системы уже существуют. Именно политические процессы во многом определяют развитие государств, реформы, законы и модернизации предпринимаются с целью совершенствования и развития государства.

Учитывая специфику политических процессов в разных странах, можно смоделировать сценарии развития их будущего в глобальном мироустройстве. К тому же для получения более полной картины необходимо также учитывать специфику соседних государств, так как зачастую они способны оказывать опосредованное влияние на исследуемое государство. Данная точка зрения находит свое подтверждение в явлении цикличности политических процессов (демократических волн и откатов), таким образом, мы с высокой долей вероятности можем определить, на какой стадии политического развития находится то или иное государство, и, возможно, спрогнозировать их будущее.

Само определение «аналоговые формы» на данный момент пока не вошло в оборот. На мой взгляд, в этом и заключается препятствие для выявления специфических пространственных и временных характеристик развития российского политического процесса. Потенциал у этого термина безусловно есть. Само понятие «аналог» в данном контексте обозначает определенное качественное состояние и динамические характеристики как отдельных институтов, так и политических процессов, в которых данные институты задейство-

ваны. Само понятие достаточно содержательно. О целесообразности применения данного понятия можно судить по тому, что возникла потребность в новом термине, который позволит найти новое понимание демократических процессов в российской политической действительности.

Кичигин Г. А.: Исследование социально-политических явлений отличается своей сложностью ввиду особой природы некоторых объектов исследования, например, демократии, которые достаточно трудно поддаются непосредственному изучению. Трудность непосредственного исследования заключается в том, что сущность явления проявляется в некоторой форме этого явления. В свою очередь, форма в большинстве случаев не отражает сущность в чистом виде, охватывая элементы других явлений, элементы сущности других явлений. Так, демократия, утвердившаяся в США, не может считаться воплощением идеала, или чистой сущности демократии, так как демократия США, помимо элементов сущности демократии, содержит сущности иных элементов, например национальной культуры. Таким образом, мы наблюдаем сущность демократии под воздействием национальных условий (политическая культура США как одно из них), что выражается в демократии США как форме. Существуют в настоящее время и существовали в истории и иные формы демократии. Так, существует понятие «нетипичная демократия», охватывавшее некоторые государства, проявляющие ценности демократии (ее сущность) в несколько иной форме. К числу таких государств причисляли Израиль, Италию, Швецию и Японию (в период существования в данных государствах партийной системы с одной устойчиво доминирующей партией). В этих государствах в указанный промежуток времени такая ценность демократии, как конкуренция в общем и конкуренция политических партий в частности, проявлялась нестандартным образом. Межпартийная конкуренция фактически имела место, однако ее результат проявился в длительном устойчивом доминировании одной партии. Тем не менее все указанные выше государства имели на рассматриваемый период статус демократических государств. В противоположность – Республика Мексика, чья история в XX в. также отличается длительным существованием партийной системы с одной устойчиво доминирующей партией, к демократическим государствам за период существования такой партийной системы не причислялась, относясь к государствам авторитарным. Подобные рассуждения можно отнести и к Южно-Африканской Республике в годы существования в ней апартеида. Два последних примера приведены для того, чтобы показать, что при различающихся условиях одна и та же черта, в данном случае особый вид партийной системы, может существовать как в авторитарном, так и в демократическом государстве.

Демократия ряда древнегреческих полисов также отличается от современного ее проявления,

в частности от американской формы, и тем не менее ее причисляют к разряду демократии, а не олигархии, или тимократии.

Таким образом, рассматривая вопрос демократии как сущности и форм ее проявления, считаем уместным добавление эпитета к понятию «демократия», который бы отражал форму явления, в то время как само понятие «демократия» отображало бы сущность явления. Так, указывая на форму демократии в США, следует сделать на этом акцент, подчеркнув тем самым, что, хотя политический режим США и относится к демократическим по сути, по форме он является американским или иным (западным, эталонным, классическим – в зависимости от цели исследования или общепринятого мнения). В таком свете вопрос о демократии и ее альтернативах несколько изменяет смысловое значение. Альтернативой демократии как политическому режиму в данном случае будет противостоять недемократичный режим – авторитарный, тоталитарный либо иной, – а не японская демократия, к примеру, которая несколько отлична от «эталонной» демократии США. К вопросу о национальных особенностях при исследовании демократии: указанное философами и мыслителями влияние природных условий на особенность политического процесса того или иного государства, в том числе и характер политического режима, проявляется в форме одной и той же сущности, в частности демократии. На форму того или иного социально-политического явления оказывают влияние и духовная культура общества. В данном случае под духовной культурой будет пониматься привычное отражение действительности – обычаи, стереотипы, традиции – без учета инновационной практики. Таким образом, если природно-географические условия могут частично компенсироваться научно-техническими достижениями (по крайней мере, пока частично), унифицируя условия социально-политической практики, то духовная культура замедляет восприятие меняющихся условий по-новому. Не имея возможности полной унификации условий социально-политической практики и вследствие наличия национально-культурных особенностей исследование социально-политической практики без учета таких национально-культурных особенностей затруднительно.

Митрохин В. А.: Без сомнения, Григорий Михайлович избрал для своего доклада актуальную и перспективную тему. Проблема разнообразия моделей гражданского общества в сложной организованном глобализирующемся мире требует внимательного и глубокого осмысления. Автор анализирует национальные формы гражданских обществ, зачастую весьма самобытные, через призму национального исторического опыта и с учетом воздействия на них внешних факторов – в первую очередь либеральной западной модели политического устройства.

Исследуются специфические особенности национальной и политической самоорганизации

обществ разных регионов мира с позиций состоявшейся или будущей легитимации той или иной формы политической организации государства.

Докладчик вполне оправданно оперирует понятием «аналоговость» применительно к развивающимся формам демократии. При этом совершенно справедливо учитываются важные факторы воздействия на общественную жизнь, такие как религия, этническая солидарность, традиционализм и специфика морально-нравственной ориентации различных типов общества.

Заслуживает внимания оценка автором сегодняшнего состояния российского социума с учетом его исторического развития. Подчеркивается, что именно государство выступало основным инициатором формирования общественных институтов и источником динамики развития. Это наложило неизгладимый отпечаток на всю систему хозяйственных и политических отношений в нашей стране. Совершенно очевидно, что не удастся в нынешних условиях адекватно и оперативно реагировать на новые вызовы динамично развивающегося мира. Поэтому проблема включения общества в созидание новых современных форм политической самоорганизации – это проблема будущего российской цивилизации. Однако, прежде чем приступить к очередной модернизации, необходимо грамотное осмысление прошлого и настоящего российского общества. В противном случае очередная «ломка» общественного организма без ясного понимания целей, задач и векторов развития вызовет разочарование и апатию.

Представляется, что доклад – вполне удачная попытка разобраться в характере происходящего сегодня, а возможно, и завтра общественного процесса. Остается «совсем немного» – найти инструменты и механизмы привлечения теоретических разработок ученых к политической практике в современной России. Здесь редкий случай, когда вынужден предстать пессимистом. Как показывает опыт последних лет, большая часть перспективных и значимых идей, выработанных в научной среде, не находит своего применения в деятельности современных политических элит.

Шестов Н. И.: Уважаемые коллеги! Думаю, что вы со мной согласитесь: сегодня предметом нашего обсуждения стала действительно интересная тема. Интересная и в плане совершенствования методологии политических исследований, особенно сравнительных, и в плане общего политико-философского понимания сути современных модернизационных процессов. Надеюсь, что Григорий Михайлович своим докладом не поставил точку в том направлении исследований, которое он предложил на наше обсуждение, и мы будем еще иметь возможность вернуться к обсуждению этих сюжетов на наших последующих семинарах. Надеюсь, что все присутствующие коллеги и впредь будут их активными участниками. Всем спасибо за творческое сотрудничество!

**Отчет об очередном заседании теоретического семинара Саратовского РО РАПН.
Доклад А. А. Казакова «Роль СМИ в устранении рассогласованности
“повесток дня” в России: к постановке проблемы». Саратов, 1 июня 2011 г.**

1 июня 2011 г. в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского прошло очередное заседание теоретического семинара Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН), посвященное обсуждению научного доклада ассистента кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского **А. А. Казакова «Роль СМИ в устранении рассогласованности “повесток дня” в России: к постановке проблемы».**

В семинаре приняли участие: *Шестов Николай Игоревич*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского, председатель Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН); *Барышков Владимир Петрович*, д-р филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института дополнительного профессионального образования СГУ; *Вилков Александр Алексеевич*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; *Егоренков Дмитрий Анатольевич*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Казаков Александр Александрович*, канд. полит. наук, ассистент кафедры политических наук СГУ; *Кузнецов Игорь Иванович*, д-р полит. наук, доцент кафедры истории и теории политики МГУ им. М. В. Ломоносова; *Мартынова Юлия Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации СГУ; *Санжаревский Игорь Иванович*, д-р полит. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тамбовского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ; *Сергеев Сергей Геннадьевич*, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Скорородова Ольга Сергеевна*, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Сулов Юрий Павлович*, д-р ист. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; *Чекмарев Эдуард Владимирович*, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; *Овчарова Ольга Геннадьевна*, д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной академии права; *Богданов Артём Владимирович*, аспирант СГУ; *Некрасов Артём Викторович*, аспирант СГУ.

На обсуждение в рамках теоретического семинара были вынесены следующие вопросы:

1. Что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории? Какие

разновидности «повестки дня» целесообразно выделять?

2. В какой мере современное российское общество с имеющимся у него ресурсом знаний о политике, с ресурсом мифов, идеологий и коммуникаций способно формулировать «повестку дня» и предоставлять, таким образом, исходный материал для дальнейшей работы СМИ?

3. Какова роль СМИ в установлении и регулировании различных «повесток дня»? Что отличает (и отличает ли вообще) в этом плане Россию от других государств? Чем это может быть вызвано?

4. Каким образом можно исследовать роль СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти? Насколько уместным здесь может быть сравнительное изучение опыта России и США?

Ниже прилагается стенограмма обсуждения научного доклада.

Шестов Н. И.: На мой взгляд, вопрос о «повестке дня» политики – это, в сущности, еще и вопрос о системности политики, то есть о мере ее хаотичности и организованности, о степени рациональности поведения субъектов политики. Кроме того, вопрос о «повестке дня» важен также в методологическом отношении для изучения политических процессов, так как он связан с определением «точки отсчета» при анализе любого политического процесса. От этой аналитической процедуры зависит в том числе и то, что мы будем считать «конечной точкой». Таким образом, вопрос «повестки» важен и в плане определения итогов политического взаимодействия. Из всего этого вытекает возможность поговорить о политической субъектности в совершенно ином исследовательском ракурсе. У нас есть статусная, правовая, ресурсная, функциональная и прочие стороны политической субъектности. Вместе с тем есть также субъектность тех, кто «заказывает музыку», тех, кто «под нее пляшет», и тех, кто разрабатывает алгоритмы этих «плясок», – именно в виду разного рода экспертные и научные сообщества. Получается, что есть возможность посмотреть на политическую субъектность как на нечто определяемое творческими и интеллектуальными потенциалами политического процесса. На мой взгляд, с этих позиций можно было бы высказать интересные суждения о том, как сегодня идет процесс обеспечения политики идеологическими императивами при отсутствии организованной работы по их выработке, и ответить на вопрос, почему не наделенные какими-то эксклюзивными политическими ресурсами институты (СМИ, например) оказываются системообразующими элементами политики.

Вилков А. А.: Буду ориентироваться на вопросы, предложенные для обсуждения. В отношении первого тезиса. А. А. Казаков констатирует в своем докладе наиболее часто используемые в науке традиционные понятия личной, межличностной и групповой «повестки дня» и не менее традиционное деление на публичную «повестку дня» и «повестку» принятия политических решений – то есть институциональную. Главное же предложение автора доклада сводится к возможности более активного использования в политологии категории «медийная повестка дня», с помощью которой можно всесторонне исследовать самодостаточную политическую субъектность СМИ. Не подвергая сомнению возможности СМИ в формировании и ранжировании самых различных «повесток дня» (личных, групповых, партийных, региональных, субрегиональных, общенациональных и т. д.), хочу остановиться на дискуссионности самодостаточности политической субъектности СМИ, которая предложена А. А. Казаковым.

На мой взгляд, имеет место явная идеализация западной демократической системы и той свободы, которую имеют западные СМИ в реализации своих политических функций. Идеально-типическое понимание политической системы просматривается даже в названии самого доклада: «Роль СМИ в устранении рассогласованности “повесток дня” в России: к постановке проблемы». Оно предполагает, что в принципе возможна согласованная «повестка дня», именно к ней и должны стремиться все субъекты политики, включая и СМИ. Главная ошибка, как представляется, состоит в том, что А. А. Казаков исходит из так называемой рациональной теории демократии и, соответственно, общественно ориентированного функционирования всех элементов демократической политической системы. На самом деле это миф даже для самых стабильных «демократических» систем, и тем более для переходных систем.

А. А. Казаков выделяет в качестве основного для политологического анализа субъектное и содержательное начало публичной и властно-политической «повестки дня», но при этом не учитывает функциональной многослойности политической деятельности данных субъектов (в том числе и СМИ). А она, в свою очередь, определяется известной амбивалентностью природы политики и, соответственно, государственной власти. Суть этой амбивалентности заключается в противоречии между общественно-публичным и частно-корпоративным ее измерениями, то есть идеально заданными общественными функциями и цели государства и отдельных субъектов политики постоянно входят в противоречие с корпоративными и эгоистическими интересами элитных и бюрократических группировок, лишь формально декларирующих свои цели от имени народа и во благо всего народа. В рамках политического менеджмента данная амбивалентность признается многими специалистами, например Д. Андерсоном.

Публично российские политики, например, ратовали за интересы всех авто владельцев в принятии Закона об обязательном страховании. Реально от продвижения данного законопроекта выиграли прежде всего страховые кампании. Монетизация льгот публично обосновывалась как демократизация социальной функции государства – реально позволила урезать 15% государственных расходов в этой области.

Расхождение между публичными заявлениями и реальными целями субъектов политики – это важнейшее обстоятельство, не позволяющее исходить из идеально-типического понимания политической системы. Другое обстоятельство связано с расхождением между декларируемыми и реальными возможностями субъектов политики и политической системы в целом. Явный популизм в нашей стране, надеюсь, изжит окончательно, но завуалированный имеет место, как и в любой стране. Неслучайно некоторые экономисты предлагают рассматривать период выборов как один из основных факторов экономической цикличности (завышенные обещания политиков в области расходов приводят к повышению дефицита бюджета, к росту долгов и иных обязательств, к росту инфляции, а затем к осложнению экономической ситуации).

По второму тезису. Как народ в рамках демократии не может управлять сам собой, так и общество не способно формулировать «повестку дня». В этом принимают участие различные институты гражданского общества, каждый из которых отражает и защищает либо интересы социальной группы, либо определенную сферу деятельности граждан. Однако главную роль в артикуляции и агрегировании общественных проблем, требующих политических решений, играют субъекты политики. Для них совокупность общественных проблем представляет главный ресурс для формулирования и публичной демонстрации своих предвыборных программ. Однако при этом важно учитывать обозначенную многослойность и противоречивость публичной и реальной функциональности субъектов политики, в том числе и СМИ. Исходить целесообразно именно из функционального понимания.

Для СМИ главная задача – привлечь к себе читателей/зрителей. Конкретные журналисты стремятся повысить свой рейтинг и заработную плату («ради красного словца не пожалеют и отца»). Для политиков главными являются имиджевые задачи и борьба за голоса избирателей. Общественные проблемы – это важнейший базовый ресурс политической борьбы: кто лучше сформулирует, предложит, «упакует» в программу, сделает более привлекательной и т. д. Для некоторых политиков процедура публичного оформления общественных проблем представляет собой главный имиджевый ресурс.

Поэтому на первый план выдвигается проблема выигрешности информационных поводов

вокруг различных общественных проблем, а также проблема их ранжирования. Конкуренция вокруг процессов политизации данных социальных проблем и представляет, на мой взгляд, главную заслугу демократии как системы. Но при этом никуда не уходит противоречие между декларируемым и реальным интересом субъектов политики; между декларируемым и целесообразным; между декларируемым, целесообразным и возможным. Результатом чаще всего является компромисс в принятии и реализации политического решения на основе нахождения баланса между декларируемым, реальным, целесообразным и возможным. Там, где этот баланс учитывает общественные интересы, – более или менее стабильная политическая система. В России такого баланса пока не сложилось.

Обращаясь к третьему тезису – мне представляется, что А. А. Казаков преувеличивает политическую субъектность СМИ как автономную и целерациональную. На самом деле политическая роль СМИ в первую очередь определяется коммерческими интересами. Общественные проблемы выступают для СМИ как источник информационных поводов для зарабатывания денег (в этом совпадение общественных интересов и интересов СМИ). Но если главные субъекты политики – бизнес-элиты – в своих непубличных стратегиях будут руководствоваться другими интересами, то они могут изменить и медийную «повестку дня».

Также и властные структуры, например, для легитимации своей внешней политики могут искусственно ранжировать информационные поводы, то есть манипулировать публичной «повесткой дня». Это характерно не только для России, но и для демократических стран. Свидетельством тому, например, могут служить двойные стандарты западных журналистов, используемых ими, с одной стороны, в отношении войны в Ливии, представляемой как война против диктатора за торжество демократии, а с другой – в замалчивании жестокого подавления с помощью наемников восстания шиитского большинства против суннитского правящего меньшинства в Бахрейне.

Поэтому вряд ли есть смысл говорить о возможностях СМИ самостоятельно «генерировать» собственные «повестки», делая достоянием общества и власти факты, до этого скрытые от всеобщего внимания». То же – о возможностях «определенным образом форматировать уже существующие «повестки»» – изменять ракурс их рассмотрения, сужать или расширять проблемное поле и т. п. Тесно с этим связана и возможность СМИ ранжировать имеющиеся «повестки».

Например, А. А. Казаков утверждает, что «любой, даже самый мелкий и сугубо индивидуальный повод может приобрести общегосударственную, а порой и международную значимость, если на него обратят внимание массмедиа».

Вопрос как раз и заключается в том, что на некоторые проблемы обращают внимание, а на

некоторые – нет. Почему? Кто это решает? От кого это зависит? Ответы на эти вопросы А. А. Казаков вряд ли сможет найти, так как они лежат не в области публичной политики. В авторитарных системах здесь все понятно, но и для демократических систем свобода журналистов носит относительный характер. Авторский критический ракурс в адрес России вполне справедлив, но он в такой же степени в основе своей справедлив и для других стран, в том числе и самых демократических.

Я уже пять лет регулярно читаю материалы сайта ИНОСМИ и могу засвидетельствовать стабильное наличие необъективности и предвзятости в освещении многих российских и мировых проблем. Ничего не могу сказать о наличии цензуры и спускаемых сверху установок в их освещении, но о наличии «внутренней» цензуры журналистов могу утверждать однозначно. В их основе лежат мировоззренческие и идеологические шоры, которые, в свою очередь, закладывает мощная и эффективная система социализации. Например, внедрение стереотипов о превосходстве американской системы, о необходимости вести борьбу за внедрение американских принципов и институтов во всем мире срабатывает и на журналистском уровне. Поэтому реально идет борьба за нефть и другие ресурсы, а демократические СМИ и демократические общественные организации выступают как инструменты прикрытия и декорирования войн против диктаторов и стран-изгоев.

В отношении четвертого тезиса я считаю, что изучать эти проблемы нужно, но изначально понимая сложность данной научной задачи. Очень важно не поддаваться на манипуляционные уловки западных СМИ, ведущих активную и изощренную информационную войну против современной России на основе использования все новых и новых технологий.

Суслов Ю. П.: Рассматриваемая сегодня тема, безусловно, очень интересна. Однако я настаиваю на том, что для ее изучения необходимо взять либо внутри-, либо внешнеполитический аспект, а также выбрать конкретные хронологические рамки исследования. Иначе тема будет просто безбрежной.

Кузнецов И. И.: Данная тема мне достаточно хорошо знакома – в свое время я ею также занимался. Кроме того, мне знакома также и большая часть упреков, которые прозвучали из уст А. А. Вилкова. Хочу поддержать Александра Александровича в том, что данная тема – одна из самых актуальных и «мейнстримовых» в современной политологии. Угол зрения, предложенный А. А. Вилковым, был характерен для публикаций конца девяностых – начала двухтысячных годов. Здесь необходимо сразу определиться с тем, насколько все связанные с управлением «повестками» сюжеты есть следствие рационального и эмоционально-аффективного. При этом нужно обязательно учитывать формат СМИ.

Необходимо отметить, что теория «повестки дня» – это теория среднего уровня, которая помогает объяснить актуальное и насущное «здесь и сейчас» в масштабах региона или страны. Далее: психологи утверждают, что на стадиях перехода от одного уровня «повестки дня» к другому существенно модифицируются технологии их формирования. В этом смысле я бы порекомендовал А. А. Казакову обратить внимание на работу Э. Ноэль-Нойман «Спираль умолчания». В своем нынешнем виде обсуждаемая нами сегодня работа – это заявка на серьезное исследование, в ходе которого его автору придется ответить на целый ряд вопросов. Один из них – вопрос конкуренции в деле установления «повестки дня», и в том числе ее нормативной основы. Здесь я предлагаю обратиться к исследованию политического процесса через призму анализа ресурсов (школа неореализма, Дж. Най – концепция «мягкой силы»). Заход с этой стороны способен привести к весьма интересным выводам. Например, к тому, что «повестка» российско-американских отношений имеет ограниченное количество участников, или субъектов ее установления.

Еще один важный вопрос – соотношение публичного и непубличного в установлении «повестки дня». В частности, применительно к России и Америке публичной «повесткой», по сути, является лишь так называемая перезагрузка. Все остальное – третья позиционное кольцо, секторальная ПРО и т. д. – суть непубличная «повестка».

В целом же сформулирована очень серьезная исследовательская проблема. Уверен, что Александру Александровичу удастся ее решить.

Мартынова Ю. А.: Несмотря на то что термин «повестка дня» не является новым и используется довольно давно, очевидно, что тот круг проблем, который он покрывает, изучен еще недостаточно.

Как отметил в своей статье Александр Александрович, феномен «повестки дня» в последнее время заметно актуализировался и стал привлекать к себе все большее внимание исследователей. Из этого можно заключить, что понятие «повестки дня» характеризуется многозначностью и недостаточной проработанностью в современных политологических и социологических теориях. Материал, представленный автором, это наглядно демонстрирует.

Ключевой ролью в такой актуализации, по мнению автора, который опирается как на классиков коммуникативистики, так и на более современные исследования, следует считать воздействие СМИ на общественное сознание. Следовательно, проблему «повестки дня» автор связывает с возможностями СМИ ее формировать. Под «формированием» повестки дня понимается акцентирование средствами массовой информации тех проблем либо аспектов проблем, которые

были бы наиболее актуальны для общественного сознания в определенный момент времени.

Как мне кажется, если еще недавно можно было говорить о главенствующей роли СМИ в определении общественной «повестки дня», то с развитием информационных технологий, с появлением сети Интернет доступ к информации стал настолько широким, а самой информации стало настолько много, что чрезвычайно трудно четко выделить «повестку дня» даже в короткий отрезок времени. Сейчас люди не воспринимают СМИ как нечто, чему следует безоговорочно доверять и в соответствии с чем следует строить свои убеждения. Скорее, здесь присутствует свободный выбор: среди множества тем, обсуждаемых СМИ, какие-то захватывают внимание, а какие-то оставляют равнодушными. Несмотря на существование классификаций, разработанных разными исследователями и на которые ссылается А. А. Казаков, следует признать, что имеющиеся таксономии порой не позволяют адекватно оценить реальные «повестки дня» как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Данная проблема – многоуровневость политического пространства, фрагментарность и порой противоречивость «повесток дня» – вполне осознается автором, и задача, требующая решения, – это возможность выявить закономерности, порождающие именно такие «повестки дня» в тот или иной момент. Естественным шагом было сузить область исследования, и, видимо, поэтому, автор остановил свой выбор на сравнении «повесток дня» России и Америки. Как представляется, такое решение является вполне приемлемым, несмотря на то что эти два социума очень сильно разнятся по многим параметрам, как историческим, так и социально-политическим.

Как справедливо отметил в своей реплике профессор В. А. Труханов, рассматривая гражданское общество в России, можно сказать, что аналогов ему в современном мире, пожалуй, нет. То есть аналогии с западными нормами либерально-демократической организации просматриваются, но, с другой стороны, эти аналоговые модели демократии по результатам функционирования в целом сильно отличаются. Тем не менее если четко выработать критерии для сравнения, то, может быть, именно социальные различия помогут выявить механизмы формирования «повесток дня» с помощью СМИ. Другими словами, необходимо локализовать проблему и выработать некий список «повесток дня» – скажем, «повестки дня» внешней политики, внутренней политики и т. п., которые и подвергнуть сопоставительному анализу.

Кроме того, было бы интересно проанализировать роль самого общества в формировании «повесток дня». Очевидно, что СМИ выполняют направляющую, идеологизирующую функцию при создании общественного мнения, однако эта функция может проявляться как с позитивной,

так и с негативной стороны, то есть порой возникающая «повестка дня» становится прямой противоположностью тому, к чему призывают либо оценивают СМИ. С этой точки зрения любопытно было бы проанализировать мониторинг общественного мнения, проводимый в рамках социологических исследований.

Более частным аспектом проблемы является изучение взаимосвязи «общественной» и «институциональной» «повесток дня»: что делается властными структурами для того, чтобы институциональная повестка дня переросла в общественную, и какие для этого используются средства?

Если существуют закономерности, с помощью которых СМИ выполняют структурирующую функцию в формировании «повесток дня», то нельзя ли с их помощью улучшить коммуникационное взаимодействие пусть даже не между разными странами, а хотя бы внутри одного общества? Другими словами, можно ли управлять потенциалом СМИ, направлять его?

Вполне возможно, что для автора будут полезны исследования, проводимые представителями смежных наук, в частности филологами, посвященные проблемам коммуникации. Так, например, можно обратиться к работе нашего коллеги по университету В. В. Дементьева (*Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000. 248 с.*).

Овчарова О. Г.: Обсуждаемая проблема, безусловно, сложная, интересная и актуальная. И нельзя не согласиться с Александром Александровичем в том, что и сложность, и интерес, и актуальность темы относятся как к ее теоретическому, так и к прикладному аспектам. Потому что и в том и в другом случае наблюдается очевидная неопределенность, неразрешенность вопроса, вызванная, как верно отмечает автор, разницей предпочтений и задач акторов политического процесса, которая и выражается в различных интерпретациях термина «повестка дня» и несогласованности действий при ее формировании на практике.

В таком ракурсе вопрос о том, что же считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории, вполне закономерен. И здесь, наверное, следует отталкиваться от ключевого понятия политологии – «политика». Если понимать политику как управление, упорядочение общественной жизни, то политической «повесткой дня» является артикуляция наиболее насущных проблем, от решения которых будет зависеть стабильность социальной и политической систем того или иного государства. Если рассматривать политику, к примеру, в интерпретации М. Вебера – как стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, – то «повестка дня» определяется обозначенными в определении целями. В некоторых случаях она может быть чистой риторикой или просто конь-

юнктурной. Иными словами, политическая (или институциональная, как в докладе) «повестка дня» будет зависеть от смысловой нагруженности, которую получает политика в зависимости от ее практических целей и их реализации.

Разновидностей «повесток дня», опять-таки нельзя не согласиться с Александром Александровичем, тоже может быть много. И это естественно в силу динамики, мобильности развития социально-политических отношений, наличия разных уровней политического управления. Если государство, его экономика, политика стабильны, социально ориентированы, то рассогласования действий при решении вопросов, стоящих на «повестке дня», удастся избежать. Они решаются на основе устоявшейся системы политических действий. Иное дело в современной России, где игнорирование ключевой «повестки» – решение проблем социально-экономической незащищенности граждан – и перманентная презентация иных «политически-значимых» вопросов вызывают представление о хаотичности деятельности власти либо же о ее бездействии и решении исключительно собственных проблем.

В силу сказанного выше с трудом можно говорить о том, что российское общество как таковое формулирует «повестку дня». В этом вопросе, возможно, следует обратиться к социологическим исследованиям. Выяснить, какие социальные группы политически более ориентированы и чьи действия в состоянии представлять исходный материал для дальнейшей работы СМИ (ведь значительное число россиян не интересуется политикой). При этом опять-таки надо учитывать формат непосредственно самих СМИ, их открытость либо «придворность» и подачу информации с одной точки зрения. Понятно, что в настоящее время анекдот советской эпохи о Наполеоне и советских СМИ не актуален (когда Наполеона спросили, что он думает о газете «Правда», он ответил, что, будь у него такая газета, никто и никогда бы не узнал о Ватерлоо), тем не менее центральные газеты и телевизионные каналы предоставляют информацию, в зависимости от реакции на нее, весьма дозированно, что-то бурно дискутируется и массово тиражируется, что-то вообще упоминается крайне осторожно и редко (к примеру, ситуация с бывшими руководителями «ЮКОСа» или озвучивание низкого уровня жизни большого количества россиян). В соответствии с этим же расставляются акценты и подается интерпретация событий. Хотя это может быть оправдано и такими целями, как попытка политической интеграции общества, его стабилизации. Подобная ситуация наблюдается и в других странах. (Интересно в таком контексте, как можно характеризовать свадьбу принца Уильяма (а это событие не просто было «повесткой дня», а медийной «повесткой» целого временного отрезка) – как политическую «повестку дня» или нет?)

Говоря о роли СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти, можно обратиться к словам Е. Б. Шестопаля, которая пишет о том, что, наверное, нет сегодня большей власти, чем власть виртуальная. Самое удивительное даже не в том, что населением сегодня управляют с помощью телевизионного пульта; сама власть верит только в то, что прочтет в свежей газете или увидит в выпуске теленовостей.

Что касается сравнения опыта США и России при изучении роли СМИ в формировании политической «повестки дня», это уместно, но, естественно, при соблюдении законов компаративистики и выявлении особенностей восприятия и политического поведения граждан этих стран, их традиций в отношении доверия к СМИ. Здесь также может быть ключевым вопрос о правовой ответственности СМИ и исполнении этой ответственности за подачу той или иной информации.

И последнее. Хотелось бы посоветовать Александру Александровичу при дальнейшей разработке этой темы обратить внимание на такие теоретические конструкции, как «индивидуализация политики» и «глобальные СМИ». Первая интерпретирует феномен влияния средств коммуникаций на политическое поведение человека на фоне современной тенденции к ослаблению зависимости поведения граждан от социально-групповых структур и политических партий (Р. Далтон). Вторая характеризует деятельность нового транснационального актора – СМИ, ориентированных на всемирную, главным образом англоязычную аудиторию, которые формируют современную «повестку дня» (М. М. Лебедева). Автор так или иначе затрагивает эти вопросы в работе, но, возможно, более глубокий анализ данных феноменов позволит решить уже стоящие на «повестке дня» его научных изысканий вопросы и найти новые.

Чекмарев Э. В.: Данная тема мне кажется действительно интересной. Я считаю, что более правильным и актуальным было бы сделать объектом и предметом исследования не сами СМИ, а формируемые ими «повестки дня». Формирование внятной формулировки «повестки дня» является крайне актуальным как для власти, так и для общества. На сегодняшний день имеют место эклектика и мешанина из большого количества «повесток». Думаю, что выходом из сложившейся ситуации может быть помещение в фундамент общей «повестки» четырех базовых принципов: демократия, ценности, свобода и справедливость. Отталкиваясь от этих оснований, целесообразно анализировать состояние современной российской «повестки». Таким образом, повторюсь, было бы более целесообразно попытаться сформулировать конкретные «повестки дня» российской власти и общества.

Егоренков Д. А.: Если говорить о роли СМИ в демократическом обществе, то нынешняя фор-

мулировка обсуждаемого доклада представляется мне не совсем правомерной, так как там роль СМИ должна заключаться не в устранении, а в обеспечении рассогласованности. В этом плане куда более уместным мне кажется говорить о роли СМИ в устранении рассогласованности общественной «повестки дня». Таким образом, я согласен с Эдуардом Владимировичем в том, что объектом исследования должны быть не СМИ, а «повестка дня» или – во множественном числе – общественные «повестки дня». Предметом же в таком случае логично считать то, что сегодня значит в качестве темы доклада. В таком ракурсе данная научная проблема приобрела бы дополнительный интерес.

Скороходова О. С.: Полностью согласна с тем, что ничего плохого в рассогласованности «повесток дня» нет. Кто сказал, что ее не должно быть? С этой точки зрения мне представляется, что автор не совсем методологически четко определил для себя то, что он вкладывает в понятие «повестка дня». Насколько я понимаю, традиционно данное понятие вписывается в рамки политического управления, то есть формирование «повестки дня» – это процесс управляемый. С этих позиций вызывает определенные вопросы необходимость рассмотрения личностной и межличностной «повесток». Меня несколько смущил также выбор стран, опыт которых предполагается исследовать: можно ли сравнивать страны с различными типами политических режимов? Дело в том, что в России «повестка дня», на мой взгляд, имеет во многом фасадный характер. В Америке же, что-то мне подсказывает, в формирование «повестки дня» вкладывается несколько иной функционал. Американцы имеют довольно четкую внешнеполитическую стратегию, которая была сформирована лет сто назад, а у России с момента распада Советского Союза такой стратегии нет. Поэтому вызывает сомнение попытка сравнить вещи, между собой не совсем сравнимые. В целом же надеюсь, что Александр Александрович ответит на все мои вопросы уже в тексте своего диссертационного исследования.

Сергеев С. Г.: По поводу названия. Возможно, имеет смысл переформулировать его таким образом: «Роль СМИ в установлении рассогласованности “повесток дня”». Кто знает, может они, действительно не устраняют, а устанавливают ее. Большие сомнения вызывает также и тезис о том, что рассогласованность «повесток дня» – это плохо. Может быть, лучше взять сферу российско-американских отношений и проанализировать роль СМИ в формировании их «повестки дня»? Если же брать одновременно и внутри-, и внешнеполитические аспекты, то это будет просто неподъемная задача. Тем более что «повестка дня» – вещь очень гибкая и подвижная. Вопросы вызывает также и оправданность рассмотрения СМИ как единого политического субъекта: между собой они вну-

тренне неоднородны. В целом мне кажется, что тему лучше сформулировать более обобщенно, например: «СМИ в управлении “повестками дня”» или «Роль российских и американских СМИ в управлении “повестками дня” российско-американских отношений». Кроме того, представляется уместным в первую очередь оперировать понятием именно политической, или публичной «повестки дня».

Санжаревский И. И.: Говоря об актуальности «повестки дня» семинара, отмечу, что газета «Взгляд» словосочетание «повестка дня» выделила в качестве «любимого словосочетания всего российского экспертного сообщества»¹, в котором существенную роль играют СМИ, с одной стороны, как средства коммуникации, с другой, как коллективные (редакции) и индивидуальные акторы (журналисты). Вполне естественно, коллективный актор акцентирует внимание на свойствах, отражающих коммуникативную составляющую явления: публичное «извещение с вызовом, приглашением» к обсуждению, которое можно зафиксировать с помощью средств коммуникации и в дальнейшем тиражировать в СМИ², индивидуальный – на содержательной стороне, на перечне вопросов, подлежащих обсуждению. Отсюда извечная проблема формирования повестки дня в СМИ, определяемая противоречиями между ролью «независимого посредника» (технологическая роль коммуникатора) и социально-политическим позиционированием.

Общественно-политическая коммуникация, будучи объективной, всегда субъектна. «Повестка дня», складываясь социально-экономически, наряду со СМИ формируется субъектами политики, экономики, духовной и идеологической сфер, сфер науки, образования, обслуживания и т. д. Поэтому другим системообразующим атрибутом «повестки дня», на мой взгляд, является наличие или отсутствие проблемы, определяемое самим субъектом коммуникации. Данный подход хорошо иллюстрируется с позиции теорий конфликтного управления.

Общественно-политическая, социально-экономическая потребность всегда связана с конкретным событием, которое становится «темой дня». Анализ механизмов процесса коммуникационного перехода «темы дня» в «повестку дня», когда тема может сформулировать самостоятельную «повестку» или стать составной частью уже существующей, является важнейшей научно-практической предпосылкой политологического понимания этой категории.

Другой важнейший этап политологического анализа процессов трансформации коммуникации в политическую сферу тесно связан с пропорциями количественно-качественного перехода от точки зрения (темы дня) к мнению («повестке дня») и от них – к волеизъявлению и правовому оформлению. Политические механизмы перехода «мнения» в «волю», последующая (или нет)

институализация раскрывают не только действительность, но и направленность существующих демократий.

Таким образом, для ответа на вопрос, что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории, представляется методологически продуктивным использование методологии объективизма и методологии институционального и субъектного подходов в политической науке.

Барышков В. П.: Прежде всего хотел бы отметить, что сегодняшнее обсуждение прошло в удивительно продуктивной форме. На мой взгляд, необходимо углубить семантику самой «повестки» как таковой. Ведь что такое повестка? Извещение, вызов, извещение, приглашение. День же – это сегодня. Стало быть, «повестка дня» – это извещение «о сейчас». В этом семантическом плане СМИ, безусловно, формируют эту самую «повестку» – они извещают о сейчас происходящем. Лично мне представляется логичным исследование роли СМИ именно в данном контексте. «Повестка дня» предполагает, что это процедурный, кабинетный, технический аспект политики. Между прочим, именно составление «повестки дня» стало для И. В. Сталина трамплином в его политической карьере.

Бормотов В. Е.: Мне не совсем понятен смысл, который автор вкладывает в понятие рассогласованности. Положительное это явление или отрицательное? На мой взгляд, скорее положительное. Что было бы, если бы ее не было? Получается, что во всех без исключения СМИ писалось бы одно и то же. В этой связи, возможно, имеет смысл обозначить некоторые точки, в которых рассогласованные «повестки» должны пересекаться. Кроме того, я считаю, что существует реальная «повестка дня» – то, что действительно интересует людей, – и выявить ее весьма сложно. Помимо нее существует также и политическая «повестка», формирование которой является делом профессиональных ньюсмейкеров от политики. Однако зачастую происходит так, что СМИ выражают мнение кого угодно, только не общества.

Некрасов А. В.: Лично мне представляется, что СМИ участвуют в процессе формирования внутривнутриполитической «повестки дня» в минимальной степени. Скорее, они выступают трансляторами того, что уже существует, внося туда лишь определенные ситуативные изменения. Поэтому я предлагаю несколько изменить ракурс рассмотрения данной проблемы и заменить формулировку темы на «Роль СМИ в формировании внешнеполитической “повестки дня”».

Богданов А. В.: Следует сказать, что данная тема очень актуальна и необычна в плане ракурса и постановки рассматриваемой проблемы. На мой взгляд, заявленная тема дает возможность, используя оригинальный (новый, иной) подход через «повестку дня», рассмотреть и проанализировать

взаимоотношения государства и СМИ, СМИ и общества, общества и государства через СМИ.

Отвечая на первый блок вопросов, хотелось бы отметить, что в докладе А. А. Казакова даются определения «повестки дня», сформулированные не только зарубежными авторами, но и отечественными исследователями. Соглашаясь с приведенными в выступлении определениями, необходимо, на мой взгляд, обратить внимание на понимание «повестки дня», на основные характеристики, ее компоненты, которые в своих работах выделяет известный российский политолог Глеб Олегович Павловский. Павловский пишет о том, что «повестка дня» – это в определенной степени «устойчивая система приоритетов», «система центральных тем» и, что немаловажно, «система ожиданий общества и его ориентация в текущем процессе». То есть это в любом случае процесс, характеризующийся обратной связью, без нее это уже не «повестка дня», а формально оглашенный план мероприятий государства, не отражающий действительных чаяний населения, а значит, исключающий возможность участия гражданского общества в делах государства.

Касаясь вопроса о разновидностях «повесток дня», на мой взгляд, целесообразно выделять внутреннюю и внешнюю «повестки дня». Если в основу деления положить принцип обратной связи, то можно выделить государственную и общественную «повестки дня».

Переходя ко второму и третьему блоку вопросов, я соглашусь с автором доклада в том, что отечественные СМИ контролируются государством, «повестка дня» им навязывается властной элитой, от которой СМИ зависят как экономически, так и политически. Но тогда возникает такой вопрос: если дать СМИ свободу, будут ли они в силу своей природы структурировать политические события в объективном ракурсе, не поддаваясь при этом воздействию эффектов «шоу» и «толпы»?

Ведь само общество «хватает» чужую, не свою «повестку дня». На самом деле обществу предлагается примерно 7 тем, плюс-минус две в зависимости от конъюнктурного политического процесса. При этом потребители, граждане как свободные люди самостоятельно формируют свое мнение и отношение, но именно к тем темам, фактам и событиям, которые вошли в «повестку дня». Таким образом, обществу уже заранее навязывается определенный вектор рассуждений по спланированным и тщательно подобранным темам, при этом не ущемляя права граждан в их «свободном выборе».

Поэтому нужно, чтобы контроль СМИ был не только и не столько государственным, но также и общественным, гражданским. Возможно, необходимо создать общественные структуры, так называемые независимые союзы (комитеты) общественно-политической «повестки дня», которые будут осуществлять мониторинг политических, и в том числе глянцевых, таблоидных, СМИ

путем анализа опроса общественного мнения не только в регионах, но и на местах. Естественно, в эти организации могут приходить граждане и оставлять свои заявления на рассмотрение. Таким образом можно осуществлять и морально-нравственное, гражданское воспитание молодежи. При этом данные организации будут аккумулировать, агрегировать интересы общества, оформлять их, в свою очередь, в виде «повестки дня» и передавать в соответствующие государственные структуры.

Отвечая на четвертый блок вопросов, мне представляется, что исследовать роль СМИ в формировании «повестки дня» можно и применительно к опыту других стран, и применительно к своему историческому прошлому. При этом следует также осуществлять сравнение способов формирования «повестки дня» в глянцевых, таблоидных изданиях с государственными, оппозиционными изданиями, печатных – с электронными. В ходе такого анализа можно будет выявить ключевые моменты, механизмы формирования, а главное, причину, почему глянцевые и таблоидные издания популярнее новостных политических журналов. И, скорее всего, обнаружится, что немало зависит от формы подачи, в том числе от визуализации главных тем «повестки дня».

Шестов Н. И.: Как человек, имевший некоторое отношение к формированию повестки сегодняшнего заседания, я ощущаю некоторую рассогласованность на уровне личного сознания. В науке есть уже достаточно устоявшиеся подходы. Суть одного из них огрубленно можно сформулировать так: СМИ – это «четвертая власть». Противостоит данному подходу представление о том, что СМИ – это ничто. А не лучше ли вообще при анализе ситуации исходить просто из факта наличия СМИ? Они есть. Не хорошие и не плохие, но деваться от них все равно некуда. Поэтому и изучать их нужно лишь потому, что они есть. Может, здесь пахнет каким-то научным ревизионизмом, но почему бы и нет? С позиций выделения объекта и предмета анализа, на мой взгляд, возможны два подхода: статический и динамический. И именно то, на какую позицию встанет Александр Александрович, и будет определять структуру его аналитической работы. Статика предполагает изучение вполне конкретной «повестки дня» с выделением точки отсчета ее формирования, основных этапов, конечного результата и последующим доказательством объективности полученных выводов. Более продуктивным мне представляется динамический подход, предполагающий рассмотрение «повестки» как постоянно развивающегося за счет создания новых уровней, информационных каналов и тому подобных процессов. Здесь можно будет сосредоточить внимание на проблемах устойчивости и неустойчивости «повестки дня», на механизмах повышения и понижения ее актуальности.

Вполне возможно, было бы очень интересно с ревизионистских позиций проанализировать

распространенные сегодня концепции информационного общества – создав, например, авторскую теорию среднего уровня. Охарактеризовать информационное общество не как внешний контекст происходящих сегодня политических процессов, а как некий сформированный усилиями общества, элит и СМИ один из механизмов внутренней саморегуляции общественных отношений.

Наконец, в отношении реплики Александра Алексеевича о возможности рассмотрения СМИ в качестве самодостаточного объекта исследования. Мне кажется, что сделать это можно. Информация, которую актуализируют СМИ, обладает определенной потребительской стоимостью. То,

что медиа не так активно реагируют на запросы общества, может быть связано с тем, что здесь у них есть достаточно серьезные конкуренты в лице других каналов коммуникационного взаимодействия.

Примечания

- ¹ *Кашин О.* Повестка дня / Взгляд. Деловая газета от 17.10.2006. URL: <http://vz.ru/columns/2006/10/17/53191.html> (дата обращения: 01.06.2011).
- ² См.: Словарь бизнеса // Ведомости. [сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/glossary/повестка> (дата обращения: 01.06.2011).